

Ю.А.ПИСАРЕВ

СЕРБИЯ

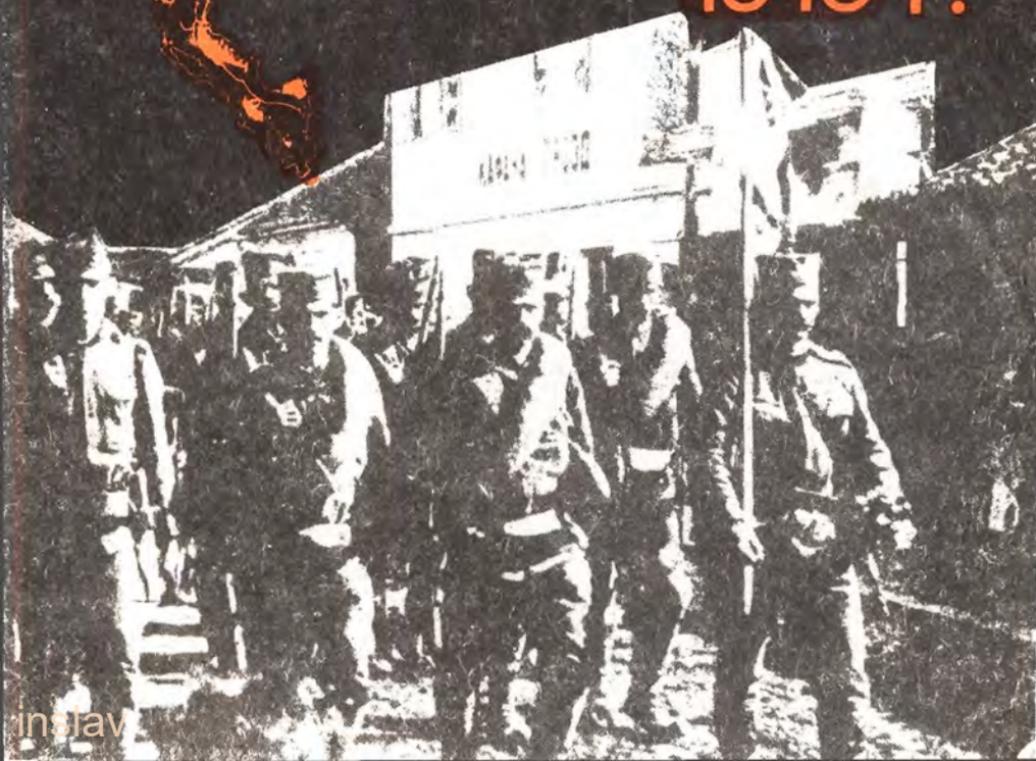
НА ГОЛГОФЕ

И ПОЛИТИКА

ВЕЛИКИХ

ДЕРЖАВ

1916 Г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Ю.А.ПИСАРЕВ

**СЕРБИЯ
НА ГОЛГОФЕ
И ПОЛИТИКА
ВЕЛИКИХ
ДЕРЖАВ
1916 г.**

МОСКВА "НАУКА"

1993

Рецензенты:

Доктор исторических наук *Т.М. Исламов*,

Доктор исторических наук *В.С. Васюков*

Писарев Ю.А.

П 32 **Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. —**
М.: Наука. 1993. — 206 с.
ISBN 5-02-010134-6

Книга посвящена одному из наиболее трагических и мало изученных периодов истории Сербии — 1916 году, когда после военного поражения от войск Центральной коалиции перед сербским народом встал вопрос о самом существовании своего национального государства, которое на три долгих года было оккупировано иноземными захватчиками. Страна оказалась "на Голгофе" — таким был скорбный путь отступления сербской армии через горы и теснины Черногории на греческий остров Корфу. В 1916 г. началось ее возрождение, положившее начало восстановлению национальной государственности. Воскрешение Сербии оказали содействие Россия и другие ее союзники. В книге приводятся новые материалы об этом переломном периоде истории сербского народа и международных отношениях того времени. Для историков и всех, интересующих историей.

П 0503030000-008 55—93, I полугодие
042(02)-93

ББК 63.3(0)6

ISBN 5-02-010134-6

© Ю.А. Писарев, 1993

© Российская академия наук, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

“На братских могилах не ставят крестов” — эти слова солдатской песни можно было бы поставить эпиграфом данной книги. Путь отступления в 1915—1916 гг. сербской армии через горы и теснины Черногории и Албании был устлан десятками тысяч трупов, которые солдаты сваливали в братские могилы и вместо крестов возлагали на них камни, либо оставляли покойников прямо на дороге. Солдаты, преследуемые противником, спешили. Армию гнали голод, разыгравшиеся в горах метели и морозы, эпидемии. Воинам было не до крестов, да и трудно было их сколотить — кругом снега, камень, безлесье...

В таких условиях отступала сербская армия почти пятьсот километров. Вместе с ней в беспорядке двигались обозы — женщины, старики, дети, плелись подгоняемые прикладами военнопленные, брели, истощенные до крайних пределов больные. И умирали... Сотнями, тысячами, десятками тысяч...

Во время отступления только армия потеряла около 100 тыс. человек — почти половину своего состава. Погибло так же более 50 тысяч гражданских беженцев, а в оккупированной войсками Четверного союза Сербии скончалось до 600 тыс. человек. Всего Сербия за время войны потеряла 1200 тыс. человек — одну треть своего населения — таких бедствий не знало ни одно другое государство Европы. Это была настоящая национальная трагедия Сербии, самая страшная за всю ее историю.

Современники назвали ее образно: “Сербия на Голгофе”. Такое название взял и автор этой книги. Оно отражает главное ее содержание, хотя во второй части работы речь идет уже не о гибели нации, а о начале ее возрождения, но ведь и палестинская Голгофа завершилась воскресением...

Трагедия и ее преодоление, смерть и жизнь, беспримерное унижение целого народа и его жизнестойкость, потеря Родины и вера в победоносный исход войны, в новое обретение Отчизны — таковы главные моменты, определявшие историческое развитие событий изучаемого периода. Уже в ту пору в сербской армии родилась песня, ставшая позже одной из самых любимых в Югославии: “Тамо далеко, на крају мора, Тамо је земља моја, тамо је Србија. Тамо далеко, где расте лимун жут, Тамо је српске војске најкраћи пут” (“Там далеко, далеко на краю моря, там страна моя, там Сербия. Там далеко, где растет желтый лимон, там для сербского войска наикратчайший путь”). Сербские солдаты, находясь на чужбине, верили, что они вернуться домой.

Хронологические рамки исследования определялись главными событиями: начальной датой явились октябрь—ноябрь 1915 г., когда сербская армия потерпела поражение от превосходящих сил противника, конечной — декабрь 1916 г., когда она, восстановив свои силы, приступила к выполнению главной цели — освобождению страны от чужеземной оккупации.

Этот период был переломным и в международном отношении: мировая война вступила в новую фазу — обе противоборствующие коалиции, истощив свои силы, приступили к поискам мира. Неудача этих попыток привела к новому витку войны: Англия подвергла германский блок, континентальной блокаде, Германия начала тотальную подводную войну. В 1916 г. произошёл ряд других важнейших событий: в войну вступила Румыния, Россия перешла от обороны в наступление (Брусиловский прорыв), на Балканах был открыт новый, Салоникский фронт.

Настоящая книга, таким образом, охватывает не только историю Сербии, в ней рассматривается целый комплекс вопросов, что заставило автора избрать очерковый способ изложения материала. Автор стремился остановиться преимущественно на ключевых аспектах темы, опуская детали, а также избегая повторения тех событий, которые были уже изучены в литературе. Данная книга является второй частью трилогии "Сербия: от катастрофы к возрождению", над её следующей частью уже ведётся работа. Как и в первой книге, даты приводятся по старому и новому стилю (при использовании сербского и русского календарей по старому стилю, в остальных случаях — новый стиль, иногда и тот и другой). Автор выражает свою неизменную благодарность тем, кто оказывал ему помощь и поддержку при написании книги — сотрудникам архивных учреждений, научным консультантам, издательским работникам.

ВВЕДЕНИЕ

Исследуемый период по своему драматизму может сравниться лишь с тем отрезком времени сербской истории, когда страна оказалась под властью турецких захватчиков. В 1389 г. в битве на Косовом Поле сербские войска потерпели поражение от турецкого султана Мурада I, после чего Сербия на долгие столетия подпала под власть Османской империи. В 1915—1916 гг. история повторилась: на этот раз в нашествии на Сербию участвовали целых три государства: Австро-Венгрия, Германия и Болгария. В результате боев сербская армия оказалась разбитой, правительство Пашича эвакуировалось за границу, над сербским народом снова опустилась черная ночь чужеземного господства. Однако этот период имел свои существенные отличия: он был наполнен активной борьбой целой нации против оккупантов, ее армия не капитулировала и к концу 1916 г. снова встала в строй; сербское правительство не "пошло в Каноссу", а возглавило военное противостояние.

1916 г. сыграл переломную роль в истории сербского государства: находясь в крайне трудных условиях, оно доказало свою жизнеспособность, тогда как его противники Австро-Венгрия, Германия и Болгария рухнули под натиском держав Антанты и под влиянием революционных событий.

В настоящей работе впервые в исторической литературе делается попытка показать причины этого феномена и проанализировать на историческом материале ту непреложную истину, что могучим движущим фактором выживания всякого государства является стремление народа отстоять свою независимость. Сербский народ в тяжелую годину сплотился вокруг своего правительства, союзные Сербии страны не оставили ее в беде и помогли в создании ее вооруженных сил, а в конце 1916 г. вместе с сербской армией перешли в наступление на Салоникском фронте, и хотя оно не привело к полной победе, само восстановление сербского государства было залогом будущих успехов. 1916 г., таким образом, стал подготовительным этапом возрождения национальной государственности.

При написании книги были использованы разнообразные источники — неопубликованные архивные материалы, официальные издания документов, воспоминания государственных, военных и политических деятелей, периодическая печать, протоколы заседаний парламентов и правительств, различный справочный и статистический материал.

Для раскрытия темы наибольшее значение имели сербские и черносгорские архивные документы. Архивные учреждения обоих госу-

дарств сильно пострадали во время первой мировой войны. Только из архива министерства иностранных дел Сербии оккупантами было вывезено от 60 до 80% документов. Пострадали также хранилища военного министерства и других правительственных учреждений страны¹. Во время второй мировой войны эти архивы снова были расхищены. Из Архива Сербии и Государственного архива министерства иностранных дел Королевства Югославии гитлеровцы экспроприровали многие досье материалов, передав их в бывший Рейхс-архив Германии, где немало этих бумаг находится до сих пор².

В Черногории значительная часть архивных источников погибла из-за небрежного хранения. В январе 1916 г., перед бегством черногорского правительства из Цетинье в г. Подгорицу, король Николай отдал распоряжение об изъятии правительственных документов из архива королевского двора и сокрытии их в подвалах цетиньского монастыря. Часть материалов по его же указанию была зарыта в ящиках и дворцовом парке. Большинство из них погибло. Из Государственного архива Черногории властями были розданы сотрудникам этого учреждения бумаги военного министерства и министерства иностранных дел, многие из них также оказались утраченными. Та же судьба ожидала архивы иностранных посольств в Черногории. "Я сжигаю бумаги", — телеграфировал в Петроград временный поверенный в делах России в Цетинье Н.А. Обнорский в конце января 1916 г.³ В большинстве своем пропала переписка французского и английского посольств в Черногории, и лишь частично была спасена переписка итальянского посольства. В Черногории чудом уцелели лишь два важных источника — "Протокол заседаний Совета министров" за декабрь 1915—февраль 1916 г.⁴ и "Стенографические записи заседаний скупщины" за тот же период⁵. Они ныне хранятся в архиве Исторического института Черногории в Подгорице.

Сербским правительством при эвакуации на о-в Корфу была вывезена часть бумаг Совета министров и министерства иностранных дел. Однако после окончания войны они не были возвращены в министерство, а присвоены Н. Пашичем, находясь в его личном сейфе вплоть до его кончины в 1926 г. Среди этих бумаг были и "Протоколы заседаний Совета министров Сербии" с 10 июля 1915 г. по 19 июля 1918 г., которые после смерти Пашича были проданы в Канаду его сыном, известным коммерсантом Раде Пашичем⁶. Только в 1972 г. они были куплены уполномоченным Государственного архива МИД Белграда Ж. Аничем у библиотеки университета в Торонто и лишь в 1976 г. опубликованы Архивом Сербии⁷.

Эти протоколы далеко не полностью отражали деятельность сербского правительства. В них были зафиксированы всего 335 заседаний Совета министров за четыре года, в том числе в 1915 г. — 120 заседаний, в 1916 г. — 95, в 1917 г. — 97, в 1918 — всего 23, хотя этих заседаний было значительно больше, а в отдельные периоды проводилось даже несколько совещаний членов кабинета в один день (в критические моменты созывались и ночные заседания)⁸.

Мало что дают и "Стенографические записи заседаний Народной скупщины Сербии". В 1916 г. на о-ве Корфу состоялось только

одно пленарное заседание парламента (в сентябре), который, утвердив государственный бюджет и приняв ряд других решений, был распущен на каникулы. Сербское правительство, как свидетельствуют эти документы, управляло единолично, не считаясь с законодательной властью⁹.

Недостающие материалы о внешнеполитической деятельности сербского правительства на о-ве Корфу автору удалось пополнить из архивных источников Государственного архива МИД Югославии, в котором хранятся бумаги канцелярии кабинета Пашича, скрепленные подписью секретаря министерства иностранных дел Сербии Воислава Маринковича (позже их подписывали д-р Момчило Нинчич и ведущий чиновник министерства Михайло Трифунович). Многие бумаги, хранящиеся в этом архиве, остались без подписи. На некоторых не обозначены необходимые данные, немало и записей, сделанных наспех, которые даже трудно разобрать. Канцелярия МИД Королевства Сербии не справлялась с потоком бумаг, работала с переборами. Для регулярной службы у нее не было ни необходимых условий, ни штатных сотрудников, ни технической базы. Долгое время канцелярия помещалась в небольшом номере бывшего отеля "Англетер", который ранее служил кладовой.

Названный архив до сих пор полностью не укомплектован. Исследователям не предоставляются описи, документы по большей части лежат россыпью в папках, не разделенных на досье, в которых нередко не выдерживается хронологическая последовательность хранения документов. Архив все еще находится в стадии становления, пополняясь за счет документов, которые возвращаются из Австрии и Германии на основе международного обязательства о реституции национальной собственности... То же самое можно сказать о нынешнем Государственном архиве Югославии. В свое время, когда он назывался Королевским архивом, это учреждение было ограблено гитлеровцами. Особенно пострадали фонды королевского двора и сербских посольств в Лондоне и Париже. Некоторые из них не обработаны до сих пор.

Чрезвычайно богат Архив Сербии. Он был создан в 1939—1941 гг., но начавшаяся работа по классификации архивных фондов была возобновлена только в 60-х годах. По теме настоящего исследования были использованы три фонда: министерства иностранных дел (Политический отдел, 1916), министерства внутренних дел и министерства просвещения и по делам церкви. В рамках фонда МИД были просмотрены досье сербского посольства в Петрограде, которое было передано правительству Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР. В этом досье хранятся также материалы по Черногории, так как сербское посольство в Петрограде одновременно представляло интересы и этого государства.

Архив министерства внутренних дел Королевства Сербии долгое время был самостоятельным учреждением и лишь в 60-е годы XX в. передан Архиву Сербии¹⁰. Он сохранился лучше других архивов, но все же пострадал при эвакуации на о-в Корфу. Часть бумаг

погибла в Скутари, другая — при транспортировке фондов из Медуи в Италию. Некоторые бумаги архива носят следы спешки, в которой проходила эвакуация. Чиновники министерства выдавали вместо квитанций беженцам свидетельства о получении ими продовольствия, написанные на обрывках газет, остатках папиросной бумаги, почтовых открытках. На них не ставили печати. Французская интендантская служба генерала Мондезира никак не могла привыкнуть к такого рода оформлению деловых бумаг, и между ней и МВД на этой почве вспыхивали конфликты.

В архиве МВД хранятся материалы беженцев, получивших пристанище во Франции и других местах временного поселения.

Интересен также архив министерства просвещения и церковных дел¹¹. В нем исследователь может почерпнуть сведения о культурно-просветительской деятельности сербского правительства и об обучении за границей сербских детей во время первой мировой войны. Среди этих материалов — бесценные данные об эвакуировавшихся вместе с сербской армией Браниславе Нушиче и других сербских писателях, художниках и ученых, а также о жизни в Швейцарии президента Академии наук и искусств Сербии Йована Цвийича.

Сходные материалы хранятся в Сербской академии наук и искусств. Там же автор ознакомился с личными бумагами председателя Совета министров Сербии Николы Пашича и оппозиционного деятеля профессора Белградского университета Косты Стояновича¹². Кроме того, в архиве хранится рукопись видного сербского военачальника генерала Живко Павловича о военных действиях сербской армии на Салоникском фронте. Они частично были опубликованы в Югославии в 1930—1940 гг.

Ценные материалы о реорганизации сербских войск на о-ве Корфу весной 1916 г. и их передислокации на Салоникский фронт летом и осенью того же года были обнаружены в Архиве Военно-исторического института Югославской народной армии. Там автором были изучены фонды Верховного командования и командования всех трех сербских армий. Наибольший интерес представляют фонды 1-й и 2-й сербских армий, в состав которых в 1916 г. входили 2-я и 4-я русские пехотные бригады, переброшенные в Салоники из Франции.

Автор ознакомился также с архивами четырех институтов Югославии — Исторического института в Белграде, Исторического института Черногории в Подгорице, Института истории Югославянской академии наук и искусств в Загребе и Института земледелия и международной политики. В первом из них были обнаружены бумаги членов тайной сербской офицерской организации "Объединение или смерть" ("Черная рука"), считавшиеся ранее потерянными. Эти бесценные документы в свое время были собраны покойным сотрудником института профессором М. Живановичем, занимавшимся исследованием деятельности "Черной руки". Другая часть бумаг этой организации, ее устав и программа, хранится в архиве Института земледелия и Международной политики в Белграде, где в 30-е годы служил бывший посланник Сербии в Петербурге Дмитрий Попович, собравший этот материал. Обе эти находки имели для автора исклю-

чительное значение: они позволили раскрыть целый ряд малоизвестных сторон деятельности названной организации. Подробнее об этом пойдет речь в третьей части настоящей трилогии.

В Историческом институте Черногории хранится ряд рукописей и воспоминаний, в том числе бумаги секретаря короля Николая М. Живковича (частично они опубликованы), бывшего министра королевского эмигрантского правительства Нико Хайдуковича и бывшего командующего черногорскими войсками в 1916 г. сердара (бригадного генерала) Янко Вукотича.

В архиве Института истории в Загребе автором была обнаружена переписка председателя Югословенского комитета в Лондоне д-ра Анте Трумбича с главой сербского правительства Н. Пашичем.

Благодаря любезности администрации Архива Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии автором были просмотрены материалы за 1916—1918 гг. о рабочем, социалистическом и национальном движении на Балканах. Ранее они находились за семью печатями и составляли главным образом протоколы заседаний политических партий, цензурные изъятия из периодической печати, частную переписку между политическими деятелями.

При подготовке рукописи к печати автор работал в Государственном архиве Венгрии и Венгерском военно-историческом архиве. В первом из них были изучены фонды: "Мировая война 1914—1918 гг. Совет министров Австро-Венгрии", "Министерство внутренних дел Королевства Венгрии", во-втором — фонд "Министерства гонведов Королевства Венгрии". В Государственном архиве Венгрии хранятся фото и ксерокопии Государственного и императорского архива Австрии (фонды "Война 1914—1918 гг.", "Министерство иностранных дел Австро-Венгрии"), а также некоторые бумаги Государственного внешнеполитического архива Федеративной республики Германии (фонд "Оксфорд"). Эти материалы были широко использованы в работе.

Наконец, следует сказать о советских архивах. Их значение трудно переоценить. В Архиве внешней политики Российской империи, например, практически сосредоточена почти вся имеющаяся документация о внешней политике царского правительства в Сербии и на Балканах. Весьма богаты также фонды Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Центрального государственного военно-исторического архива России в Москве, Центрального государственного архива Военно-Морского флота в Петербурге, Областных исторических архивов в Петербурге и Москве.

Следует также отметить значение опубликованных документов. В Югославии еще в 30-е годы была издана двухтомная коллекция материалов о капитуляции в 1916 г. Черногории, подготовленная сербским публицистом А. Любуричем¹⁴. В этом издании был приведен ряд ценных данных о последних днях пребывания короля Николая в Подгорице перед его бегством из страны, но при этом не были раскрыты объективные причины капитуляции Черногории — военная слабость государства, отсутствие поддержки со стороны союзников, выход из войны Сербии. Любурич не включил в состав

сборника документы об отступлении сербской армии, что сыграло немалую роль в поражении черногорских войск. В таком же духе были составлены дневниковые записи и воспоминания бывшего начальника штаба Верховного командования черногорских войск сербского полковника (позже генерала) Петара Пешича¹⁵. Он обвинял в камитулянстве одних только черногорцев, пытаясь снять с самого себя ответственность за поражение подчиненных ему войск.

Обе публикации вызвали острую критику со стороны черногорских историков, и дискуссия вокруг вопроса о причинах капитуляции Черногории продолжалась в Югославии несколько десятилетий, прекратившись только после выхода в 1969 г. фундаментальной и хорошо аргументированной книги Н. Ракочевича "Черногория в первой мировой войне"¹⁶. Более объективный характер носили многотомная публикация "Великая война Сербии за освобождение и объединение сербов, хорватов и словенцев" и двухтомник "Операции черногорского войска в годы первой мировой войны 1914—1918 гг."¹⁷ Оба эти издания были подготовлены к печати Институтом военной истории Королевства Югославии на основе документов военного министерства и генерального штаба Сербии.

Из публикаций 30-х годов следует отметить десятитомное советское издание "Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг."¹⁸ В этой коллекции имеется немало материалов о внешней политике на Балканах как великих держав, так и Сербии. Дополнением к названному изданию могут служить публикации отдельных документов в журнале "Красный архив", выходявшем в те же годы¹⁹.

В последние десятилетия, с тех пор как на Западе были открыты недоступные ранее историкам архивы (в большинстве европейских стран существует правило пятидесятилетней давности хранения документов без права пользования ими исследователей), в ряде стран были опубликованы сборники материалов по первой мировой войне.

Так, в 1962—1964 гг. во Франции вышли в свет четыре тома трофейных документов из немецких архивов под общим названием "Германия и проблема мира во время первой мировой войны"²⁰. Эта публикация содержит ценные материалы о политике Берлина в Европе, в том числе и на Балканах.

В 1966 г. в Будапеште Венгерским Государственным архивом был издан полный стенографический отчет заседаний объединенного Совета министров Австрии и Венгрии за 1914—1918 гг.²¹ В этой публикации много материалов о позиции министра-президента Венгрии графа Иштвана Тисы и других политических деятелей венгерского королевства в сербском вопросе. Большой интерес имеет, например, обсуждение на заседании правительства планов раздела территории Сербии после ее военного поражения. Тиса, опасавшийся усиления славянского элемента" в дуалистической монархии, был противником присоединения к ней сербских земель; лидер австрийской военной партии генерал Конрад Ф. фон Гётцендорф, напротив, высказывался за аннексию Сербии.

В Югославии начата публикация документов из австрийских и венгерских архивов. Ее инициатором был научный сотрудник Исторического института в Белграде Андрия Раденич. К 1973 г. под его редакцией и при его непосредственном участии было издано 13 томов документов серии "Австро-Венгрия и Сербия; 1903—1918. Документы из венских архивов"²².

Другой научный сотрудник того же института — М. Живанович еще в 50-е годы на основе французских архивов опубликовал интересную статью об отступлении сербской армии через Албанию в 1915—1916 гг.²³

Исключительно плодотворно работает над публикацией немецких, австрийских, итальянских и английских источников профессор Белградского университета Андрия Митрович. Большими знатоками архивов и деятельными их публикаторами являются видные югославские историки Н. Ракочевич, Б. Храбак, Д. Янкович, Д. Живоинович, Н. Попович и Б. Кризман.

Неоценимое значение для автора имели воспоминания современников — всех тех, кто был участником или очевидцем трагических событий того периода, когда происходило отступление сербской армии и спешная эвакуация правительства Сербии на о-в Корфу. Важны также мемуары государственных, военных деятелей и дипломатов европейских держав, которые в то время "делали политику", занимая разные по отношению к Сербии позиции. Враги Сербии, узнав о разгроме ее армии и капитуляции союзницы сербского государства Черногории, поставили крест на ее судьбе, другие также "похоронили Сербию", выразив при этом сожаление, но были и друзья сербского королевства, которые, узнав о военной катастрофе, оказались в шоковом состоянии. Рассудочные дипломаты хладнокровно взвешивали все "за" и "против" при обсуждении вопроса о помощи сербской армии. Мемуарная литература лучше, чем какой-либо другой источник, отражала всю гамму переживаний, мыслей и настроений. Об этом поведал в своих воспоминаниях российский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой. Он вел дневник, который позже превратил в большую и интересную книгу²⁴. Трубецкой мастерски раскрыл общую картину событий того времени, дал яркие характеристики государственным, военным и политическим деятелям Сербии, а также дипломатам, аккредитованным при королевском дворе. Посланник вместе с сербской армией пережил все перипетии ее отступления из Ниша до о-ва Корфу, снабдив свои воспоминания редчайшими документальными материалами.

Столь же интересны воспоминания французского посланника в Сербии Огюста Боба, который, подобно Трубецкому, находился в самой гуще событий. Эти мемуары, вышедшие еще в 1918 г. в Женеве, долгое время были единственным источником по изучаемой теме²⁵.

Мемуары руководителя союзнической комиссии по оказанию продовольственной помощи Сербии и Черногории французского генерала Пиарона Мондезира менее содержательны²⁶. К тому же их автор в ряде случаев весьма пристрастно описывал положение вещей, пытаясь оправдать бездеятельность французской интендантской службы.

Однако вместе с тем мемуары Мондезира содержат немало важных данных. Так, интересен его рассказ о встречах с черногорским королем Николаем и французским посланником в Цетинье Деларош-Верне, во время которых обсуждались перспективы дальнейшего ведения войны. Король Николай, по словам П. Мондезира, уже во время этих встреч имел пораженческие настроения, тогда как французский посланник, наоборот, настраивал его на военный лад. Более подробно о настроениях черногорского короля перед бегством из страны рассказал в своих воспоминаниях его личный секретарь Милош Живкович²⁷.

При написании работы были привлечены мемуары государственных деятелей держав Центральной коалиции и Антанты: канцлера Теобальда Бетман-Гольвега, статс-секретаря по иностранным делам Готлиба фон Ягова, начальника генерального штаба Германии генерала Эриха фон Фалькенгайна, генералов Пауля Гиндебурга и Эриха фон Людендорфа (Германия), барона Иштвана Буриана, генерал-фельдмаршала Франца Конрада фон Гётцендорфа, генерала Александра Кробатина, графа Оттокара Чернина (Австро-Венгрия), а также С.Д. Сазонова и А.П. Извольского (Россия) и многих других.

Не оставил в стороне автор и воспоминания менее крупных государственных, политических, военных и общественных деятелей, которые, хотя и не "делали погоду", тем не менее оказывали влияние на ее формирование или как минимум отражали в своих сочинениях ее колебания. В этой связи можно назвать мемуары профессора Венского университета Йозефа Редлиха, воспоминания близкого к кругам главной военной квартиры в Терезиенштадте публициста Курта Рицлера, начальника политического отдела австро-венгерского военного генерал-губернаторства в Сербии полковника Хуго Керхнаве, гражданского комиссара в Черногории барона Эдуарда Отто, военного атташе Австро-Венгрии в Цетинье майора Густава Хубки и др.

Автор учел научные достижения своих предшественников — историков Югославии, Советского Союза, Австрии, Венгрии, Германии. Следует особо отметить изыскания Ж. Аврамовского, М. Живановича, А. Митровича, Б. Храбака, Д. Янковича, Н. Ракочевича (Югославия), П. Реновена (Франция), Л. Альбертини (Италия), Ф. Фишера (ФРГ), Й. Галантая (Венгрия), Ф. Фелльнера (Австрия), Д. Джорджевича (США), В.Н. Виноградова и Т.М. Исламова, В.С. Васюкова, Ф.И. Нотовича и О.В. Соколовской (Россия)²⁸.

¹ См.: Дедиџер В. Неки методолошки проблеми у вези припремања радњи за објављивање српске службене грађе из 1914 // ИЧ. 1965. Књ. 14—15. С. 443—464.

² Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990.

³ АВПР. Ф. РМЦ. 1916. Д. 20. Л. 1.

⁴ Протокол седница Министарског савета Црне Горе.

⁵ Стенографске белешке Народне скупштине Црне Горе. Цетиње, 1918.

⁶ Записници седница Министарског савета Србије 1915—1918 / Приред. Д. Јанковић, Б. Храбак. Београд, 1976.

⁷ Там же. С. 15.

- ⁸ Там же. С. 8.
- ⁹ Вучковић В. Унутрашње кризе Србије и први светски рат // ИЧ. 1965. Књ. 14—15.
- ¹⁰ Милослављевић В. Организација деловања Министарства унутрених дела кроз грађу архива Србије // Србија 1916 године: 36. радова Историјски институт. Београд, 1986. Књ. 5.
- ¹¹ Релић Ј. Архивна грађа Министарства просвета на Крфу // Там же.
- ¹² Архив Српске Академије наука и умјетности (АСАНУ).
- ¹³ АСАНУ. Отдел 3. Рукопис Ж. Павловић. Рат Србије с Аустро-Угорском, Немачком и Бугарском. Београд, б/г.
- ¹⁴ Љубурић А. Капитулација Црне Горе: Документи. Београд, 1938. Књ. 1—2.
- ¹⁵ Пешић П. Црна Гора у свјетском рату. Београд, 1925.
- ¹⁶ Ракочевић Н. Црна Гора у првом свјетском рату. Цетиње, 1969.
- ¹⁷ Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Храта и Словенаца. Београд, 1930—1940. Књ. I—II; Операције црногорске војске у правом свијетском рату. Београд, 1954.
- ¹⁸ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архива царског и Временног правителства, 1878—1917. 1931—1938. Сер. 3. Т. III. Л. 1—10.
- ¹⁹ См., например: Нотовић Ф.И. Разгром Србији в 1915 г. и "помощь" союзников // Красный архив. М., 1934. Т. 5/6. (65/66).
- ²⁰ L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premier guerre Mondiale (1914—1917). P., 1962—1964. Vol. 1—4.
- ²¹ Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates Österreich-Ungarischen Monarchie (1914—1918). Budapest, 1966.
- ²² Документи из Бечких архива / Сабрао и уредио А. Раденић. Београд, 1973.
- ²³ Живановић М. О евакуацији српске војске из Албаније и њеној реорганизацији на Крфу (1915—1916) према француским документима // ИЧ. 1966. № 14—15. С. 231—307.
- ²⁴ Трубевцкой Г.Н. Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983.
- ²⁵ Боп. О. Са српском владом од Ниша до Крафа. Женева, 1918.
- ²⁶ Мондезир П. Албанска Голгота. Београд, 1925.
- ²⁷ Живковић М. Пад Црне Горе. Београд, 1923.
- ²⁸ См. список использованной литературы.

ВОЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ СЕРБИИ

НАШЕСТВИЕ

В октябре 1915 г. в Сербию вторглись армии Центральной коалиции. В нашествии участвовали германские и австро-венгерские войска, к которым через неделю присоединились две болгарские армии¹. Противник явно превосходил сербов по численности войск в два раза, в техническом отношении — в пять раз. Особенно большое преимущество Четверной союз имел в артиллерии и самолетах. Только германские войска имели 1700 артиллерийских орудий и 100 самолетов, тогда как белградский гарнизон располагал всего 77 пушками. За одни лишь первые сутки бомбардировки сербской столицы по городу было выпущено около 100 тыс. снарядов².

После падения Белграда сербские войска с боями отошли в глубь страны, оказывая отчаянное сопротивление противнику. Они были вынуждены бороться на двух фронтах — против германских и австро-венгерских войск и против болгарских сил. Последним удалось перерезать важную стратегическую железную дорогу Битоль—Салоники, по которой на помощь сербам с Салоникского фронта должны были прийти французские и английские войска. Однако союзниками время было упущено. Дав 18 октября обязательство послать в Сербию 120—150 тыс. солдат, союзники только 27 октября приступили к частичной переброске своих сил, которые вскоре были отозваны обратно³. В результате этого сербская армия оказалась в полной изоляции, вокруг нее образовалось вражеское кольцо.

В конце октября погасла последняя надежда эвакуировать армию в Грецию: новое греческое правительство С. Скулудиса не только заявляло об отказе выполнить союзнический договор 1913 г. о поддержке Сербии в случае нападения на нее Болгарии, но и выступило с угрозой интернировать сербские войска, если они вступят на греческую территорию⁴.

После этого остались две возможности — либо безоговорочная капитуляция сербской армии, либо ее отступление на юг к Адриатическому морю для соединения с союзниками. Правительство Пашича оказалось вынужденным покинуть временную столицу Сербии г. Ниш и перебраться сначала в Кральево, а затем в Чачак, Рашку и Призрен. Покинув ставку в г. Крагуевце, Верховное командование перемещалось с места на место, что сыграло отрицательную роль, так как резервные войска оказались оторванными от штаба, а население — от правительства. Возникли также сложности для дипломатического корпуса. 22 октября представители России, Фран-

ции и Англии обратились к своим правительствам с коллективным заявлением, в котором говорилось, что если в ближайшие 10 дней Сербии не будет оказана военная помощь, то ее вооруженные силы могут капитулировать перед противником. В этой телеграмме говорилось: "В случае скорого прибытия (союзных войск. — Ю.П.) Сербию еще можно спасти из критического положения, которое может стать таким же для союзников, если они дадут Германии и Болгарии время окончательно раздавить нас. Тогда союзникам понадобится гораздо больше войск, чем сейчас, чтобы одолеть врага на Балканах. Мы делаем последний призыв вашим правительствам, и если он не будет услышан, — мы сделали все, что могли, и не в нашей власти сделать больше"⁵.

26 октября Н. Пашич направил очередную ноту союзникам с просьбой о помощи, и снова союзники уклонились от ответа. Тем временем оппозиция поставила перед правительством вопрос о заключении перемирия, что нашло поддержку со стороны отдельных представителей Верховного командования и депутатов Скупщины.

В Берлине, в свою очередь, появилась идея переговоров с Сербией. Ее высказывали начальник генерального штаба Германии генерал Эрих фон Фалькенгайн и статс-секретарь по иностранным делам Готлиб фон Ягов. С их точки зрения, для Центральной коалиции было бы важнее привлечь Сербию на свою сторону и использовать высвободившиеся войска на других фронтах, чем продолжать войну в трудных для себя условиях в горах Сербии⁶. 27 ноября по приказу генерала Фалькенгайна германские армии прекратили преследование сербских войск⁷.

Начальник генерального штаба австро-венгерских войск фельдмаршал Франц Конрад фон Гетцейдорф, отказавшись согласовать свой план с генералом Фалькенгайном, дал указание 3-й армии в составе 62-й дивизии и трех отдельных соединений продолжать наступление в направлении Новопазарского санджака с задачей отрезать пути отступления сербских войск в Черногорию и разбить черногорские войска. Болгары, несмотря на соглашение с Фалькенгайном о прекращении преследования сербской армии, также продолжали наступательные действия. Лидер австро-венгерской военщины генерал Конрад и болгарский царь Фердинанд вынашивали далеко идущие планы.

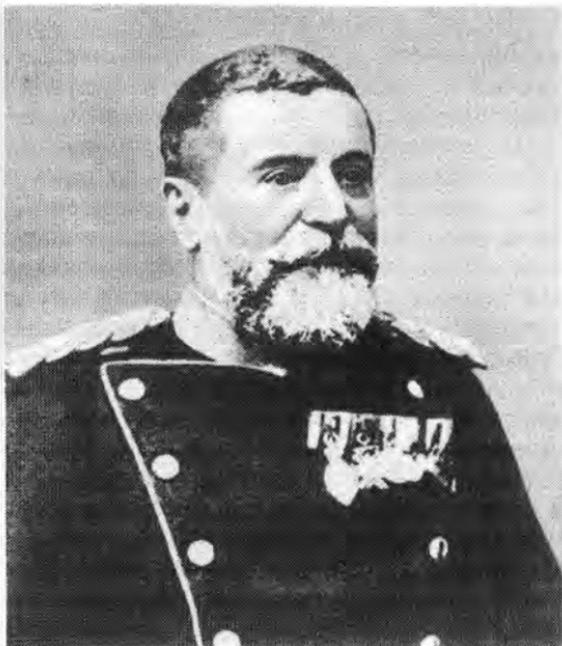

Сербский король Петр I. (После катастрофы страны он отпустил бороду и перестал отмечать свой день рождения.)

Верховный командующий сербской армии принц-регент Александр

Конрад утверждал, что уничтожение сербских и черногорских сил будет способствовать переходу на сторону Четверного союза Греции и Румынии, что, в свою очередь, приведет к его победе на Балканском фронте. Фердинанд намеревался, победив Сербию, распространить свои владения на всю Македонию, Косово, Метохию и Южную Албанию, создав "Великую Болгарию", которая простиралась бы от Черного до Адриатического морей. Он мнил себя наследником Византийской империи. В Софии после победы над сербами по его распоряжению была отлита памятная медаль, на одной стороне которой был изображен болгарский царь в мантии византийского императора, а на другой выбита памятная дата: "ноябрь 1916, в дни победы над Сербией"⁸. Между Австро-Венгрией и Болгарией уже на этом этапе войны обнажились противоречия из-за территории Сербии и Албании.

Начальник штаба верховного командования сербской армии воевода Радомир Путник

Для сербского правительства не оставалось иного выбора, как продолжить войну на стороне держав Антанты. 22 ноября в местечке Рапска, где приютилось правительство Пашича, состоялось чрезвычайное заседание Совета министров и Верховного командования сербской армии под представительством принца-регента Александра Карагеоргиевича⁹. На нем было принято решение об отступлении сербской армии в Черногорию и Албанию для соединения с союзниками.

В приказе Верховного командования по войскам от 25 ноября говорилось: "Капитуляция была бы самым трагическим для нас выходом. Она привела бы к гибели нашего государства, и мы лишились бы союзников — своей единственной надежды на спасение... Только отступление к Адриатическому морю является выходом из катастрофы. Там мы соединимся с союзниками и сможем реорганизовать свои войска, получив продовольствие, оружие, амуницию". В приказе выражалась надежда на возрождение сербской армии: "Мы снова будем представлять силу, на которую могут рассчитывать наши союзники"¹⁰.

За это решение высказались все участники совещания, в том числе и начальник штаба Верховного командования воевода Радомир Путник, который ранее проявлял некоторое колебание. Это было последнее выступление старого генерала. Вскоре он тяжело заболел и был уволен регентом в отставку¹¹.

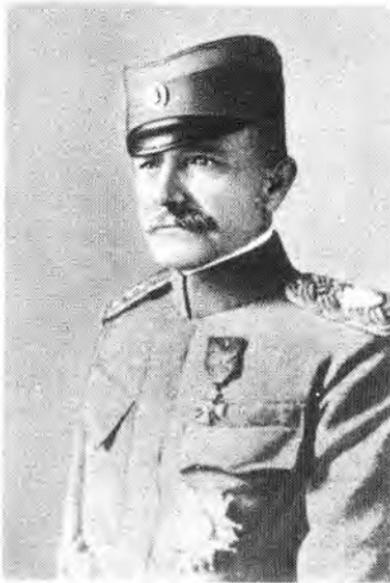
НАЧАЛО ОТСТУПЛЕНИЯ СЕРБСКОЙ АРМИИ

По плану Верховного командования, принятому через четыре дня после упомянутого заседания Совета министров, отступление войск должно было вестись по двум направлениям — на Черногорию и на Албанию. По первому маршруту, проходившему через Печ—Андриевица—Подгорица—Скадар (Скутари), предполагалось отправить 1, 2 и 3-ю армии, а также бывший белградский гарнизон, т.е. большую часть вооруженных сил, по второму маршруту — войска Новой области и Тимокскую дивизию, которая находилась поблизости от Албании¹². С этой группой направился король Сербии Петр I, не захотевший оставаться в Черногории из-за неприязни к черногорскому королю Николаю, которого он подозревал в измене в пользу Австро-Венгрии¹³.

Однако вскоре выяснилось, что в первоначальные планы надо вносить существенные коррективы. Оба направления оказались небезопасными. В Албании действовали антисербские четы, созданные австрийцами, в Черногории не было заготовлено продовольствие и сербским войскам нельзя было рассчитывать на снабжение хлебом. Кроме того, сам путь через неприступные горы был сопряжен с дополнительными трудностями, особенно для артиллерии и обозов. Верховное командование охватила паника. Большая часть высшего офицерства, побросав войска, ударилась в бегство¹⁴. Вот что писал по этому поводу публицист Милош Требинац: "Мы прошли значительную часть пути, но редко где видели высшего офицера. Все воинские части, которые мне встречались, вели младшие офицеры. Это бросалось в глаза всем, и солдаты роптали. Они говорили: офицеры обеспечили себя от голода и мороза, поехали на лошадях, а нас оставили на произвол судьбы"¹⁵.

Одним из первых армию покинул верховный командующий принц-регент Александр. Уже 13 декабря он прибыл в г. Скутари и в течение двух недель вообще не знал, что делается в войсках. Оставшись без командиров, части действовали на свой риск. Массовый характер стало принимать дезертирство. В донесении представителя Сербии при черногорском верховном командовании полковника П. Пешича от 31(18) ноября говорилось: "Моральное состояние и материальное положение наших войск отчаянное. Несмотря на предусмотренные меры по пересечению дезертирства, войска тают на глазах. Вместо сплоченного состава войск в подразделениях осталось только несколько сот солдат. Продовольствия хватит всего на 4—5 дней. В своем подавляющем большинстве войска разуты и раздеты"¹⁶. Сопровождавший сербские войска начальник русского медико-санитарного отряда Н.И. Сычев вспоминал: "во время перехода через Черногорию отряд ночевал под скалами и, чтобы не замерзнуть, сжигал вещи, так как нигде нельзя было достать дров"¹⁷.

Временный поверенный в делах России в Черногории Н.А. Обносский сообщал в Петроград 20 декабря: "В местах расквартирования отступающих сюда сербских войск свирепствует голод и уже началась

Командующий 1-й сербской армией
воевода Живоин Мишич

холерная эпидемия. Путь отступления войск от восточной границы внутрь страны усеян трупами"¹⁸.

О том же писал корреспондент немецкой газеты "Фоссише Цайтунг", посетивший эти места после эвакуации сербской армии: "Вдоль дорог и на полях я видел местами трупы, распростертые на земле, в одеждах сербских крестьян и солдат. Были ли они убиты или погибли от голода и холода? Во всяком случае, они, должно быть, лежали давно, так как были сильно обезображены воронами"¹⁹.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КОРПУСА

Нелегким оказалось и положение дипломатических миссий. Еще в г. Нише сербским правительством было принято решение об их эвакуации, но при этом никто не определил места их пребывания, и посланники переезжали из города в город по собственной инициативе. Сначала их сопровождал специальный уполномоченный секретарь МИД Сербии Славко Груич. Но от него, по словам русского посланника кн. Г.Н. Трубецкого, "не было никакого толка". «Это, — писал Трубецкой, — был великий путаник, почему мы попросили дать нам кого-нибудь другого". Его сменил бывший посланник Сербии в Софии Чолак-Антич, который также оказался неспособным обеспечить отъезд миссий. "Чолак-Антич, — отмечал Трубецкой, — был добрейший и деликатнейший человек, прекрасно воспитанный. С ним было очень приятно иметь отношения, как с добрым знакомым, но он был такой же растерянный, как и мягкий, человек и совершенно не способен был что-нибудь устроить и сколь-

Посланник России в Сербии князь Г.Н. Трубецкой

нибудь облегчить нам условия странствования. Его никто не слушался. С другой стороны, он сам ничего не знал о намерениях сербского правительства и Верховной команды и ни о чем не мог нас осведомить"²⁰.

Чолак-Антича сменил Йован Йованович. Однако и он был бессилен что-нибудь изменить. В конце концов дипломатам было предложено действовать на свой страх и риск. Их принял сам Пашич и сказал, что каждый должен пробираться на юг собственными средствами. Глава правительства не смог при этом указать конечного пункта. На вопрос Трубецкого, что будет с сербским правительством, Пашич ответил: "У меня есть друзья между албанцами, которые проведут меня тропинками до Дураццо, а оттуда я прямо доберусь через Албанию или Грецию в Салоники"²¹. Представители союзных государств, а также Греции и Бельгии претерпели массу неудобств при эвакуации. Так, например, в г. Призрене не оказалось достаточных помещений для их размещения. "Я, — вспоминал Трубецкой, — остановился в доме русского консула Н.А. Емельянова, который до войны был там консулом. С нами вместе поместились полковник В.А. Артамонов (военный агент России в Сербии. — Ю.П.) и французский военный агент Фурнье. Сэр Чарльз (посланник Англии. — Ю.П.) оказался помещенным в квартире повивальной бабки. Он понял это только дня через два, когда его стали тревожить по ночам, требуя по делу его хозяйку... Злоключения сэра Чарльза де Гра на этом не закончились. Когда дипломаты прибыли в Митровицу, там вообще не оказалось для них свободных помещений. Английский посланник был

Военный агент России в Сербии полковник В.А. Артамонов

размещен на квартире какого-то местного служащего... Хозяин квартиры сказал сэру Чарльзу, что он в трудном положении, потому что ему надо поместить куда-нибудь инспектора земледелия, а места решительно нет; есть только вторая кровать двуспального ложа, на котором спал сэр Чарльз. Последний был величайший добряк. Он согласился выручить из беды хозяина и инспектора и позволил поместить последнего рядом с собой. Инспектор земледелия оказался деликатным человеком. Он забирался в постель заблаговременно и притворялся или был спящим, когда входил сэр Чарльз, и чуть свет без шума исчезал из комнаты²².

«Наши ночевки, — продолжал Трубецкой, — были самыми примитивными. Мы обыкновенно останавливались в каком-нибудь "хане". Ханы эти представляли дощатые строения, которые нельзя было топить. Между тем в горах был снег и стояла настоящая зимняя погода. С большим трудом и за большие деньги доставали мы сено лошадям. Местами дорога была испорчена, местами не было никакой дороги, приходилось ехать по руслам потоков, карабкаться по обледеневшим тропинкам, ведя под узцы лошадей. Мы приходили под вечер усталые, изнеможденные в хан, где уже часто набиралось столько народа, что отдохнуть было трудно... Подходить к хану приходилось чуть не ползком по мерзлой тропинке — наконец, мы добрались до хана. Нам указали второй этаж. Там я нашел в небольшой комнате человек 10 англичан и французов, Иована Иовановича с женой и сыном. Комната ничем не была освещена, нетоплена, в ней не было ни скамей, ни столов, приходилось располагаться на полу, как были, не раздеваясь. Даже сена не хватало, чтобы

постелить под себя. Можно было только его подложить себе под голову. Я повалился как пласт на пол, чувствуя себя не в состоянии что-нибудь предпринять»²³.

При подходе к Черногории перестали встречаться и каны. Пришлось ночевать под открытым небом прямо в горах. "Кульминационным пунктом нашего путешествия, — писал далее российский дипломат, — была вершина горы Чакор... Наступила ночь. Она застала нас на высокой горной тропинке. Налево — гора, поросшая хвойным молодняком, направо — невероятная круча — пропасть, из глубины коей слышался глухой рокот потока. Дальше двигаться было невозможно"²⁴.

В первых числах ноября дипломаты наконец добрались до Черногории.

¹ *Недев Н.* България и световната война (1915—1918). С., 1925.

² *Лазаревич М.* Борба око Београда 1915 године. Београд, 6/г.

³ *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны, 1914—1918. М., 1939. С. 36.

⁴ *Der Weltkrieg 1914—1918.* В., 1931. Bd. VII. S. 312—322.

⁵ Цит. по: *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 180.

⁶ ВРС. Къ. XIII. С. 75—77.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Йовков И.* Кобургътъ: Хроника на паруването на Фердинанд I Сакс Кобург-Готски. С., 1978.

⁹ Записници са седница Министарског савета Србије 1915—1916. Београд, 1976. С. 194—196.

¹⁰ ВРС. Къ. XIII. С. 75.

¹¹ Там же. С. 197.

¹² *Павлович Ж.* Наше повлачење 1915 год // Крв словенства. Београд, 1924. С. 84—87.

¹³ См.: *Живковић М.* Пад Прне Горе. Београд, 1923.

¹⁴ *Нчавак В.* Austro-ugarski zarobljenici u Srbiji 1914—1915, prilikom povlačenja kroz Albaniju // Zb. Slovenski Brod. 1964. N 2. S. 106.

¹⁵ Политика. VIII. 1985. 22.

¹⁶ ВРС. Къ. С. 76. П. Пешич — Верховному командованию Черногории. 1915. 18 XI. № 10532.

¹⁷ ЛОГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1669. Л. 24. Н.И. Сычев — Правление С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1915. XI.

¹⁸ АВПР. Ф. Канцелярия. 1915. Д. 72. Л. 157. Н.А. Обнорский — МИД. Цетинье. 1915. 20. XI.

¹⁹ Цит. по: *Сербия под врагом.* Олесса, 1917. С. 17.

²⁰ *Трубецкой Г.Н.* Указ соч. С. 195.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 204.

²⁴ Там же. С. 205.

ВОЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ ЧЕРНОГОРИИ

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

На завершающем этапе военной кампании 1915 г., когда 3-я австрийская армия генерала Германа Кёвеша фон Кёвешази подошла к границам Черногории, на защиту страны выступило почти все мужское население и после новой мобилизации общая численность черногорских войск была доведена до 40 с лишним тыс. человек¹. В обороне страны приняли участие даже школьники, достигшие 17-летнего возраста, которые целыми классами во главе с учителями отправлялись на фронт. Война в отличие от предыдущего периода приняла не только оборонительный, но и освободительный характер, ибо черногорцы боролись за свою свободу и сохранение национальной независимости.

Это обстоятельство подчеркивал начальник штаба Верховного командования черногорских вооруженных сил сербский полковник Петар Пешич. В своем донесении верховному командующему сербской армии регенту Александру Карагеоргиевичу от 20 января 1916 г. он сообщал, что на этот раз черногорцы воюют за "свое отечество", проявляя в боях необыкновенную стойкость и самопожертвование. "Я думаю, что на своей собственной территории они будут воевать еще лучше", — делал вывод полковник².

Черногорцы долго удерживали позиции, используя против регулярной австро-венгерской армии гористую местность и партизанские методы войны. Им удалось одержать ряд побед, среди которых наиболее значительными были победы под Мойковацем и Беране (Даниловградом)³.

Но постепенно начало сказываться подавляющее преимущество регулярной австрийской армии, которая имела 100 тыс. человек против 40 тыс. черногорцев и огромное превосходство в горной артиллерии (1 тыс. артиллерийских стволов против нескольких десятков черногорских пушек)⁴.

На исход военной кампании повлияли еще три фактора: отсутствие помощи Черногории со стороны союзников, поражение сербской армии и дефицит продовольствия. Голод и возникшие на этой почве массовые эпидемии надломили дух черногорских воинских сил. Отрицательное воздействие оказало и неорганизованное отступление на территорию страны голодной сербской армии. До 150 тыс. сербских войск и беженцев хлынули в Черногорию, сметая все продовольственные запасы на своем пути.

Реквизиции хлеба, осуществлявшиеся сербскими военными властями, приводили к конфликтам с черногорским населением⁵. Представитель верховного командования сербской армии при черногорской главной военной квартире генерал Божидар Янкович докладывал 2 января 1916 г. об остановке в районе отступления сербских войск: "У Андриевитцы и Спужа из-за недостатка продовольствия наши войска чинят насилие, нападаая даже на женщин, отнимая хлеб. Черногорские воины этих районов хотят оставить фронт и уйти по домам, чтобы защитить свое имущество"⁶.

Неоднократное обращение черногорского правительства к союзникам с просьбой о помощи и о поставках продовольствия и оружия не приносило положительного результата. 29 декабря 1915 г. эмиссар короля Андре Радович посетил в Бриндизи руководителя союзнической продовольственной и военной комиссии французского генерала П. Мондезира и информировал его о бедственном положении страны⁷. Генерал отделался самыми общими обещаниями, но не принял действительных мер. Он ссылаясь на транспортные трудности в связи с блокадой Адриатического моря австрийцами⁸. Возглавляемая им комиссия доставила в Черногорию всего одну артиллерийскую батарею из 12 орудий и послала один-единственный транспорт с хлебом, который при этом был потоплен австрийцами в Сан-Джовани-ди-Медуа. В результате сербские и черногорские войска оказались обреченными на голод⁹.

Тем временем внутривосточное положение в Черногории резко ухудшилось. Помимо недовольства в армии и широких слоях населения стали появляться пораженческие настроения и в верхних эшелонах власти. Среди черногорской общественности образовалось три течения. Одно представляли сторонники продолжения борьбы против агрессора. Это было главным образом высшее офицерство во главе с "сердаром", т.е. бригадным генералом Янко Вукотичем. За ним шли большинство воинов, которые ставили вопрос так: лучше погибнуть в бою, чем сдать врагу. Вукотич и его сторонники продолжали верить в помощь союзников и все еще поддерживали короля Николая, думая, что он никогда не согласится на позорную капитуляцию. Черногорский монарх являлся сложным по своему характеру государственным деятелем. Он более пятидесяти лет управлял Черногорией и в первые десятилетия осуществил ряд прогрессивных реформ, чем завоевал популярность среди народа. В молодости Николая уважали в народе и как видного писателя и просветителя, ценили его стойкость и мужество в войнах с турками.

Однако с годами все больше и больше стали проявляться негативные черты характера монарха — его безмерное властолюбие, стремление к политическим интригам, коварство. Ориентируясь на Россию и получая от нее денежную субсидию, Николай давал одновременно авансы Австро-Венгрии и проводил двойственную политику в отношении Сербии. Опасаясь за свой престол, который в случае объединения с сербским королевством мог перейти к Петру Карагеоргию, он враждовал с последним.

Противоречия между династиями сказывались на ходе военных

действий обоих государств. Хотя Сербия и Черногория и заключили военный союз, Николай нарушал свои обязательства. Став верховным командующим черногорских сил, он неохотно подчинялся общесоюзному командованию, которое возглавляли сербы, срывал совместные операции.

При черногорском дворе активно плели интриги сторонники сближения с Австро-Венгрией, в том числе старший сын короля престолонаследник принц Данила. Еще в июле 1915 г. он установил тайные связи с монархией Габсбургов, предложив порвать союз с Сербией в обмен на согласие Австро-Венгрии передать Черногории часть Македонии, Северную Албанию и ряд территорий в окрестностях Дубровника¹⁰.

Король Черногории Николай I
Петрович-Негош

Министр иностранных дел Австро-Венгрии барон Иштван Буриан отклонил это предложение. Особенно возмутило его притязание Данилы на австрийские территории близ Дубровника. Назвав план черногорского престолонаследника "экстравагантным", он поддержал требования имперского генерального штаба об отказе от каких-либо компенсаций Черногории за ее измену союзу с Сербией. "Мы и так завоюем Черногорию", — заявил Буриан¹¹. В ноябре 1915 г., когда австро-венгерские войска уже вели бои на подступах к Черногории, принц Данила, находившийся в это время в Швейцарии, предпринял новую попытку установить контакты с Австро-Венгрией и Германией. Вена снова отклонила домогательства черногорского принца, а Германия проявила к его предложениям известный интерес. По поручению статс-секретаря Германии по иностранным делам Готлиба фон Ягова его эмиссар в Швейцарии граф Бернсдорф вел переговоры с доверенным лицом принца черногорским консулом в Милане Николой Карминатти, предложив ему денежную субсидию (5 млн талеров) за готовность Черногории выйти из союза с Сербией. Но эта сделка не состоялась; Карминатти рассказал о переговорах итальянскому министру иностранных дел С. Соннино, последний — С.Д. Сазонову, и, когда тайное стало явным, черногорский король Николай отмежевался от принца Данилы¹².

Сторонники заключения перемирия с Австро-Венгрией в Черног-

Королева Черногории Милена

рии продолжали тем не менее свою деятельность. Их поддерживала та часть общества, которая хотя и занимала нейтральные позиции, но выступала за прекращение войны. В их числе оказался депутат Народной скупщины воевода Гавро Вукович. Он целых 17 лет был министром иностранных дел и пользовался значительным авторитетом в парламентных и придворных кругах. Ухудшение общей военной ситуации в стране заставило Вуковича перейти с позиций нейтрализма на позиции сторонников переговоров о перемирии с Австро-Венгрией. На заседании Скупщины 26 декабря Гавро Вукович выступил с предложением предоставить черногорскому правительству свободу действий в решении вопроса о заключении мира. "Черногория, — заявил он, — выполнила свои обязательства (перед Сербией. — Ю.П.), пора подумать и о собственном спасении"¹³. При этом оратор театрально воздел руки к небу и закатил глаза, как бы напоминая о том, что все теперь зависит от Господа Бога и что настало время дать правительству право свободно решать судьбу своей страны, не считаясь с интересами союзника¹⁴. Выступление Г. Вуковича было осуждено большинством депутатов, но оставило след среди общественности. Оно отражало мнение тех ее кругов, которые стояли за подписание мира "без победителей и побежденных", т.е. за так называемую "условную капитуляцию", в надежде,

что Австро-Венгрия ограничится разоружением одних только сербских войск и сохранит режим черногорской монархии¹⁵.

В тот же день 26 декабря правительство скрытого австрофила Лазаря Миюшковича вручило королю заявление о том, что оно "не может брать на себя ответственность за судьбу Черногории в этот судьбоносный момент", т.е. пригрозило отставкой¹⁶. Л. Миюшковича поддержала дочь Николая принцесса Ксения, пользующаяся влиянием на отца. По словам российского посланника в Сербии Г.Н. Трубецкого, она давно плела при дворе политические интриги, подрывая единство сторонников военной партии. В моральном отношении Ксения подавала плохой пример черногорцам, которые, как правило, отличались строгостью нравов. "Перезрелая княгиня, — писал Трубецкой, — была любовницей сразу двоих государственных деятелей — Лазаря Миюшковича и наместника Подгорицы Николая Пламенаца"¹⁷.

За прекращение войны выступали также королева Милена и средний сын Николая Петр. Сам король все еще колебался: он был противником безусловной капитуляции, которая могла привести к смене власти, но опасался и продолжения военного сопротивления. Черногорский монарх не хотел покидать страну вместе с отступающей сербской армией, его беспокоила безвестность судьбы своего престола в случае отъезда в расположение сербских войск. Такова была обстановка в Черногории, когда военные действия вступили в свою решающую фазу.

5 января произошла массированная бомбардировка черногорских позиций на горе Ловчен австро-венгерским военно-морским флотом, базировавшимся в бухте Котарро, а на следующий день началось генеральное наступление имперских войск по всему фронту¹⁸.

Эти действия застали черногорское командование врасплох. В некоторых частях началась паника, с прикрывавшего подступы к столице ловченского участка фронта бежал его командир, сын короля принц Петр. Падение Ловчена сыграло роковую роль в судьбе Черногории¹⁹. Беззащитная столица была оставлена правительством. При переезде из Цетинье в Подгорицу власти в спешке оставили даже государственные печати, а архивы были зарыты в дворцовом парке и в большинстве своем погибли. Вместе с черногорским двором в Подгорицу переехал и дипломатический корпус. Король разместился в небольшом дворце Крушевац, который принадлежал среднему сыну короля принцу Мирко; дипломатам были предоставлены скромные и неблагоустроенные помещения в простых хижинах горожан. "Все дни, что мы пробыли в Подгорице, — вспоминал Трубецкой, — мы очень страдали от холода. Помещения не были приспособлены к условиям зимы, они были без печей, во всем городе нельзя было найти железной печи"²⁰.

О содержании дипломатического корпуса в Подгорице никто не заботился. Правительство установило связь с дипломатами через наместника города Н. Пламенаца, но он манкировал своими обязанностями. "Пламенац, — писал Трубецкой, — соединял некоторый внешний лоск с душой примитивного жуликоватого балканца. Он был

Могилы сербских солдат

крайне болтлив, и нам приходилось выслушивать его упражнения в красноречии"²¹. В то же время Пламенац не мог обеспечить дипломатов элементарными житейскими условиями.

Падение Цетинье произвело угнетающее впечатление на население страны и в значительной мере сыграло решающую роль в конечном исходе всей военной кампании. Очевидец событий С. Богданович вспоминал: "В Цетинье остались покинутые на произвол судьбы подавленные, голодные и разочарованные люди. Мужчины носили еще ружья, чтобы доказать, что они воины, но воинами они уже не были. Лишившись руководства, потеряв веру во все, черногорцы, разделенные на группы и группки, с каменными лицами и потупленными взорами бесцельно бродили по цетинским улицам"²². Безрадостные настроения были и у жителей других населенных пунктов. Дольше других держались города Никшич и Подгорица, но и там царило уныние. Лишь отряды Янко Вукотича еще сопротивлялись, остальные войска были деморализованы"²³. Нависла угроза захвата австрийскими и Подгорицы. Чтобы не попасть в плен, дипломатический корпус покинул временную черногорскую столицу, отправившись в г. Скутари, где находились сербские войска. При эвакуации посольства были уничтожены личные архивы.

Вместе с русской миссией в Скутари (*совр.* Шкодер) выехал и полный состав полевого госпиталя доктора Я.И. Чаброва, который принял решение продолжать обслуживание сербских войск. Вслед за дипломатами, но уже скрытно 17 января в Скутари уехал глава черногорского правительства Лазарь Миошкович, после чего в Подгорице остались только король и несколько министров.

БЕГСТВО КОРОЛЯ

В эти последние дни перед капитуляцией король Николай находился в прострации. Он не знал, что делать, метался из стороны в сторону, то созывая экстренные ночные заседания правительства, на которые выдвигал сумасбродные планы организации военного отпора противнику, то впадая в полное отчаяние. Вспоминая о том времени, депутат Народной скупщины Янко Тошкович писал: "Вместо обсуждения государственных и военных вопросов король разглагольствовал о былых победах черногорского оружия, выслушивал льстивые речи и несбыточные планы царедворцев. Генерал Митар Мартинович уверял присутствующих в скорой помощи со стороны союзников, и хотя все знали, что помощи ждать неоткуда, ему вторили, боясь прогневать короля"²⁴. Черногорский монарх хотел также свалить ответственность за поражение на союзников. Вот что сообщал по этому поводу французский посланник в Цетинье Делярош-Верне: «Король вызвал меня поздно ночью, подняв с постели, и потребовал немедленной присылки морской эскадры. Когда же я посоветовал послать об этом телеграмму непосредственно командующему союзным флотом в Адриатическом море герцогу Авруцкому, король заявил: "Я лучше умру, чем обращусь за чем-нибудь к этим изменникам"». Резюмируя полученные от Делярош-Верне донесения, президент Франции Р. Пуанкаре записал: "У нашего посланника создалось впечатление, что эта ночная тревога должна служить ширмой для подготовки капитуляции Черногории"²⁵. Предсказание Деларош-Верне и Пуанкаре сбылось. В январе состоялось экстренное заседание правительства, которое внесло предложение о перемирии с Австро-Венгрией. Король сделал вид, что он не согласен с этим предложением, но не прошло и дня, как он же дал на это санкцию, и в главную квартиру имперских войск были посланы черногорские парламентарии для выяснения условий перемирия²⁶.

Австро-венгерское командование выдвинуло жесткие требования, заявив, что оно пойдет на мир только после сдачи черногорцами оружия и интернирования сербских войск.

12 января в Подгорице состоялось новое заседание правительства для обсуждения ультиматума противника. На этот раз в нем приняли участие военное командование и представители союзных держав. Король выдвинул фантастический план дать генеральное сражение австрийцам у Царева Лаза — местности, где черногорцы в свое время разбили турок. Начальник штаба черногорских войск сербский полковник Петар Пешич, доказав нереальность этого плана, предложил осуществить организованный отвод черногорских вооруженных сил вместе с остатками сербской армии в г. Скутари²⁷. Совещание закончилось безрезультатно, а правительство подало в коллективную отставку. Секретарь личной канцелярии короля Милош Живкович писал в воспоминаниях об этих событиях: «Вчера (12—13 января. — Ю.П.), в 2 часа 30 минут ночи, король позвал меня в свой кабинет. Перед ним на столе горело несколько свечей, а большая

пепельница была заполнена целой горой недокуренных сигарет — доказательство его необычной нервозности. Предложив есть, он передал письмо, на котором стоял его адрес. "Читай", — сказал король. Вскрыв конверт, я прочитал:

Ваше Величество!

Правительство Вашего Величества считает, что не было бы оправдано ни с какой точки зрения, если Ваше Величество и Ваше правительство оставят страну в этот критический момент. Они должны разделить с народом его судьбу. В то же время, как стало известно Вашему правительству, наши войска не в состоянии оказать далее какой-нибудь отпор. В связи с этим мы предложили немедленно заключить перемирие. Ваше Величество это предложение отвергло, ввиду чего Ваше правительство вынуждено просить отставку и заявить, что с этого момента оно перестает функционировать и не несет ответственности за дальнейшее развитие событий. Ваше Величество известили: Л. Миошкович, М. Радулович, Р. Попович, Р. Вешович. Крушевац. 31.XII.1915 (13.1.1916)"²⁸.

Дальнейшие события развивались стремительно. 14 января король обратился с личным посланием к австрийскому императору, в котором содержалось предложение заключить мир на приемлемых для Черногории условиях. В послании говорилось:
"Государь!

Сегодня Ваши войска заняли мою столицу, и черногорское правительство оказалось вынужденным просить Императорское, Королевское правительство о прекращении военных действий и о мире между владениями Вашего королевского и императорского величества и моей страной. Условия счастливого победителя могут быть суровыми, я обращаюсь заранее к Вашему королевскому и императорскому величеству с ходатайством о почетном мире, достойном престижа народа, пользовавшегося Вашей высокой благосклонностью, Вашим уважением и симпатией. Я надеюсь, что Ваше рыцарское и великодушное сердце не накажет его унижением, им не заслуженным. Николай"²⁹.

Небезынтересно, что это послание вопреки утверждениям ряда югославских историков³⁰ было послано австрийскому императору с ведома временного поверенного в делах России в Черногории Н.А. Обнорского, который в отличие от французского посланника Делярош-Верне, настаивавшего на продолжении войны даже в условиях полного распада черногорских войск, считал нецелесообразным уничтожение черногорских вооруженных сил и выступал за заключение почетного мира, который обеспечил бы их сохранение. Обнорский выражал надежду, что в этом случае в дальнейшем можно использовать черногорцев в войне против Австро-Венгрии, тогда как гибель живой силы черногорцев исключит эту возможность. Российский дипломат настоял, чтобы Николай послал также об этом письмо русскому царю. Глава черногорского государства выполнил эту просьбу. В его послании, отправленном 15(2) января через российскую миссию, говорилось:

”Государь!

Считаю своим тяжелым долгом довести до сведения Вашего величества, что моя страна остается фактически изолированной в борьбе против могущественного врага, так как захвачены все стратегические пункты, а также столица. Враг угрожает через несколько дней занять остальную часть страны. Мои солдаты покинули фронт из-за голода и эпидемий. По этим причинам я оказался вынужденным просить у врага почетного мира, не находя никакого другого выхода. Чтобы по возможности облегчить условия этого мира, навязанного силой обстоятельств, я обратился к австрийскому императору. От меня требуют передачи черногорского оружия и выдачи сербских войск, которые к тому же эвакуировали черногорскую территорию. В этом крушении моей страны я умоляю Ваше величество не осуждать меня и позволить мне надеяться на Ваше благоволение и традиционное покровительство. Николай”³¹.

Через два дня черногорский король получил ответ от австрийского императора, в котором Франц Иосиф подтвердил ультимативное требование командования 3-й австро-венгерской армии о безоговорочной капитуляции вооруженных сил страны и безусловной сдаче черногорцами оружия, в том числе и личного³². Последнее требование было особенно оскорбительным для черногорцев, которые по исторической традиции носили личное оружие.

Ответ австро-венгерского монарха окончательно обескуражил черногорского короля, и он решил оставить свою страну. Перед бегством из Черногории Николай в последний раз созвал заседание Совета министров. Оно состоялось утром 19 января во дворце Крушевац. Сохранился любопытный протокол об этом заседании. В нем говорилось: ”Король скрывал свои истинные чувства, ни с кем не соглашался, размышлял о чем-то про себя, ни с кем не делился о своих мыслях. Готовя втайне побег, он, однако, заявлял, что собирается в Никшич к войскам. Король Николай разыгрывал такую комедию, что за него было стыдно”³³.

После совещания во дворце его посетил генерал Вукотич. В своих воспоминаниях генерал рассказал следующее: «Прибыв в Крушевац, я спросил дворецкого, где государь? У себя в комнате — получил я ответ. Раньше я никогда не входил к королю без доклада, соблюдая этикет, но сегодня громко постучал в дверь, так что он удивился. Перед государем за столом стоял Мирко совсем больной, а князь Петр за другим столом стучал перстнем. ”Что случилось, Янко?” — спросил король с удивлением. ”Ты меня не ждал, государь?” — ответил я. ”Садись Янко!” После этого он подолжил разговор с Петром, прерванный моим появлением. ”Ты собираешься отречься от своих прав?” — спросил Петр. ”Хочу, сын”, — ответил король. Тут я подумал, что речь идет об обычной семейной ссоре, каких немало уже было при дворе. После паузы король сказал мне: ”Я уезжаю!” ”Куда, государь?” — спросил я. ”В Скутари!” У меня потемнело в глазах, я потерял самообладание и почти закричал: ”Вот что, государь! Я служил тебе тридцать лет, был предан тебе

больше, чем твоя жена и твои дочери, больше всех. Я тебе так скажу: ты слушаешься своих сыновей, а они не служили ни тебе, ни отечеству, не пеклись никогда о Черногории. Ну, что же, уезжай, изменяй и ты!" В таком духе я говорил не помню сколько времени. "Янко! Янко! Успокойся! — прервал меня король. — Я обещал семье, что вечером буду в Скутари, но даю тебе слово, что завтра вернусь обратно"³⁴.

Однако это была очередная ложь. Спешно собрав бумаги и драгоценности, король в 15 часов того же дня уехал. По дороге его автомобиль встретили министры Марко Радуллович и Радомир Вешнович. Король даже не остановил свою машину — он спешил на пароход. Затем, миновав озеро, он поздним вечером добрался до Скутари и вечером следующего дня вместе со своей свитой покинул этот город. Перед отъездом король вызывал Вукотича по телефону и заявил ему, что уезжает из Черногории "за море" для того, чтобы обратиться к союзникам за помощью. Король снова солгал. Прибыв в Сан-Джовани-ди-Медуа 21 января в 6 часов утра, он имел краткую встречу с принцем-регентом Сербии Александром. Из Медуи король прислал телеграмму губернатору Скутари Божину Петровичу, приказав известить его в Риме о времени отбытия из Подгорицы принца Мирко³⁵. Последний, однако, остался в Черногории и даже одобрил временное правительство. Король же 21 января в 11 часов сел на итальянский пароход, чтобы навсегда покинуть свою страну. Перед отъездом из Подгорицы он написал прокламацию черногорскому народу, в которой говорилось: "Препоручаю мою дорогую родину и наш народ Всемогущему и молитвам всех наших святых и, прощаясь с ними, говорю: до скорого свидания. Николай"³⁶.

Но это "свидание" так никогда и не состоялось. Черногорский народ не простил своему монарху измены и в 1918 г., после окончания войны, низложил его с престола. Король Николай умер в 1921 г. во Франции и был похоронен на чужой земле.

¹ См. подробнее: *Ракочевич Н.* Црна Гора у првом свјетском рату 1914—1918. Церње, 1969.

² АВИ. К. 3. № 7536. Полковник П. Пешич — Верховному командованию сербской армии. Цетиње, 24. XI.

³ *Ракочевич Н.* Указ. соч. С. 118, 126, 154—156.

⁴ Österreich-Ungarns letzter Krieg, 1914—1918. Wien, 1933. Bd. 1. S. 33.

⁵ АВПР. Ф. Канцелярия. 1915. Д. 63. Л. 16.

⁶ АСАНУ. Од. 3. Рукопись Ж. Павловича: Рат Србије с Аустро-Угорском, Немачком и Бугарском. Београд, б./г. С. 347.

⁷ *Радовић А.* Црна Гора у европском рату // Слободна мисао. 27. IV. 1936. № 17.

⁸ *Мондезир П.* Албанска голгота: Успомене и ратни слике. Београд, 1923. С. 30.

⁹ *Зеленика М.* Рат Србије и Црне Горе 1915. Београд, 1962. С. 479—480.

¹⁰ *Вучковић В.* Дипломатска позадана уједињења Црне Горе и Србије // Југословенска ревија за међународно право. Београд, 1959. № 2. С. 242.

¹¹ ННСТА. Liese Krieg, 1914. Karton 490. Посланник Австро-Венгрии в Болгарии А. Тарновский -- И. Буриану. София, 1915. 13. XI. № 1478.

¹² См.: *Ракочевич А.* Указ. соч. С. 122—124.

¹³ *Шкеровић Н.* Црна Горе за време првог светског рата. Београд, 1963. С. 102.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Живковић М.* Пад Црне Горе. Никшић, 1935. С. 16.

- ¹⁶ Вулетић С. Демисија црногорске владе у децембру 1915 // Записи. Цетиње, 1936. Књ. 15, С. 2—12.
- ¹⁷ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 208.
- ¹⁸ ВРС. Књ. XIV. № 2268.
- ¹⁹ Ракочевић Н. Ловченски одред у првом свјетском рату, 1914—1918 // Из. 1966. Св. 2. С. 290.
- ²⁰ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 205.
- ²¹ Там же. С. 208—209.
- ²² Богдановић С. Како је Гора заведена за Голеш планину. Нју Јорк, 1917. С. 48.
- ²³ Мариновић Б. Јанко Вукотић и капитулација Црне Горе. Цетиње, 1957.
- ²⁴ Тошковић Ј. Истина о капитулацији Црне Горе. Цетиње, 1957. С. 15—17.
- ²⁵ Пуанкаре Р. На службе Францији. М., 1936. Т. 2. С. 224.
- ²⁶ Операције црногорске војске у првом светском рату. Београд, 1964. С. 157.
- ²⁷ Архив историјског института Црне Горе у Подгорици. Ф. 170. Протокол рада црногорске владе за период 3. I—1. III. 1916 г. Седница 1916. 11 и 12. I.
- ²⁸ Цит. по: Живковић М. Указ. соч. С. 106.
- ²⁹ АВПР. Ф. ПА. Д. 1608. Л. 4. Передано 2(14). I. 1916 в полдень дипломатическому корпусу в Крушеваци.
- ³⁰ См., например: Љубурић А. Капитулација Црне Горе: Документи. Београд, 1940. Књ. 2. № 64.
- ³¹ АВПР. Ф. Росийская миссия в Черногории (РМЦ). Д. 1608. Л. 3. Король Николай — царю. Подгорица, 2(15). I. 1916 (Публ. впервые).
- ³² Операције... С. 520.
- ³³ АИИЦ 5. Ф. 170. Протокол 619, № 21.
- ³⁴ Цит. по: Љубурић А. Указ. соч. Књ. 2. С. 52.
- ³⁵ Ракочевић Н. Црна Гора... С. 182—184.
- ³⁶ Петковић Ј. Уједињење Црне Горе и Србије. Дубровник, 1940. С. 178.

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗ АЛБАНИЮ

В СКУТАРИ

Из Черногории, где сербская армия так и не нашла себе приюта, уже в ноябре — начале декабря она предприняла отступление дальше на юг — в Скутари (*совр.* Шкодер) и Южную Албанию в надежде соединиться наконец с союзниками и привести себя в порядок.

В этом была крайняя необходимость. Армии как боеспособной силы фактически не существовало. Вместо организованного и дисциплинированного войска в отступлении участвовали толпы изможденных и голодных солдат, потерявших свои воинские части, многие без оружия. От Моравской дивизии, например, насчитывавшей перед отступлением 10 тыс. человек, осталось всего 400 солдат и офицеров. Такая же картина наблюдалась почти во всех войсках. Общая их численность сократилась с 400 тыс. до 150 тыс.¹ Дивизии, полки и другие воинские части еще сохраняли свои старые названия, но уже не были боевыми единицами. Смертельно уставшие от непрерывного двухмесячного отступления, солдаты думали лишь об отдыхе и хлебе.

Французский посланник в Сербии Огюст Боп, сопровождавший сербское правительство следующим образом описал отход сербов из Черногории в Скутари: "Изнуренные солдаты вступали в Скутари малыми группами, без какого-либо намёка на военную организацию — пешие и конные вперемежку. Многие были без оружия. Все выглядели крайне плохо, двигались с великим трудом, как живые трупы. Худые, хмурые, черные лица, погасший взгляд... Хлеб — это было единственное слово, слетавшее с их уст"².

Город Скутари (*совр.* Шкодер), находившийся с 1915 г. под властью Черногории³, встретил сербов негостеприимно. Городская администрация отказалась предоставить сербским войскам помещения под казармы и больницы и заявила о невозможности обеспечить их продовольствием⁴.

Российский посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой, говоря об управлении городом и областью, писал: «Черногорским правителем области был дядя короля старый воевода Негош-Петрович. Посетив его, я нашел маленького старичка в черногорском национальном костюме, к которому как-то не шло пенсне. Он был очень стар и, кажется, ничем уже не мог деятельно заниматься, постоянно жалуясь на подагру в пояснице. По облику он походил

на типа, выработавшегося при черногорском дворе — смесь французского "boulevardier" с балканским "комитаджем", не то "моншер", не то жуликоватый делец, не то разбойник с большой дороги. Более деятельным был начальник черногорских войск в этом районе, молодой и энергичный генерал Р. Вешович. В нем не чувствовался "boulevardier", но в сильной степени были развиты другие, перечисленные мною свойства. Свой выезд по городу он обставил восточным образом, а сзади него скакали с ружьями наперевес какие-то жандармы древнего инвалидного вида»⁵.

Не лучше была и сербская военная комендатура. Она пустила снабжение войск на самотек, отказавшись от руководства интендантской службой. В результате продовольствие — и то в первое время — смогли приобрести только высокооплачиваемые офицеры, а солдаты продолжали бедствовать. Трубецкой вспоминал: "Первые дни город еще сохранял свой обычный вид, но не прошло и недели, как он стал быстро заполняться беженцами и солдатами. Немедленно дочиста было раскуплено все, что еще оставалось в лавочках, и сразу ничего нигде нельзя было достать. В какую-нибудь неделю из мирно дремавшего в своих садах и огородах мусульманского города Скутари превратился в огромный и беспокойный стан оборванных несчастных кочевников"⁶.

Задачу снабжения сербской армии продовольствием взяли на себя Англия, Франция и Италия⁷. Англия и Франция обязались закупать и доставлять все необходимое в итальянские порты Торанто и Бриндизи. Италия должна была обеспечить перевоз этих грузов в Албанию, межсоюзническая комиссия генерала П. Мондзира — доставлять их из порта Сан-Джовани-ди-Медуа в Скутари гужевым путем. Однако эта работа фактически не велась⁸.

Завезенные в итальянские порты грузы лежали длительное время без движения, а командующий итальянским флотом в Адриатическом море вице-адмирал Кутинели не выделял военных кораблей для конвоирования транспортов. Итальянская сторона постоянно ссылалась на слабость своего флота, необходимость обороны побережья Италии и непригодности албанских портов к приему массовых грузов⁹.

Ничего не было сделано для реконструкции причалов в Сан-Джовани-ди-Медуа (Шен-Гьин), Баре и Дурресе. Дорога из этих портов, по которой должны были перевозить продовольствие, не была отремонтирована, и по ней могли передвигаться лишь волы, обеспечивая перевоз не более 40 т грузов в сутки¹⁰.

Англия и Франция срывали требования Италии о пополнении коммерческого и военно-морского флота в Адриатике. Снабжение сербской армии продовольствием было организовано союзниками плохо. До 25 декабря 1915 г. ими вообще не было проведено ни одного рейса¹¹.

26 декабря 1915 г. Н. Пашич послал союзникам телеграмму, полную отчаяния: "Если нам немедленно не будет отправлен хлеб — произойдет капитуляция вследствие голода"¹². После этого на некоторое время поставки продовольствия возобновились, но в крайне

недостаточных размерах. С 26 декабря по 10 января в Сан-Джовани-ди-Медуа было доставлено всего 143 т продовольствия, что не могло удовлетворить даже небольшую часть солдат сербской армии.

"Голод надвигается, — телеграфировал в Петроград 22 декабря 1915 г. Трубецкой, — на дорогах грабежи и убийства. Среди албанцев брожение, которое со дня на день может перерасти в восстание. Австрийцы легко и беспрепятственно хозяйничают на море, уничтожая у населения надежду на возможность подвоза и убеждая его в слабости союзников. Я не получаю никакой информации и указаний"¹³. В другой телеграмме от 28 декабря 1915 г. посланник выражал тревогу по поводу полного отсутствия каких-либо сведений о деятельности царского правительства и его намерениях. "Мы сидели в Скутари как в лесу, — констатировал Трубецкой, — я не получал никаких известий и даже не знал, кто у нас министр иностранных дел, ибо недели три не имел телеграмм за подписью Сазонова"¹⁴.

Тем временем положение в Скутари становилось все более опасным. Австро-венгерские войска приближались к городу с севера, из Черногории; на востоке находились болгары, которые могли занять албанские города Влёру (Валону) и Эльбасан, перерезав путь отступления сербских войск; вражеская авиация приступила к систематической бомбардировке Скутари с воздуха, а австрийский военноморской флот установил блокаду албанского и черногорского побережья Адриатического моря. "Скутари и весь албанский берег, — писал находившийся в городе французский военный историк Ф. Дейга, — представляли собой обширный госпиталь под открытым небом, где продолжали умирать те, кого истощило отступление. Улицы Скутари завалены трупами. Неприятельские аэропланы бросают бомбы на несчастных, а у них даже нет сил, чтобы поднять винтовку"¹⁵.

28 декабря в канун Нового года сербское правительство приняло решение об эвакуации сербских войск и своем отъезде из города Скутари. Одновременно по собственной инициативе идентичное решение принял и дипломатический корпус. Союзники заверили сербское правительство в том, что они предоставят для эвакуации транспортные средства, которые должны прибыть в албанский порт Сан-Джовани-ди-Медуа 1 января.

До отъезда оставалось всего три дня, и нужно было спешить. Началась невероятная сутолока со сбором необходимых вещей. В городе не было автомобилей и других видов транспорта. Российскому посланнику еле-еле удалось найти лошадь, но она оказалась такой истощенной клячей, что 52 км пути от Скутари до Сан-Джовани-ди-Медуа пришлось большей частью идти пешком. В дорогу удалось собрать только некоторые важные бумаги, печать посольства и секретные шифры для переписки с министерством, а остальные вещи оставить на месте. Были уничтожены и многие архивы. Сербское правительство все же успело захватить казну. К несчастью, заболел верховный командующий принц-регент Александр, и его пришлось отправить на носилках, которые тащили солдаты.

Дорога оказалась трудной, хотя и проходила по равнинной местности. От не прекращающихся ни на минуту дождей со снегом

ее развезло, и она превратилась в вязкое болото. В пути застревали не только повозки, но и люди, утравшие по колено в грязи. "По обе стороны дороги, — вспоминал Трубецкой, — виднелись свежерытые могилы с крестами. Поистине этот путь от Скутари до Медуи мог быть назван крестным путем сербского народа"¹⁶.

В САН-ДЖОВАНИ-ДИ-МЕДУА

Сан-Джовани-ди-Медуа (Медуа) представлял собой маленький поселок на побережье Адриатического моря, мало приспособленный для размещения в нем более чем 90-тысячной армии и нескольких десятков тысяч гражданских беженцев, среди которых немало было женщин, стариков, подростков и даже детей. Сюда же были присланы австро-венгерские и болгарские военнопленные, которых также было великое множество. Все они давно ожидали эвакуации, но она проходила крайне медленно. Небольшие по грузоподъемности морские транспорты могли перевезти не более 200—300 человек за один рейс, которых было крайне мало. Военный комендант порта английский адмирал Э. Трубридж, тот самый, кто недоглядел проход германского броненосца "Гебен" в Константинополь и Черное море, а затем неудачно командовал речным флотом при обороне Белграда, не справился со своими задачами и на этот раз: он не смог обеспечить не только эвакуацию сербских войск из Сан-Джовани-ди-Медуа, но и организацию их продовольственного снабжения и расквартирования. Подавляющее большинство войск и беженцев ютилось под открытым небом, из них многие даже без палаток, хотя на дворе стояла зимняя погода. Трубецкой писал о своих впечатлениях: "У порта Медуа был разбит лагерь беженцев, которых насчитывалось 4 тыс. человек. У них не было палаток, они спали под открытым небом, богатые и бедные — все равны в полной нищете и беспомощности. Женщины снимали с себя верхние юбки, развешивли их на колья, чтобы устроить подобие палаток для детей. Сильно пострадали эти несчастные от долгого ожидания своего избавления, от ежедневного прилета неприятельских аэропланов, сбрасывающих бомбы, от холода, голода, не имея возможности укрыться от ветра и дождя. Когда приходил пароход, происходили раздирающие сцены. Люди бросались в плавь в надежде, что их примут, они цеплялись за борт, их отталкивали"¹⁷.

Для сербского правительства и дипломатического корпуса было сделано исключение — они сразу по прибытии в Сан-Джовани-ди-Медуа были посажены на корабли. Князь Трубецкой был помещен на палубе французского парохода "Святой Георг" вместе с больным регентом и Пашичем. Последний, по словам посланника, был настроен пессимистически. "Мы все потеряли, кроме своей Сербии", — сказал он¹⁸. И не мудрено: прошлое было ужасным, будущее — неопределенным. Когда пароход отчалил от берега, еще никто из членов сербского правительства не знал, что ожидает его впереди. К этому времени еще не было определено место эвакуации сербской армии. Пароход, стремясь избежать встречи с австрийскими подвод-

ными лодками, шел густой ночью без опознавательных знаков, постоянно маневрируя. Он шел к берегам Италии. Для спасения от плена оставались считанные дни и часы.

15 января из Сан-Джовани-ди-Медуа были вывезены депутаты Народной скупщины Сербии, больные офицеры и дети, 19 января — семья черногорского короля, 21 января — сам король Николай, французский посланник в Черногории Делярош-Верне и генерал П. Мондезир. Этим же последним рейсом отправился комендант порта адмирал Эрнест Чарльз Трубридж.

22 января из г. Лежа в Дуррес был отправлен верховный командующий сербской армии регент Александр, которого все еще трясла лихорадка. Днем ранее Албанию покинул начальник штаба его войск генерал Петар Бойович. Это было похоже на бегство. Уже 23 января австро-венгерские войска вошли в Скутари, а через 5 дней они захватили Медуу¹⁹.

АЛБАНСКАЯ ГОЛГОФА

После отъезда правительства и Верховного командования сербские войска оказались совсем заброшенными. Их покинула и большая часть офицерства²⁰. Среди солдат росло недовольство. Огюст Боп писал в воспоминаниях: "Немногочисленные офицеры с трудом удерживали солдат от выступления против сербской монархии и правительства. О Н. Пашиче открыто говорили, что он предал армию, забрав с собой казну"²¹. Положение войск казалось безвыходным: оставаться в Сан-Джовани-Ди-Медуа, к которой приближался противник, было нельзя, двигаться дальше во враждебную Албанию, где действовали инспирированные австрийцами повстанческие части, крайне опасно. Остаткам армии предстояло пройти через территорию страны 242 км, из которых 200 км составляли горные тропы или болота²². Трубецкой сообщал: "Армию гонит голод, по дорогам преследование ведется восставшими албанцами, подкрепленными отдельными отрядами австрийцев. При отступлении солдаты за хлеб отдают одежду, оружие и боеприпасы албанцам, начавшим позднее избиение тыловых частей"²³. Албания стала могилой многих тысяч сербов. Недаром переход сербских войск через ее территорию был назван сербами "Албанской Голгофой"²⁴. Во время отступления по Албании сербы потеряли около 55 тыс. человек, а вместе с переходом через Черногорию — 72 тыс. человек²⁵.

При этом сербам приходилось претерпевать враждебное к себе отношение со стороны своей союзницы Италии. Захватив в ноябре 1915 г. стратегически важный порт Албании Валону (Влэру), Италия не только не собиралась пустить в этот город сербские войска даже для их последующей эвакуации на о-в Корфу, но и вообще претендовала на единоличное управление Албанией, считая эту страну сферой своего влияния²⁶.

Антисербские настроения военных властей Италии в Албании стали проявляться уже во время отступления через Албанию первой части сербских войск, эвакуировавшихся с территории Новой Сер-

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов

бии, т.е. с ноября 1915 г. Тогда в походе участвовало 50 тыс. войск, причем они эвакуировались более организованно, чем та часть, которая сначала бежала в Черногорию. Эти войска были лучше экипированы и не представляли собой бродячей толпы, какой была масса солдат, покидавших Скутари. Многие из офицеров и солдат этих подразделений имели деньги и расплачивались с итальянцами за приобретение продовольствия²⁷. Однако командование итальянских войск, несмотря на это, создавало искусственные препятствия для их продвижения к Эльбассану, Дурресу и Валоне. Без всяких на то причин оно отдало распоряжение о предварительной санитарной обработке сербских войск в специальных лагерях, расположенных вдали от населенных пунктов. Эти лагеря напоминали собой места заключения: они были окружены колючей проволокой и находились под охраной итальянских войск²⁸. Они плохо снабжались продовольствием, были лишены элементарной медицинской помощи. В лагерных карантинах от тяжелых условий скончались несколько тысяч человек.

Это привело к обострению отношений Сербии с Италией. Выражая протест по поводу позиции, занятой последней, Пашич заявил, что "сербь пришли (в Албанию) для борьбы с общим врагом, а не с союзниками"²⁹.

Начальник штаба царской Ставки генерал М.В. Алексеев высказался резко. Приняв 22 января 1916 г. в Главной квартире военного представителя при Ставке полковника Б. Лонткиевича и консула в Одессе М. Цемовича, он сказал: "Я думаю, что ваше правительство имеет все основания подозревать Италию в неблагоприят-

ном отношении к Сербии. Ее поведение сегодня (в отношении сербских войск. — Ю.П.) позволяет предположить, что она имеет тайное соглашение с Австро-Венгрией и Германией³⁰.

С.Д. Сазонов обратил внимание Англии и Франции на "странное поведение Италии"³¹. В телеграмме, отправленной послам в Лондоне, Париже и Риме (от 26(13) января), он подчеркивал важность сохранения сербской армии. "Гибель сербской армии, — писал он, — явилась бы не только ударом по нашему общему делу, но и окончательно подорвала бы наше влияние среди сербских племен"³².

В русской, французской и английской прессе появился ряд анти-итальянских статей. С осуждением антисербских действий итальянской военщины выступили славянские комитеты в России и Балканский клуб в Англии. Под давлением мировой общественности военные круги Италии не только прекратили чинить препятствия эвакуации сербских войск из Албании, но и, напротив, стали требовать их быстрой отправки с территории Албании³³.

ЭВАКУАЦИЯ НА О-В КОРФУ

Между союзниками не было единства взглядов по вопросу о месте назначения эвакуации сербских войск. Сербское правительство просило разместить их поближе к покинутой родине, с тем чтобы не потерять с ней связь. В таком духе было составлено и обращение регента Александра к царю, а также к правительствам Англии, Франции и Италии. Глава сербского государства доказывал, что только в этом случае можно надеяться на его возрождение. Он утверждал, что всякое иное решение вопроса может привести к окончательной гибели сербской армии, которая и без того понесла тяжелые потери. Жить на чужбине, писал регент, можно только в том случае, если удастся сохранить надежду на возвращение домой³⁴.

Россия поддержала эту просьбу. По инициативе министра иностранных дел С.Д. Сазонова императорский посол в Риме М.Н. Гирс посетил министра иностранных дел Италии Сиднея Соннино и передал ему официальное заявление о поддержке Россией позиции Сербии. "Нельзя смотреть на сербскую армию как на бездушный материал, который можно бросить куда угодно", — предупреждал Гирс. Посол подчеркнул, что, узнав о намерении союзников использовать сербские войска для охраны колоний великих держав, "сербы могут побросать свое оружие и разбежаться"³⁵.

Италия, напротив, стремилась направить сербскую армию возможно дальше от территории Албании и самой Сербии. Итальянское правительство выдвинуло план эвакуации остатков сербских войск на о-в Кипр. Эту идею разделяли и в Лондоне, рассчитывая на участие сербских войск в обороне Египта от Турции и германских войск. Франция первое время предлагала направить сербов в Бизерту и Тунис и лишь позже согласилась с предложением России послать сербские войска на Салоникский фронт, предварительно осуществив их реорганизацию³⁶.

В Париже возникла идея эвакуации сербов на о-в Корфу, принадлежавший Греции. В пользу этого варианта говорили относительная близость острова к самой Сербии и его стратегическое значение: он был расположен на перекрестке морских путей у южной части Албании и находился под охраной военно-морского флота держав Антанты. Однако существовали и трудности: Греция, хотя и состояла с 1913 г. в союзе с Сербией, не хотела оказывать ей помощь, ссылаясь на нейтралитет. Она возражала против размещения сербских вооруженных сил на своей территории, а державы Тройственного соглашения и Италия опасалась ухудшения своих отношений с Грецией³⁷.

План Франции, который поддерживала Россия и с которым в конце концов согласились Англия и Италия, долгое время обсуждался союзниками, а сербская армия все еще находилась в подвешенном состоянии — от нее стремились избавиться в Италии и с ней не знали, что делать, в Англии, Франции и России. Голодная и изнуренная сербская армия продолжала оставаться в ужасных условиях в Албании в ожидании эвакуации. Она не пользовалась продовольственным снабжением и со стороны итальянской интендантской службы.

"Дело с эвакуацией сербов, — сообщал в Петроград 27 января 1916 г. российский военно-морской агент в Италии, — продвигалось очень медленно.... Были длительные разговоры и обмен телеграммами между Римом и Парижем, откуда возить, на чем и как... Были такие моменты, когда французы и итальянцы настолько запутались в проектах и средствах их выполнения, что никто больше ничего не понимал"³⁸. Правительство Н. Пашича, эвакуировавшееся из Сан-Джовани-ди-Медуа, направляло союзникам напоминание за напоминанием, обращалось с просьбами об организации эвакуации, указывая на отчаянное состояние сербских войск³⁹.

Эвакуация на о-в Корфу и в Бизерту началась из Албании только в конце января, после того как австро-венгерские войска заняли Скутари, Сан-Джовани-ди-Медуа и Лежа (Леш)⁴⁰. Для эвакуации остался только один порт — Дуррес. К нему также продвигался противник, захвативший 8 февраля столицу Албании Тирану.

Эвакуация последних эшелонов сербских войск из Дурреса проводилась в полном беспорядке. На одну и ту же палубу пароходов грузились люди и лошади, больные и здоровые солдаты. В своих воспоминаниях полковник Емило Белич, эвакуировавшийся в Бизерту, писал: "Транспорты прибывают непрерывно. Все новые и новые больные, все новые бледные лица. Если в начале эвакуации между солдатами можно было найти здорового человека, то во второй и третьей партии уже ни одного"⁴¹.

Наибольшее число сербских войск было эвакуировано на о-в Корфу⁴². Осуществлявшее эвакуацию союзное командование рассчитывало, что вновь прибывшие части останутся здесь недолго. Территория острова не была приспособлена для размещения на ней большого контингента войск. В г. Корфу и его окрестностях не было свободных помещений под казармы, продовольственное снабжение населе-

ния было лимитировано. Между тем на остров помимо войск прибыло до 50 тыс. беженцев и примерно столько же австро-венгерских и болгарских военнопленных⁴³.

Снабжение вновь прибывших сербских войск продовольствием и медицинское обслуживание были неудовлетворительными. Запасы хлеба на острове быстро иссякли, а новый подвоз продовольствия был нерегулярным. Остро ощущалась нехватка врачей и медицинского персонала, плохо было с лекарствами и перевязочными средствами для раненых. Переживший эвакуацию полковник сербской армии Еремия Стоянович с горечью писал: "Корфу, чудесный остров с оливковыми рощами и садами, с хорошим средиземноморским климатом, останется тем не менее в воспоминаниях сербского народа как остров ужасов и мучений. Здесь не было создано никаких условий, чтобы дать приют измученной сербской армии. Число наших жертв на этом острове достигло таких размеров, что негде было хоронить мертвецов, и их на пароходах отвозили в море и там бросали в морскую пучину"⁴⁴.

Расположенный рядом с Корфу о-в Видо был превращен в своеобразную больницу под открытым небом для тяжелобольных и в покойническую. Сюда привозили тех, кто должен был умереть. Неделями обессиленные солдаты не убирали трупов. Над "островом смерти" кружили орлы-стервятники и вороны. Среди солдат он назывался "голубой гробницей". Здесь нашли себе могилу более 5 тыс. человек⁴⁵.

Мало чем отличалась жизнь эвакуированных и в других местах: в Бизерте, на о-ве Асинари, в Сардинии, на Липарских о-вах, в Салониках, на Корсике и в Алжире. Здесь долгое время не удалось организовать отдых сербским воинам. Значительно лучше обстояло дело с 10 тыс. детей, вывезенных во Францию и Швейцарию. Они были окружены заботой населения. Многие из детей получили образование, а впоследствии даже закончили высшие учебные заведения⁴⁶. Однако это были счастливые исключения. В целом общие потери сербской армии и среди гражданских беженцев были колоссальными.

¹ Зеленика М. Рат Србије и Црне Горе 1915. Београд, 1954. С. 441.

² Боп О. Са српском вкладом од Ниша до Крфа. Женева, 1918. С. 72—73.

³ В 1915 г. албанский город Скутари был захвачен Черногорией.

⁴ ВРС. Кв. XII. С. 207, 412.

⁵ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 214.

⁶ Там же.

⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX, № 561.

⁸ Красный арх. М., 1934. Т. 415(65/66). С. 72—83.

⁹ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3841. Л. 86—87, 93, 98.

¹⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX, № 621. С. 77.

¹¹ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3841. Л. 42—43.

¹² МОЭИ. Сер. 3. Т. IX, № 561.

¹³ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 217.

¹⁴ Там же. С. 218.

¹⁵ Dayga F. L'armée d'Orient dans la guerre mondiale. P., 1932. P. 58.

- ¹⁶ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 241.
- ¹⁷ Там же. С. 242.
- ¹⁸ АВПР. Ф. Па. Д. 535. Л. 2, 14. Г.Н. Трубецкой — С.Д. Сазонову. Корфу, 1916.
- 29.1. № 1.
- ¹⁹ АС. МИД. По. 1916. Ф. 11. Д. 6. № 378.
- ²⁰ *Пешић П.* Солунский фронт. Београд. 1921. С. 3.
- ²¹ *Бол О.* Указ. соч. С. 108—109.
- ²² Там же.
- ²³ АВПР. Ф. Канцелярия, 1915. Д. 63. Л. 543. Телеграмма Г.Н. Трубецкого — С.Д. Сазонову. Скутари, 1915. 28.XII.
- ²⁴ *Зеленика М.* Указ. соч. С. 448.
- ²⁵ См.: *Богдановић С.* Повлачење српске војске на Приморју. Београд, б/г.
- ²⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3841. Л. 35.
- ²⁷ *Зеленика М.* Указ. соч. С. 453.
- ²⁸ АВПР. Ф. Канцелярия, 1915. Оп. 470. Д. 111. Л. 294. Г.Н. Трубецкой — МИД. Скутари, 1915. 28.XII.
- ²⁹ *Зеленика М.* Указ. соч. С. 450.
- ³⁰ ДА ДСИП. ПО. 1916. Ф. XIV, досье "Россия" М. Шайкович — Верховному командованию сербской армии. Одесса 1916. 11(22). № 154.
- ³¹ Цит. по: *Зеленика М.* Указ. соч. С. 150.
- ³² АВПР. Ф. ПА. Д. 1742. Л. 50. С.Д. Сазонов — посланникам в Лондоне, Париже и Риме. Петроград, 1916. 11(24). I. № 185.
- ³³ *Бол О.* Указ. соч.: *Марковић П.* Из минулих дана: Успомене из 1915—1918 године од пуковника П. Марковића. Београд, 1920. С. 40—41; *Богдановић Д.* Указ. соч. С. 164.
- ³⁴ *Пуанкаре Р.* На службе Франции. 1936. Т. 2. С. 178.
- ³⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX, № 572, 636.
- ³⁶ *Пуанкаре Р.* Указ. соч. С. 178.
- ³⁷ См.: *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны 1914—1918. М., 1990. С. 66—82.
- ³⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2841. Л. 120. Италия. Материалы по обстановке в Средиземном море. Доклад Морского генерального штаба. 1916. Март.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 173.
- ⁴¹ *Белић Е.* Уздаси на туђине: Слике из живота наших војника у Бизерти. Нови Сад, 1931. С. 16.
- ⁴² *Спасић К.* Један француски извештај о повлачењу срба кроз Албанију и боравку на Крфу // ИИ ЗР. 1984. № 3.
- ⁴³ ВРС. Кв. XIII. С. 387, 405.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Станојевић Ј.* Историја ратова за ослобођење и уједињење, 1912—1918. Београд, б/г. С. 386.
- ⁴⁶ Политика. 1965. 29.II.; ВРС. Кв. XVI. С. 200; *Ђурић В.* Остров смрти. Београд, 1929.

НА ОСТРОВЕ КОРФУ

СЕРБСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НА О-ВЕ КОРФУ

Прибыв в итальянский порт Бизерту в полдень 15 января, сербское правительство не сразу перебралось на о-в Корфу, проведя в этом итальянском портовом городе целую неделю, напрасно потеряв время. Здесь никто не хотел отвечать на мучительные вопросы: когда кончится это ожидание, куда эвакуируют правительство, верховное командование сербской армии и дипломатический корпус, что станет с войсками и с сербским королем? Такое невнимание к судьбе армии и сербских властей со стороны союзников объяснялось нерешенностью ими самой сербской проблемы. Великие державы еще не определяли своего отношения к поверженной сербской армии. В Англии и Италии немало было сторонников вообще прекратить оказывать поддержку, во Франции и России, напротив, выступили за помощь сербскому государству, но первое время еще не установили места, куда надо эвакуировать сербское правительство и куда направить сербские войска для отдыха.

На этот счет высказывались разные точки зрения. Главнокомандующий французскими войсками генерал (после Вердена маршал) Ж. Жоффри еще в декабре 1915 г. выдвинул идею передислокации сербской армии либо в Салоники, либо на о-в Корфу. При этом он не задумывался над вопросом, как быть с сербским правительством. Для генерала важным было другое — немедленно использовать сербские войска в военных действиях на Балканах. По его мнению, этими войсками могли бы руководить и французские офицеры, а сербское правительство можно эвакуировать куда угодно, в том числе в глухую провинцию. Так возник план эвакуации кабинета Н. Пашича в далекий Экс-ан-Прованс, что привело бы к его полной изоляции от внешнего мира.

Это предложение вызвало возражение со стороны Пашича, который не хотел потерять связь с армией и Сербией. Остров Корфу более устраивал сербское правительство.

Но при обсуждении этого вопроса возникли новые сложности. Жоффри настаивал на предварительном захвате греческого о-ва французскими войсками, против чего высказывались в Англии и Италии. В Лондоне опасались, что эта акция может вызвать осложнения в отношениях Антанты с Грецией, в Риме выражали беспокойство по поводу усиления военного присутствия Франции в стратегически важном районе на перекрестке Ионического и Адриатического морей,

господствовавшим на подступах к Албании¹. Министр иностранных дел Италии С. Соннино увидел в этом намерении Франции попытку пересмотреть решения Лондонского секретного договора от 26 апреля 1915 г., предоставлявшего преимущественные права Италии на контроль за островами восточной части Адриатического моря. После длительных переговоров между четырьмя союзниками было с трудом достигнуто соглашение об эвакуации сербских войск на о-в Корфу под международным контролем. 11 января 1916 г. на острове высадился десант из 1500 французских моряков, 21 января — отряд "Британской адриатической миссии", 11 февраля — небольшая группа итальянских карабинеров из 50 человек².

Так была решена корфская проблема. В 20-х числах января председатель комиссии союзников по оказанию помощи Сербии генерал П. Мондезир сообщил об этом решении Н. Пашичу, предложив, не откладывая ни одного дня, приготовиться к отправке на Корфу³.

Эвакуация сербских правительственных учреждений и дипломатического корпуса проводилась в крайней спешке: на пароходы, как в свое время и в Медуе, грузились вперемешку люди, лошади, вещи. Сербскому правительству многое из необходимого пришлось оставить в Италии.

Приезд на Корфу также был обставлен не лучшим образом. Выяснилось, например, что на нем нет помещения для сербского короля Петра I. Он раньше правительства прибыл в Италию, отправившись в эвакуацию с первой партией беглецов по пути Сан-Джовани-ди-Медуа—Дуррес—Валона—Бриндизи. По дороге король сильно заболел. В Бриндизи его поместили в затрапезной гостинице инкогнито под фамилией "генерал Топола"⁴. Сербское правительство обратилось к союзникам с просьбой перевезти короля Петра на о-в Корфу, но получило отказ, так как на острове не оказалось ни врачей, ни подходящего помещения. Больного старика поселили в средневековом замке Кизерта близ Неаполя, в резиденции бывших неопалитанских королей из династии Бурбонов. Австрийская газета "Нейе фрайе прессе", намекая на то, что Петр I в молодости, будучи еще князем, вел бродяжническую жизнь, злословила: "Петр, привыкший долгие годы проводить в кабаках Женевы, наконец-то переехал во дворец, правда чужой"⁵. Однако жизнь короля в сыром замке была несладкой. Начались непрерывные скитания сербского монарха. Английская газета "Морнинг пост" сравнивала судьбу Петра I с судьбой шекспировского короля Лира. В номере от 6 января 1916 г. она опубликовала статью "Король Лир наших дней"⁶. Из Кизерты Петр переселился в средневековый замок во французском Провансе, затем прибыл на курорт Эдипсону на о-ве Эвбея, где остановился в третьесортной гостинице "Отель Тамбори", в которой вместо электричества горели лишь сальные свечи. В 1916—1917 гг. король-путешественник, или "король-изгнанник", как его называли при дворе, сменил еще три местожительства: на Халкидике (с 18.V.1916 по 27.XI.1916), в Салониках (с 27 по 29.XI.1916) и в пригороде Афин (с 26.XI.1917 по 14.IX.1918) — и только в июле 1919 г. вернулся в Сербию⁷.

Не хватало самого необходимого — жилья, продовольствия, условий для работе правительственных учреждений. Союзники перепроверяли решение всех бытовых вопросов руководителю специальной комиссии по оказанию помощи эвакуированным французскому генералу П. Мондезиру, тому самому, кто уже провалил снабжение сербской армии продовольствием в начале ее отступления. П. Мондезир поставил дело из рук вон плохо. Межсоюзническая интендантская служба не работала, на острове не было обеспечено медицинское обслуживание эвакуированного сербского населения, буксовал транспорт, которым ведали командующий союзной эскадрой итальянский адмирал герцог Авруцкий и вице-адмирал Кутинелли, плохо было с жильем. Не хватало свободных помещений даже для правительства. Главе кабинета, например, была предоставлена бывшая кухня в ресторане "Отель де Англетер", и, как злорадствовала австрийская пресса, Пашич был вынужден подписывать бумаги на том же столе, на котором ранее поварами разделывалась рыба.

Заседания Совета министров проходили в бывшей парикмахерской, для канцелярии была отведена кладовая, Верховное командование размещалось в бараке, а министры жили в переполненных жилых комнатах.

Только дипломатам было предоставлено несколько лучшее помещение. Русскому посланнику князю Трубецкому, например, достался двухспальный номер в гостинице "Святой Георг" с видом на море. После бивачной жизни в горах он показался дипломату раем. Но в комнате не было никаких удобств, она же служила ему кабинетом. Работать на острове было трудно, не было телефона, телеграфное сообщение можно было поддерживать только через Париж и Рим, и телеграммы запаздывали на 2—3 недели⁸. В русской миссии отсутствовала канцелярия и все бумаги оформлял сам поверенный в делах Б.П. Пелехин.

Не лучшим было положение и в других посольствах. Вскоре Корфу покинул французский посланник Огюст Боп: он был отпущен в Париж по состоянию здоровья — трудное путешествие через Черногорию и Албанию вконец измотало его силы. Не вернулся на Корфу и итальянский посланник барон Сквитти, доживал до пенсии английский посланник сэр Чарльз де Гра, почти не принимая активного участия в дипломатической деятельности. Весной 1916 г. в отпуск отбыл и сам Трубецкой, оставив своим заместителем Бориса Павловича Пелехина. Вместо О. Боба интересы Франции представляли военный атташе полковник Фурнье и генерал П. Мондезир.

На Корфу установилась провинциальная тишина, выходила одна-единственная газета "Спрске новине", прекратились заседания Народной скупщины, а депутаты в своем большинстве уехали в Ниццу, где образовали парламентский клуб.

Сам остров находился как бы в стороне от кипучей международной жизни. Военное время наложило на него свой отпечаток: ранее сюда приезжали на отдых греки и иностранные гости. Корфу привлекал их своим средиземноморским климатом, оливковыми ро-

шами, старинной цитаделью и дворцом с памятником Ахиллесу; после начала войны в Европе он опустел. Французы и англичане, как уже говорилось, высадили 15 января 1916 г. на нем свои войска, использовав Корфу как стоянку своего флота и запретив въезд на него иностранцев.

С падением туризма на острове сократилась торговля, свернулось ремесленное производство, стало замирать сельское хозяйство. Нашествие сербских гражданских беженцев и войск взбаламутило тихое течение жизни на Корфу, перевернув все вверх дном.

Во временной сербской столице сильнее, чем в самой Сербии, проявлялись социальные контрасты. В армии и среди гражданских беженцев наблюдалось сильное расслоение. Офицерский состав был устроен на острове лучше, чем солдатская масса. Для офицеров была открыта особая больница, они получали дополнительное питание, многие офицеры имели сбережения. Еще большая дифференциация существовала среди гражданских беженцев. Почти все депутаты Народной скупщины при эвакуации прихватили с собой капиталы, коммерсанты и сербские интенданты нажились на спекуляции продовольствием, некоторые из них открыли свои счета в иностранных банках. В то же время в полной нищете находились солдаты. Особенно бедствовали добровольцы из южнославянских областей Австро-Венгрии, не имевшие за душой ни гроша⁹. Тяжелым было и положение военнопленных — они были не только бесправными, но и испытывали всевозможные лишения. Все это влияло на общую обстановку.

В то же время на Корфу происходил и другой процесс: постепенно жизнь входила в свою колею. Под южным солнцем поправлялись солдаты, чему способствовала усилившаяся наконец медицинская помощь. Благодаря деятельности английского, французского и швейцарского Красного Креста, а также Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества на острове была открыта новая больница на 1500 коек, стала лучше работать международная интендантская служба. Сербские власти предусмотрели осуществление ряда культурно-просветительских мероприятий вплоть до организации театра, в котором ставились не только любительские спектакли, но и классические вещи. Большой успех, например, имела кантата П.И. Чайковского "1812 год". На острове экспонировались картины русского художника Самсона Чернова, принявшего непосредственное участие в отступлении сербской армии через Черногорию¹⁰.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Перед сербским правительством стоял ряд важных задач.

Прежде всего оно попыталось укрепить органы государственной власти, консолидировать работу кабинета. По своему составу он был коалиционным (до июня 1916 г.). Большинство портфелей принадлежало сербским радикалам (министр иностранных и внутренних дел, военный министр, министр просвещения). Но в правительство входили также либералы ("самостальцы") и представители прогрессивной

партии ("напредняки"), и с ними надо было считаться. Пашичу удалось объединить усилия всех партий: кабинет работал дружно, принимая согласованные решения¹¹.

Важное значение имело прекращение взаимных распрей между Верховным командованием сербской армии и правительством вокруг вопроса об ответственности за поражение сербских вооруженных сил. Обе стороны во время отступления армии сваливали вину друг на друга, что не способствовало оздоровлению обстановки. Пашич и регент Александр заключали перемирие (правда, вскоре борьба между ними возобновилась).

Большую роль в стабилизации государственного режима сыграло решение о статусе государственных служащих и офицерского корпуса. 13(26) марта правительство обратилось также с призывом о возобновлении деятельности Главного контролера, пригласив состав этого учреждения выехать из оккупированной Сербии на о-в Корфу¹².

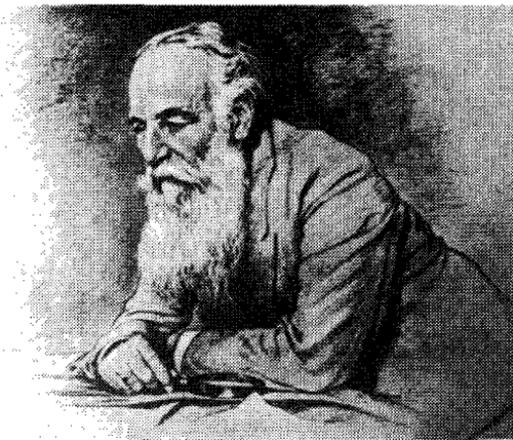
Тогда же была упорядочена денежная система, функционировавшая в условиях эмиграции. Был восстановлен Народный банк, который выпустил 40 млн денежных знаков, из них 15 млн динаров серебром¹³. Государственные служащие, офицеры, депутаты парламента стали получать жалованье в национальной валюте, что способствовало укреплению денежной системы и стабилизации экономики (всего на содержание государственного и военного аппарата было израсходовано 36 млн франков)¹⁴. Усилиями министерства финансов был отрегулирован вопрос и в международном плане.

Сербия имела заграничные авуары в Османском и Французско-сербском банках, с которыми были сделаны перерасчеты, что позволило правительству обращаться к союзникам с ходатайствами о кредитах в счет будущего погашения задолженности¹⁵. Кабинет узаконил выдачу пособий военным беженцам, инвалидам, а также кредитов гражданам Сербии, оказавшимся на оккупированной территории (через нейтральные страны и по линии Международного Красного Креста)¹⁶.

В июне на заседании правительства был решен принципиально важный вопрос об управлении вновь освобожденными территориями. Державы Антанты настаивали на его решении лишь после окончания войны — правительство приняло постановление об учреждении сербских органов власти сразу после освобождения сербской территории. Это помогло Сербии удержать в своих руках Битоль и его окрестности, на которые претендовала Греция, стремившаяся присоединить к себе район Битоль—озеро Дойран¹⁷.

Столь же важной оказалась и твердая позиция, занятая правительством по вопросу о верховном командовании сербскими войсками на Салоникском фронте. Французский маршал Ж. Жоффр требовал передачи его командующему Экспедиционным корпусом на Балканах генералу М. Саррайлю, сербская сторона настояла на сохранении верховного командования над сербскими силами за регентом Александром Карагеоргиевичем. Это обеспечило в дальнейшем Сербии право возглавить войска при освобождении своей страны.

Большую деятельность провели и отдельные министерства. Так,

Председатель Совета министров, министр иностранных дел Сербии Никола Пашич

министерство внутренних дел, возглавляемое Любомиром Йовановичем, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, взяло на себя задачу обеспечения жильем, деньгами и пропитанием беженцев. По приблизительным подсчетам, их было в общей сложности более 15 тыс. человек, и они расселились по целому ряду районов от Греции до Алжира, Корсики и Франции¹⁸. Во все эти места министерство направило своих уполномоченных-делегатов. Для беженцев были открыты лагеря в Салониках, Корче, Лутрие, Микрие, Водене (Греция), Аяччо (Корсика), Ницце, Алжире и Тунисе.

При сербском посольстве в Париже был создан отдел Главного правительственного комиссара, который находился одновременно в подчинении МИДА и МВФ. Он стал высшим органом власти для беженцев. В связи с ростом среди беженцев и перемещенных лиц брожения в июне 1916 г. при МВД на территории Греции был сформирован полицейский отдел с филиалами в Енидже, Острове, Водене, Перине, Соровиче и Салониках. При Верховном командовании сербской армии была образована осведомительная служба, которая распространила свою деятельность не только на войска Салоникского фронта, но и на его тылы. Она имела широко разветвленную сеть в Корче (Албания) и Охриде (Македония). Осведомительную службу возглавил полковник Марьянович. Помимо разведки она занималась пропагандистской деятельностью, выпуская газету "Великая Сербия"¹⁹.

Большой объем работы выполняло Министерство просвещения и по делам церкви, которое одно время возглавлял все тот же Л. Йованович²⁰. Наряду с Пашичем он был весьма деятельным и энергичным человеком и являлся вторым после премьера лидером радикальной партии. Между ним и Пашичем существовало соперничество, которое позже вылилось в скрытую борьбу за руководство. Тем не менее на этой стадии они сотрудничали, дополняя друг друга.

По инициативе Л. Йовановича Министерство просвещения взяло

под свой контроль воспитание и обучение эмигрировавших из Сербии детей школьного возраста и студентов. Большая их часть была направлена во Францию, частично — в Швейцарию, Англию, Россию, Алжир и на Корсику. В Париже при сербском посольстве был учрежден Отдел просвещения во главе с президентом Академии наук Сербии Йованом Жуйевичем и профессорами Белградского университета Джордже Стефановичем и Савой Урошевичем. Этот Отдел имел свои подотделы на местах расселения сербов за границей. В Швейцарии большую помощь школьникам и студентам-сербам оказывал известный ученый Йован Цвийич²¹.

В Англии за счет Отдела просвещения обучались 350 учащихся-сербов (в Оксфорде, Кембридже и Лондоне), в России — 260 детей. В Одессе школьники подразделялись на две группы — учащихся юношей и девушек гимназий и реальных училищ. Обучение было бесплатным и находилось в ведении российских министерств иностранных дел и народного образования. Дети дошкольного возраста были определены в мужские и женские пансионаты в Елизаветграде.

Министерство просвещения Сербии выдавало студентам университета в Сорбонне стипендии. Оно же оказывало финансовую помощь сербским писателям и культурным деятелям (среди них — писателю Браниславу Нушичу)²². Наконец, министерство поддерживало также контакты с общественными организациями "Французско-сербским комитетом", обществом "Сербский народ во Франции" и "Сербским комитетом помощи" в Англии. Координация деятельности этих организаций служила делу поддержки сербов в эмиграции.

Немалую работу проделало и министерство здравоохранения Сербии. Хотя это ведомство не располагало достаточными финансовыми средствами, оно тем не менее сделало все возможное для оказания помощи раненым и больным воинам сербской армии. В бывшем дворце германского императора Вильгельма II на Корфу именно по инициативе министерства была открыта, как упоминалось выше, клиника для офицеров, на о-ве Видо — госпиталь для солдат, а на Салоникском фронте — палатки и передвижные военнопольные лазареты. Министерство установило связи с международной организацией Красного Креста и американским благотворительным фондом Рокфеллера²³.

СЕРБСКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Особенно большое значение имела внешнеполитическая деятельность правительства Пашича, так как при создавшейся после военной катастрофы ситуации сербское государство могло выжить только при поддержке союзников. С целью восстановления международных связей Сербии со своими союзниками в марте 1916 г. в Италию, Францию, Англию и Россию выехала высокая правительственная делегация. Ее возглавил глава сербского государства принц-регент Александр, в состав делегации были включены премьер-министр и министр иностранных дел Никола Пашич, его помощник,

бывший посланник Сербии в Вене Йован Йованович, посланник в Румынии Павле Маринкович и другие высшие официальные лица. На Корфу заместителем Пашича по министерству иностранных дел остался Воислав Маринкович, брат Павле.

Перед принцем-регентом стояла главная задача — добиться международного признания Сербии, что после военной катастрофы было нелегким делом. Он выехал сначала в Италию, где был встречен королем Виктором Эммануилом и королевой Еленой, своей родной теткой. Александр посетил Альпийский фронт, отдал почести могиле герцога Савойского в Турине, возложил к мавзолею цветы, его наградили высшим итальянским орденом²⁴. Из Италии королевич проследовал во Францию, был принят президентом страны Раймоном Пуанкаре, устроившим ему торжественный обед во дворе Парижской общины, посетил Западный фронт под Верденом, в Англии Александра сопровождал принц Альберт, затем он получил аудиенцию у короля в Букингемском дворце²⁵.

Эти пышные встречи имели по большей части показной характер, союзники выполнили далеко не все, что обещали на словах, но Александр вернулся на Корфу окрыленным. 3 мая (20 апреля) он устроил смотр войскам, произнося торжественную речь. "Наши могучие союзники и друзья, — сказал он, — сегодня готовы и хотят всемерно помочь нам в священной борьбе за Югославию, за то, чтобы Сербия стала великой и объединила вокруг себя всех югославян"²⁶. На деле все оказалось не таким благополучным, как утверждал принц-регент Александр. Союзники, хотя и признали Сербию своим партнером по военной коалиции, не собирались бороться "за великую Сербию" и за объединение вокруг не "всех югославян". Италия по-прежнему была противницей создания сильного сербского государства, Англия и Франция продолжали строить иллюзии насчет возможности отделения Австро-Венгрии от германского блока и поэтому не считали возможным поднимать вопрос о ее разделе, царская Россия больше других поддерживала Сербию, но и она не решила еще окончательно югославянскую проблему. Н. Пашич, оставшийся после отъезда Александра главой делегации, сравнительно быстро убедился в тщетности надежд, которые питал принц-регент Александр²⁷. В Париже и Лондоне его встретили более чем прохладно, отделавшись чисто официальными приемами. Сербский премьер предложил программу из трех главных пунктов.

1. Союзники предоставляют Сербии кредиты для перевооружения ее армии, которая после отдыха и реорганизации может быть направлена на Салоникский фронт. Эти кредиты перечисляются Сербии немедленно и без предварительного утверждения сметы союзными парламентами.

2. Союзники официально признают Сербию равным партнером на послевоенной мирной конференции с правом решающего голоса.

3. Вместе с сербскими войсками на Салоникском фронте будут участвовать войска всех союзников, внося посильный вклад в общее дело разгрома противника²⁸.

Из этой программы державы Антанты выполнили лишь один

первый пункт. Франция, Россия и Англия предоставили Сербию аванс в 150 млн франков на "текущие расходы" сроком на 5 месяцев, начиная с 1 ноября 1915 г., т.е. с момента ее военной катастрофы. Каждая из трех стран обязалась передать сербскому правительству по 50 млн франков²⁹.

В марте Россия в одностороннем порядке предоставила Сербии еще 50 млн франков, а в мае согласилась выделить ей новые дополнительные кредиты. Идентичные шаги предприняла Франция. Англия, напротив, предложила участвовать в выдаче доплаты к жалованью солдат и офицеров сербской армии лишь в случае нужды. "Англичане, — писал российский посланник в Греции Е.П. Демидов С.Д. Сазонову 17 мая, — урезывая солдатское содержание, вызывают недовольство в сербской армии"³⁰. Только после ходатайства Сазонова английское правительство присоединилось к Франции и России, изменив свое первоначальное решение.

Значительно сложнее складывалось дело при решении двух других вопросов. Великие державы, как правило, ограничивались самыми общими декларациями о признании Сербии союзным государством, но отказывались от официального оформления этого союза и тем более от предоставления ей в будущем мандата на участие в послевоенной мирной конференции с решающим голосом. Сербскую делегацию заверяли вместе с тем, что ее территориальные требования будут рассмотрены на "справедливой основе" после окончания войны³¹. Недостаточно четкую позицию союзники заняли и в югославском вопросе.

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА И СОЮЗНИКИ

Военное положение Сербии внесло изменения во взаимоотношения сербского королевского правительства и эмигрантского Югословенского комитета Анте Трумбича, который стал добиваться у держав Антанты официального признания в качестве представительного органа всех югославянских народов.

А. Трумбич направил французскому и английскому правительствам меморандум, в котором поставил под сомнение правомерность Нишской декларации сербской скупщины от 7 декабря 1914 г., утверждая, что Сербия, проиграв войну, не имеет больше оснований претендовать на единоличную роль руководителя унионистским движением южных славян. Хорватия, а не Сербия, заявил он, имеет больше оснований стать таким центром. Она больше Сербии развита в экономическом отношении, имеет более древнюю культуру, является цивилизованным парламентарным государством. "Столицей будущей Югославии должен стать г. Загреб, а не Белград", — утверждал он³².

Те же мысли А. Трумбич изложил в интервью газете "Эко де Пари" 20 марта 1916 г., заявив, что после военного разгрома Сербии Югословенский комитет и кабинет Пашича попали, по крайней мере, в равное положение: у обоих нет территории и оба представляют несвободные народы. "Сегодня существует только общий

народный блок, призванный выступить совместно для победы союзников” — говорил он³³.

Председатель Югословенского комитета настаивал на создании общей армии, в которую вошли бы не только сербские войска, но и добровольческие отряды югославян, эвакуированных вместе с ними на о-в Корфу.

Против этой программы решительно выступил принц-регент Александр. В первой же своей публичной речи, произнесенной на параде сербских войск 20 апреля, он подчеркнул идею создания Великой Сербии. “Мы — заявил регент, — будем бороться за Великую Сербию, которая объединяет всех сербов и югославян”³⁴.

Глава сербского правительства Н. Пашич также повел борьбу

против Трумбича, используя встречи с руководителями держав Антанты, которые состоялись во время пребывания сербской делегации в Париже, Лондоне и Петрограде. Отстаивая великодержавные планы, он отказался даже от компромиссного предложения Франции о включении членов Югословенского комитета в состав сербского правительства. В Англии и России сербский премьер апеллировал к легитимистским чувствам монархов, доказывая, что программа комитета может поколебать монархический строй, а во Франции запугивал правительство “революционными идеями” Трумбича.

Пашич распорядился усилить великосербскую пропагандистскую деятельность. “Сейчас главное, — указывал он посланнику в Париже Миленко Весничу, — ознакомить мир с нашей программой объединения”³⁵. В этих целях сербское правительство стало отпускать на идеологическую работу значительные финансовые средства³⁶. Особую надежду в осуществлении своих планов сербское правительство возлагало на царскую Россию.

Н. ПАШИЧ В РОССИИ

В конце апреля сербская правительственная делегация прибыла в Петроград. Она была встречена царским правительством с особой торжественностью, что резко контрастировало с прохладными и чисто официальными приемами, которые оказывали делегации в Париже и Лондоне. Уже на следующий день после приезда Н. Пашича его ожидал великосветский банкет в гостинице “Астория”, в котором приняли участие более 300 придворных и об-

Председатель Югословенского комитета в Лондоне др. Анте Трумбич

ществленных деятелей, затем главу делегации пригласил министр иностранных дел С.Д. Сазонов, а через день — сам царь, специально прибывший в Петроград из Могилева.

Пашич писал об аудиенции у Николая II, состоявшейся 29(16) апреля в Царском Селе: "Беседа продолжалась больше часа. Говорили о крупных вешах, которые касаются наших сегодняшних и будущих национальных интересов. Могу констатировать, что мнение Его императорского величества не отличается от нашего". По словам Пашича, царь высказался за продолжение войны до победного конца и призвал Сербию к "решительным действиям". Он предложил Пашичу посетить сербский добровольческий корпус в Одессе, упомянув, что и сам собирается приехать туда же³⁷.

Весьма плодотворным оказались и встречи Пашича с Сазоновым, во время которых была достигнута принципиальная договоренность о сотрудничестве обоих государств во всех сферах, в том числе в военной, а также об оказании Россией поддержки Сербии на международной арене. "Россия смотрит на программу (Сербии) с симпатией" — так определил позицию царя и Сазонова в сербском вопросе посланник Мирослав Спалайкович. Примерно в тех же выражениях охарактеризовал свои встречи с руководителем внешнеполитического ведомства России и с царем сам Пашич. В своих телеграммах регенту он сообщал, что Россия полностью поддержала военные цели Сербии, высказавшись за объединение всех югославянских земель вокруг Сербского королевства, за передачу Сербии Македонии, за присоединение к королевству Албании и других территорий соседних государств³⁸.

Тщательный анализ документов о переговорах Пашича с царем и Сазоновым позволяет внести ряд существенных коррективов в эти заключения Спалайковича и Пашича. Не все обстояло так гладко, как они представляли. Судя по всему, оба государственных деятеля выдавали желаемое за действительное, а царское правительство, оказывая общую поддержку Сербии, тем не менее не собиралось выполнять наиболее экстремистские требования сербского правительства. Оно было, например, против поглощения Сербией Албании и с значительной холодностью относилось к предложению Пашича о включении в состав сербского королевства Хорватии и Македонии. Вот что в действительности сказал С.Д. Сазонов Пашичу по поводу предполагаемого объединения Сербии с Хорватией: "Россия... стоит за то, чтобы объединение двух элементов (Сербии и Хорватии. — Ю.П.) было достигнуто на путях взаимного убеждения и компромисса"³⁹.

Сазонов преднамеренно обошел деликатный вопрос о Македонии. Пашич настаивал на включении всей Македонии в состав Сербии и на ущемлении Болгарии, министр постарался растворить эту проблему в обсуждении более общих и менее обязывающих Россию проблем. Сербский посланник М. Спалайкович констатировал: "Пашич имел разговор с Сазоновым. Он касался общих вопросов. О Македонии не говорили"⁴⁰.

Царское правительство, высказываясь за возрождение сербского

государства, ограничивалось положениями о создании "возможно более сильной Сербии" и за "объединение югославян с Сербией", но ни разу не поставило вопрос о полном выполнении программных положений Нишской декларации от 7 декабря 1914 г. Как известно, все великие державы не признавали официально этот документ, и Россия в том числе.

Пашич ошибался, когда утверждал, что Англия и Франция были готовы поддержать программу Сербии о включении югославянских земель Австро-Венгрии в состав сербского королевства. Вот что он писал по этому поводу принцу-регенту Александру 3 сентября в своей аналитической записке: "В России нам было дано обещание как царем, так и министром иностранных дел, что будет создана возможно более сильная

Сербия, так как этого требуют не только сербские, но и русские интересы. Болгария же будет наказана, и не только Фердинанд, но и болгарский народ и все партии, которые с ним солидарны. В Англии мне сказали, сначала Грей, а потом и Асквит, что они будут руководствоваться принципом национальности и что все обещания, данные Болгарии, отменены. Они будут помогать нам в вопросе объединения сербов, хорватов и словенцев с учетом требований Италии. В самой Италии воздержались от определения позиций"⁴¹.

Этот анализ страдает рядом неточностей. Прежде всего в отношении позиции Англии. Ни Грей, ни Асквит не могли дать такого обещания Пашичу, так как они были противниками разрушения Австро-Венгрии, надеясь отколотить ее от германского блока. Кроме того, оба эти государственных деятеля стояли на стороне Италии, а не Сербии в решении "адриатического вопроса".

К этой позиции была близка и Франция, которая также до поры до времени не хотела ссориться с Италией. Несколько иначе на итало-австрийскую проблему смотрела Россия, но и она не стремилась к обострению отношений с союзниками.

Следует сказать, что и по болгарскому вопросу у России не было намерения "наказать весь болгарский народ", как об этом писал Н. Пашич. Ниже будет рассказано о том, что осенью 1916 г. в царской Ставке родился план замирения с Болгарией, и российская дипломатия имела в виду эту возможную перспективу. Во всяком случае, ни Сазонов, ни царь не давали Пашичу обещаний "наказать

Посланник Сербии в России Мирослав Спалайкович

Болгарию". В свою очередь, таких авансов не делали ни Англия, ни Франция.

В 1916 г. великие державы в балканской политике, как правило, придерживались тактики полумер: на словах что-то обещая какому-либо балканскому государству, они не собирались выполнять это на деле. По-настоящему их не интересовала Сербия — они стремились лишь использовать сербское государство в своих империалистических целях. Пашич, проявляя чрезмерный оптимизм в отношении союзников, допускал во внешней политике серьезные просчеты.

В мае Пашич, побывав в Одессе, вернулся на о-в Корфу. Он уезжал из России с хорошим настроением. Этому способствовало гостеприимство русской общественности. Во всех городах, где останавливались представители Сербии, — Петрограде, Москве, Одессе — народ встречал их с хлебом-солью. Населением повсеместно производился сбор пожертвований в фонд помощи борющемуся сербскому народу. В Петрограде Пашич получил чек на 60 тыс. руб., в Москве — на 50 тыс., в Киеве — на 25 тыс., в Одессе — на 60 тыс., всего более чем на 500 тыс. руб.⁴² Сербскому премьеру был вручен правительственный орден, в Мариинском, Большом и Одесском императорском театрах в честь Пашича состоялись торжественные концерты лучших артистов, русская пресса была переполнена сообщениями о Сербии.

¹ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX. С. 638.

² Там же.

³ *Мондезир П.* Албанская Голгота: Успомене и ратне слике. Београд, 1923. С. 45—46.

⁴ ЦГИА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 21. Л. 35.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 22. Л. 117.

⁷ Там же. Л. 419.

⁸ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 250.

⁹ См.: *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и први светски рат // ИЧ. 1966. Књ. 14/15. С. 173—229.

¹⁰ Српске новине. 1916. 12.VII(30.VI). Основная часть выставки С. Чернова состоялась в Лондоне.

¹¹ *Стојанчевић В.* Национално-политички и међународни положај Србије // ИИ ЗР. Београд, 1986. Књ. 5. С. 29.

¹² Записници са седница Министарског савета Србије 1915—1918 / Приред. Д. Јанковић, Б. Храбак. Београд, 1976. С. 265.

¹³ Там же. С. 275—276.

¹⁴ *Јовановић Ј.* Стварање заједничке државе Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1930. Књ. 4. С. 91.

¹⁵ *Стојанчевић В.* Указ. соч. С. 15.

¹⁶ *Митриновић Ч., Бранић М.* Југословенске Народне скупштине и Сабори. Београд, 1937. С. 179.

¹⁷ *Стојанчевић В.* Указ. соч. С. 15.

¹⁸ *Милосављевић В.* Организација и деловање Министарства унутрашњих дела кроз грађу. Архива Србије // ИИ ЗР. 1986. Књ. 5. С. 285—297.

¹⁹ Там же. С. 296.

²⁰ *Тргочевић Љ.* Прилог Проучавању организације школовања српске омладине у Француској почетком 1916 године // Там же. С. 261—269.

²¹ *Релић Ј.* Архивска грађа Министарства просвете на Крфу // Там же. С. 271—283.

²² Там же.

- ²³ *Остојић-Фејић Ј.* Мисија рокфелеровој фондације у Србији 1915—1918 године // Там же. С. 237—242.
- ²⁴ Записници. С. 265—266.
- ²⁵ *Ђорђевић М.* Србија и југословени за време рата 1914—1918. Београд, 1922. С. 91.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Да ДСИП. ПО. 1916. Ф. XIV. Досје 4. № 3592.
- ²⁸ *Терзић В.* Улога српске војске у Сулунској офанзиви // ИЧ. Београд, 1960. Књ. 9/10. С. 515.
- ²⁹ АВРП. Ф. ПА. Д. 4047. Л. 2.
- ³⁰ АВРП. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 492. Л. 25. Е.П. Демидов. — С.Д. Сазонову. Афины, 1916. 17(30).V. № 300.
- ³¹ МОЭИ. Сер. 1916. 3.IX. С. 275; Да ДСИП. ПО. 1916. Ф. X. Д. 3. ("Конференција"). М. Веснич — МИД. Париз, 1916. 17.III.
- ³² *Šišić F.* Documenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1920. S. 50—58.
- ³³ L'Echo de Paris. 1916. 20.III.
- ³⁴ Цит. по: *Šišić F.* Op. cit. S. 55.
- ³⁵ Да ДСИП. ПО. 1916. Ф. IV. Д. 3. Н. Пашич — М. Весничу. Корфу, 1916. 10.VIII. № 8688.
- ³⁶ Да ДСИП. ПО. 1916. Ф. XV. Досје "Сербска пропаганда за границей".
- ³⁷ Там же. Ф. XII. Д. 3 ("Россија"). Н. Пашич — регенту Александру. Петроград, 1916. 22.IV. № 138.
- ³⁸ Там же. М. Спалајкович — МИД. Петроград, 1916. 17.IV. № 3185.
- ³⁹ Там же. Н. Пашич — регенту Александру. Одесса, 1916. 3.V. № 160.
- ⁴⁰ Да ДСИП. ПО. 1916. Ф. X. Д. 2 ("Југославија"). № 9692. Н. Пашич — регенту Александру. Корфу, 1916. 3.IX(21.VIII). Полный текст документа приведен Н. Поповичем в кн.: Србија и Русија 1914—1918. Београд, 1977. Гл. VI.
- ⁴¹ Да ДСИП. ПО. 1916. Ф. XIV. Д. 4. ("Россија"). П. Маринкович (подпись неразборчива) — МИД. Бухарест, 1916. 24.V. № 3899. М. Спалајкович — МИД. Петроград, 1916. 22.IV. № 3185.
- ⁴² Српске новине. 1916. 15.V: 21.VI.

СЕРБИЯ И РОССИЯ ПОСЛЕ ВОЕННОЙ КАТАСТРОФЫ

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ СОЮЗНИКОВ

Военное поражение Сербии явилось полной неожиданностью для ее союзников, и многие из них вообще признали дело сербского государства окончательно проигранным. Наиболее пессимистические мысли высказала российская императрица Александра Федоровна. Узнав о катастрофе, она написала своему августейшему супругу взволнованное письмо, в котором с присущей ей экзальтацией выразила свои чувства. "Бедной Сербии пришел конец, — писала царица, — но такова, по-видимому, ее судьба, ничего не поделаешь. Вероятно, это наказание стране за то, что они убили своего короля и королеву"¹. В таком же духе царица объясняла причины поражения Черногории. Король Николай, отмечала она, "расплачивается за свои грехи перед Богом и Тобой... Господь мстит за себя. Только мне жаль народа, это все такие герои"².

Во всех бедах царица обвиняла дипломатию России и союзников, которые, по ее мнению, "упустили" балканские государства, позволив Болгарии присоединиться к Центральной коалиции, а Греции и Румынии изменить союзному договору с Сербией. "Черт побери эти балканские государства! Россия всегда была для них любящей матерью, а они изменили ей и сражаются с ней (имеется в виду Болгария. — Ю.П)". И дальше: "Погибнет ли Черногория или ей поможет Италия? А Греция? Что за позорную комедию разыгрывают там и в Румынии"³. Говоря о союзниках, она обрушилась на Италию, обвинив ее в полном игнорировании просьб сербского правительства в оказании военной поддержки и отказе даже от помощи в эвакуации сербской армии. "Итальянцы — эгоистические скоты, покинули их (черногорцев. Ю.П) в беде, трусы!" — негодовала царица. Последними словами ругала она и российскую дипломатию, призывая царя отстранить от министерства Сазонова и его помощников. "Мое мнение: наших дипломатов следовало бы повесить!" — писала Александра Федоровна⁴.

Ряд государственных деятелей Англии и Франции также признали, что поражению Сербии и Черногории способствовало отсутствие своевременной помощи со стороны союзных военных сил. Так, например, член кабинета министров Англии Дэвид Ллойд Джордж, оценивая деятельность правительств Асквита и Пуанкаре, писал: "Политика союзников на Балканах в течение всего начального периода войны отмечена удивительным отсутствием дальновид-

ности и здравого смысла... Мы в самом начале отказались поддержать Сербию, хотя мы тогда могли спасти эту страну от разорения и превратить ее в базу для союзных атак на Австрию. Впоследствии, слишком поздно, мы перебросили экспедиционный отряд в Салоники, он был слишком мал, чтобы вести серьезное наступление против неприятеля, но слишком велик для целей защиты и ведения гарнизонной службы. Мы не сумели удержать Болгарию от присоединения к нашим врагам и в течение долгого времени так запутывали наши отношения с Грецией, что она не только не становилась нашим союзником, но оставалась опасной занозой в нашем тылу”⁵.

Признавая, что одной из главных причин в поражении Сербии был отказ союзников в оказании ей военной помощи, Ллойд Джордж писал: “Сербия была покинута союзниками вопреки обещанию своевременной поддержки”⁶.

Франция, Англия и Италия продолжали придерживаться этой же линии и первое время после поражения сербских и черногорских вооруженных сил. Итальянское правительство заявило, что “Сербия сама виновата”, и отказалась посылать на ее выручку свои войска. В Англии возобладали точка зрения военного министра лорда Герберта Китченера и начальника генерального штаба генерала Вильяма Робертсона о целесообразности усиления Салоникского фронта за счет ослабления позиций на Западном театре военных действий во Франции. Той же позиции долгое время придерживался главнокомандующий Западным фронтом маршал Ж. Жоффр⁷. С этими взглядами были несогласны Ллойд Джордж и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан, но они оказались в меньшинстве — большинство же членов английского и французского правительств поддержало Г. Китченера и Ж. Жоффра.

Что касается общественности, то ее взгляды были неоднозначны. Часть политических кругов Запада, подобно руководителям армии, поддерживала точку зрения изоляционистов, утверждая, что главная задача — оборона своих собственных границ, а не посылка войск на далекие Балканы; другая часть, напротив, была сторонницей активной помощи Сербии. Она составляла все же меньшинство, но действовала весьма активно. В Англии за поддержку Сербии выступала парламентская группа “Балканский блок”, который возглавляла известные ученые и общественные деятели историк Роберт Вильям Ситон-Уотсон и археолог Артур Эванс, во Франции — ряд писателей. Под их влиянием была создана комиссия помощи Сербии во главе с французским генералом Пиароном Мондезиром, которая должна была вести снабжением Сербии и Черногории продовольствием и поставками вооружения⁸. Общественностью Франции и Англии при содействии правительств в итальянских портах Бари и Бриндизи, расположенных на побережье Адриатического моря, были созданы продовольственные склады для переброски хлеба в Сербию и Черногорию. К сожалению, однако, названная комиссия Мондезира не оказала эффективной помощи этим странам, что явилось одной из причин поражения их армий. По распоряжению

министерств иностранных дел Франции и Англии их официальные представители посланники Огюст Боп и Де Гра были оставлены в Сербии и после отъезда правительства Пашича на о-в Корфу⁹.

РОССИЯ И СЕРБИЯ

Царская Россия больше, чем ее западные союзники, была заинтересована в поддержке Сербии и сохранении ее вооруженных сил. Для этого было немало причин, и главная среди них состояла в том, что Сербия после присоединения Болгарии к Центральной коалиции и капитуляции Черногории осталась единственным форпостом России на Балканах, который продолжал играть важную роль в ее ближневосточно-средиземноморской политике. Достаточно сказать, что почти половина русского экспорта до войны направлялась через черноморские проливы¹⁰ и по Средиземному морю и развитие российского торгово-промышленного капитализма зависело от этого¹¹.

Поражение Сербии и Черногории означало для царизма утерю своих позиций в стратегически важном регионе Европы и укрепление позиций главных соперников России — Австро-Венгрии и Германии. Это обстоятельство подметил видный американский публицист Франк Сисмонди, автор нашедшей в то время книги "Великая война". В газете "Чикаго сэнди трибюн" от 16 декабря 1916 г. он писал: "Сербия и Черногория были последним препятствием на пути к осуществлению австро-венгерских планов на Адриатике. Перешагнув через их труп, Австро-Венгрия очутилась в Албании. Близок час ее окончательного укрепления на Балканах"¹².

С военной точки зрения потеря Сербии и Черногории также имела для России немалое значение. Балканский фронт оттягивал на себя почти одну треть часть силы Центральной коалиции, что позволяло русским армиям успешнее обороняться против основного противника — Германии¹³.

Наконец, гибель сербского и черногорского государств означала крушение панславистской доктрины российского самодержавия и наносила удар по самой идеологии славянофильства, являвшейся одним из главных столпов его политики. Она могла иметь весьма негативные последствия для осуществления великодержавных планов царизма в других регионах Юго-Восточной и Центральной Европы — в Польше, Чехии, Словакии, Болгарии.

Архивные документы, обнаруженные советским историком Б.И. Грековым¹⁴ в Государственном политическом архиве Бонна¹⁵, свидетельствуют, что германский империализм, исходя из плана создания "Срединной Европы", намечал расчленение России и присоединение к будущей великой германской империи Украины и Белоруссии. Он пытался использовать в этих целях сепаратистские течения в этих землях¹⁶.

Россия и раньше более активно, чем другие державы Антанты, выступала с инициативой всесторонней поддержки Сербии и принятия мер по сохранению ее вооруженных сил. С.Д. Сазонов 2 января дал указание посланнику Г.Н. Трубецкому в Сербии продолжать

выполнять свои функции и при любых обстоятельствах сопровождать королевский двор даже в условиях его эвакуации за границу. "Оставление сербского правительства нашим посланником в нынешнюю критическую минуту, — писал он, — произвело бы самое неблагоприятное для нас впечатление. Наш нравственный долг поддержать сербов. Разделяя участь престолонаследника и королевского правительства, мы тем самым засвидетельствуем, что имеем твердое намерение не бросать на произвол судьбы верного и испытанного союзника"¹⁷. Аналогичные распоряжения были даны 12 января временному поверенному в делах России в Черногории Л.В. Иславину и его помощнику Сухотину. Министр распорядился, чтобы они выехали вслед за королем Николаем в Италию, а затем во Францию и защищали интересы России перед эмигрантским черногорским правительством¹⁸.

В наиболее тревожные для сербской армии дни, когда австро-венгерские войска захватили порты Антивари и Дульцино и отрезали сербов от Адриатического моря, С.Д. Сазонов телеграфировал в Париж, Лондон и Рим о срочной необходимости немедленно прислать в соседние порты транспорты для эвакуации сербских и черногорских войск. "После падения Антивари и Дульцино, — говорилось в телеграмме, — положение сербской армии становится с часу на час все более отчаянным. Союзники должны напрячь силы, дабы использовать возможные средства спасения умирающих с голоду отрядов, которые рискуют ежеминутно сделаться жертвой австрийцев. Гибель сербской армии будет не только ударом, нанесенным общему делу, но и окончательно подорвет наш авторитет среди сербского народа"¹⁹.

Вечером того же дня министр послал еще одну телеграмму в Париж, предложив послу России во Франции А.П. Извольскому срочно поднять вопрос о посылке французских войск на Салоникский фронт, чтобы приостановить продвижение противника²⁰. Французское правительство, откликнувшись на эту телеграмму, запросило маршала Жоффра о возможности принятия соответствующих мер, однако последний, как об этом говорилось в третьей главе, ограничился направлением в Черногорию, где находились остатки отступающей сербской армии, миссии генерала Мондезира, который реальной помощи так и не оказал, сославшись на отсутствие свободных транспортных средств для переброски в Черногорию войск и доставки продовольствия²¹.

Еще более прохладно к предложениям русского правительства отнеслись Англия и Италия. Они не спешили с принятием какого-либо решения. Англичане вместо отправки военных транспортов сосредоточили свои силы для обороны военно-морской базы на о-ве Мальта. Итальянцы заявили о невозможности послать войска на помощь Сербии, сославшись на то, что они нужны ей на Альпийском фронте.

В самой России приступили было к формированию морского десанта, который был даже посажен на корабль в порту Романов²²,

но это решение было принято слишком поздно: австро-венгерским войскам удалось потеснить арьергардные части сербской армии.

Значительно более эффективной была финансовая помощь России Сербии. Она предоставлялась по разным каналам. Одним из них были долгосрочные займы. Еще в 1915 г. Россия вместе с Францией и Англией подписали соглашение о трехстороннем межсоюзническом кредите Сербии в размере 150 млн франков по 50 млн франков каждая²³. В 1916 г. русское правительство снова предоставило этот заем.

Кроме того, в феврале Сербии Россией был дан дополнительный кредит в 18 млн франков на перевооружение армии, в марте на те же нужды — 30 млн франков (совместно с Францией и Англией), а в апреле дополнительно 30800 франков (только от России)²⁴.

Другой формой финансовой поддержки являлись краткосрочные займы, предоставлявшиеся отдельными министерствами и учреждениями России. Так, Межведомственное совещание по вопросам продовольственных закупок (оно состоялось в Петрограде 29 февраля 1916 г.) отнесло за свой счет все расходы главного уполномоченного сербского правительства по закупке хлеба в Российской империи Милана Шайковича²⁵. В марте 1916 г. министерство иностранных дел и министерство путей сообщения дали согласие оплатить перевозку муки и отрубей для сербской армии по железным дорогам в Одессу в размере 89401 руб. 13 коп.²⁶ и взять на себя содержание конвоирования грузов, отправлявшихся из России в Салоники для Сербии²⁷.

Финансовую поддержку сербскому народу оказывали также многочисленные славянские общества, организации земства и широкая общественность, которые производили так называемые "кружечные сборы" и делали в фонд помощи сербскому народу добровольные пожертвования.

Согласно архивным данным, только за первую половину 1916 г. эта кампания была проведена в Петрограде, Москве, Архангельске, Благовещенске, на Урале, во всех приволжских городах, в Сибири, на Украине и в Белоруссии²⁸. По данным сербского посольства в Петрограде, пожертвования делали Киржачская учительская семинария — 484 руб., училища Иваново-Вознесенска — 2193, жители Витебска — 2070, Саратова — 2500, Челябинска — 360, Симбирска — 485 руб.²⁹ 23 апреля в Большом театре Московским славянским обществом был организован благотворительный спектакль, собравший несколько тысяч рублей. Через два дня в Москве этим обществом было продано на те же цели 3 тыс. сувениров³⁰.

Помимо денег общественность России посылала в распоряжение сербской армии и беженцев, которые находились на о-ве Корфу и в других местах поселения, продовольственные посылки, а русское правительство продолжало заготавливать для них хлеб.

На территории России даже после оккупации Сербии функционировала сербская интендантская служба, заготавливавшая на льготных условиях зерно, которое отправлялось морским путем на Корфу³¹.

Россия не оставила в беде и тех сербов, которые бежали из страны на территорию Румынии. Эту задачу взяла на себя Экспедиция особо-

го назначения (ЭОН) контр-адмирала М.М. Веселкина³². С этой целью морской генеральный штаб предоставил ЭОН значительные плавучие средства — 33 паровых судна и 102 баржи. В состав команды входили 1118 матросов и 30 офицеров, при ЭОН была развернута интендантская служба, на нужды ЭОН было ассигновано 2 млн руб.³³

В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота России сохранились интересные документы о деятельности Экспедиции особого назначения по оказанию помощи сербским беженцам в Румынии. Один из них — рапорт капитана 2-го ранга Николая Евгеньевича Драшусова начальнику ЭОН М.М. Веселкину от 29 марта 1916 г. В нем говорилось: "10 октября 1915 г. под огнем неприятеля сербы, населявшие прибрежные территории р. Дуная от Такии до Радуевца, массами устремились в Румынию, заботясь лишь о спасении своей жизни и оставив имущество и дома на произвол судьбы. Их переправа через Дунай была организована мною на предоставленных в мое распоряжение румынскими властями пароходах, а также и на тех судах Экспедиции особого назначения, которые стояли в то время в Кладово и Груе. Кроме того, несколько тысяч [беженцев] переправились на лодках. Общее число беженцев составляло около 10 тыс. человек, из которых 6 тыс. обосновалось в г. Турну Северине, а остальные — по деревням между городом и Груей".

Далее Н.Е. Драшусов писал: "Я отдал распоряжение о покупке необходимой провизии, чтобы немедленно накормить голодных, измученных и потерявших голову женщин и детей"³⁴.

"Общая картина состояния сербских беженцев, — говорилось далее в рапорте — была удручающая... В конце октября и в ноябре стояла ненастная погода, и сербы, размещенные в венгерских хлебных амбарах, а также в сырых помещениях и в устроенных румынским Красным Крестом землянках, начали болеть, смертность [среди них] стала принимать угрожающие размеры, почему, кроме горячей пищи, которую начали получать сербы, я арендовал 7 домов, устроил больницу, пригласил постоянного врача и вообще заботился о сербах так, чтобы они не вымерли, а смогли бы вернуться на родину здоровыми и работоспособными"³⁵.

Далее сообщалось, что в декабре 1915 г. болгарские и австрийские власти временно открыли в Кладово границу и часть беженцев вернулась обратно. Однако в январе 1916 г. эта граница вновь была закрыта. В итоге в Румынии осталось 5 тыс. беженцев, из них в Турне Северине 1356 человек³⁶.

В ноябре 1915 г. в Турну Северин из Бухареста прибыл сербский посланник в Румынии П. Маринкович. Ему в помощь М.М. Веселкин прислал старшего лейтенанта Романова. Они объехали все местности, где находились беженцы, и создали в Груе и Турну Северине особые сербские комитеты для сотрудничества с Драшусовым. Вскоре эти комитеты распались и Драшусову пришлось действовать самому. Он писал об этом периоде: "С наступлением холодов для предотвращения простудных и эпидемиологических заболеваний купил теплое белье и раздавал его сербам. Среди беженцев было немало учителей. Они стали три дня в неделю давать уроки детям". По

данным ЭОН, с 10 октября 1915 г. по 1 апреля 1916 г. Драшусов потратил на эти нужды 93 220 руб.³⁷ Министерство иностранных дел в дополнение к этим затратам ЭОН и морского министерства в январе 1916 г. израсходовало на содержание беженцев 200 тыс. франков, перечислив их в фонд Экспедиции особого назначения³⁸.

Кроме того, министерство иностранных дел оказало помощь тем сербским семьям, которые нашли приют на Корсике. По данным российского посла в Риме М.Н. Гирса, с декабря 1915 г. по июль 1918 г. императорское посольство в Италии на эти цели выделило по 12 300 лир субсидий нуждающимся семьям сербов и черногорцев³⁹. Посол сообщал, что значительные суммы в адрес посольства для беженцев были переведены Русско-сербским обществом в Петрограде, возглавляемым В.И. Ковалевским и дочерью сербского короля Петра I Еленой Петровной, находившейся замужем за князем Иоаном Константиновичем Романовым и проживавшей в России⁴⁰.

Русское правительство старалось оказать финансовую и продовольственную помощь также населению самой Сербии. Это дело было нелегким, так как оккупационные власти не только чинили препятствия установлению связей России с местным населением, но и нередко присваивали себе деньги и продовольствие, поступавшие из русских общественных организаций. Им приходилось искать обходные пути, используя прежде всего посредничество Швейцарии, Греции и Румынии.

Инициатива в этом вопросе принадлежала министерству иностранных дел. 17(4) января 1916 г. С.Д. Сазонов обратился к союзникам со следующим предложением: "Полагая невозможным, чтобы союзники покинули на произвол судьбы сербов, уцелевших от нашествия врагов, я считаю, что нашей неотложной задачей должна быть доставка им продовольствия при наблюдении нейтральных комитетов. Необходимое количество хлеба можно было бы заимствовать из закупленного союзниками зерна в Румынии"⁴¹. Однако это предложение встретило отрицательную реакцию в Лондоне, Париже и Риме. Британский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен, посетив в тот же день Сазонова, выразил сомнение в целесообразности этого шага. "Не попадет ли это продовольствие в руки оккупационных властей?" — спросил он. Французский посол Морис Палеолог указал на трудность договориться с нейтральными странами, итальянский посол заявил, что в Италии нет лишнего хлеба⁴².

Дело так и не сдвинулось с места. Сербское правительство предложило вместо рискованной отправки продовольствия в оккупированные зоны Сербии продать хлеб русскому военному интендантству, а вырученные от этого средства послать на о-в Корфу⁴³. Другая часть заготовленного в России М. Шайковичем хлеба была реализована в Добровольческом корпусе сербов, хорватов и словенцев, состоявшем из бывших югославян — военнопленных и дислоцированных в районе Одесса—Кишинев⁴⁴.

Наконец, следует сказать о помощи со стороны России Сербии в области медицины и народного просвещения. Она осуществлялась главным образом Петербургским славянским благотворительным об-

шеством, которое на свои средства приобрело оборудование для нескольких военно-полевых госпиталей для сербской армии и содержало в них медицинский персонал. Сначала эти госпитали работали в самой Сербии, затем на Корфу, а после передислокации сербской армии в Салоники — на Балканском фронте. Там были отряды докторов Я.И. Чаброва, Н.И. Сычева, Сафотерова и других. При них имелся представитель Санкт-Петербургского благотворительного общества надворный советник в отставке Владимир Иванович Некрасов. Патронаж русским госпиталям оказывала супруга императорского посланника в Греции Е.П. Демидова⁴⁵. Доктора Чабров, Сычев и Сафотеров, медсестра К.И. Саблина и многие другие работники русских лазаретов были награждены сербскими орденами и медалями⁴⁶.

Министерство народного просвещения и Комиссия по образованию МИД России оказывали содействие сербам и черногорцам, оказавшимся на территории Российской империи в поступлении в средние и высшие учебные заведения России, о чем имеется множество документов в архивах России (ЛОГИА, МОГИА, ЦГВИА и других архивных учреждений)⁴⁷. Эта тема, однако, выходит за рамки данной работы.

¹ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1923. С. 84.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1937. Т. 6. С. 101.

⁶ Там же. С. 348.

⁷ См.: Николаевич М. Сърбија и њени савезници. Београд, 1923.

⁸ См.: Мондезир П. Албанска Голгота: Успомене и ратни слике. Београд, 1923.

⁹ Боп О. Са српском владом од Ниша до Крфа. Женева, 1918. С. 10—11.

¹⁰ Пролитвы. М., 1923. С. 62—63.

¹¹ Довнар-Запольский М.В. Русский вывоз и мировой рынок. Киев, 1914. С. 1—5.

¹² ЦГИА Ф. 1470. Оп. 2. Д. 22. Л. 433. Бюллетени иностранной печати.

¹³ Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны, 1914—1918 гг. М., 1939. С. 14—27.

¹⁴ Греков Б.И. Восточная экспансия Германии, 1900—1914 // СС. 1985. № 1. С. 39—49.

¹⁵ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. Bonn. F. Oxford.

¹⁶ Fischer F. Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstruktur im Deutschland, 1871—1945. Düsseldorf, 1971. S. 35—60.

¹⁷ АВПР. Ф. ПА. Д. 1742. Л. 4. С.Д. Сазонов — Г.Н. Трубецкому. Петроград, 1918. 2. I.

¹⁸ Там же. С. 34, 55. С.Д. Сазонов — Л.В. Иславину. Петроград, 1916. 12. I.

¹⁹ АВПР. Ф. ПА. Д. 1742. Л. 50. С.Д. Сазонов — послам в Париже, Лондоне и Риме. Петроград, 1915. 2. I. № 185.

²⁰ Там же. Л. 51. С.Д. Сазонов — А.П. Извольскому. Петроград, 1916. Ч. I. № 186.

²¹ ВРС. Кн. XV. С. 17, 77.

²² АВПР. Ф. ПА. Д. 4045. Л. 204. Помощник военного министра генерал М.А. Беляев — А.Н. Некрасову. Петроград, 1916. 20.III. № 2279.

²³ Там же. Д. 4047. Л. 10. Особый журнал Совета министров. Петроград, 1916. 19.II.

²⁴ АВПР. Ф. "Комиссия". Оп. 910. Д. 492. Л. 4. А.К. Бенкендорф. МИД. Лондон, 1916. 18(V).IV. № 172.

²⁵ ЦГИА. Ф. 127. Оп. 12. Д. 1511. Л. 4. С.Д. Сазонов — Совету министров. Петроград, 1916. 17.III. № 168.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ ЛОГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1664. Л. 20—143.

- ²⁹ Там же. Д. 1870.
- ³⁰ ЦГИА. Ф. 472. Оп. 50. Д. 1588. Л. 11—16.
- ³¹ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 85—87. Свиты Его императорского величества вице-адмирал князь Николай Александрович Вяземский — начальнику МГШ. Петроград, 1916. 21.II. № 103.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Д. 3465. Л. 143. Департамент военной и морской отчетности МГШ, Помощник генерал-контролера, старший ревизор А. Якимович — МГШ. Петроград, 1916. 21.III. № 73.
- ³⁴ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3468. Л. 133. Н.Е. Драшусов — М.М. Веселкину. Турну Северин, 1916. 29.III. № 39.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ЦГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 3648. Л. 195. М.М. Веселкин — МГШ. Рени, 1916. 22.IV. № 2944.
- ³⁸ ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 22. Л. 81. М.М. Веселкин — С.Д. Сазонову. Рени, 1916. 22.I.
- ³⁹ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 563. Л. 3. М.Н. Гирс — МИД. Рим, 1916. 14(1).VII. № 485.
- ⁴⁰ Там же. Д. 623. Л. 23. В.И. Ковалевский — А.Ф. Трепову. Петроград, 1916. 17(4).XII.
- ⁴¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 1742. Л. 14. С.Д. Сазонов — послам в Париже, Риме, Лондоне. Петроград, 1916. 17(4).I. № 60.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ДА ДСИП. Посланство у Петрограду. 1916. Ф. XIII. М. Спалайкович — М. Шайковичу. Петроград, 1913. 22.VII. № 649.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ЛОГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1818. Л. 59, 67, 173, 186, 197, 210.
- ⁴⁶ Там же. Л. 30, 43, 44, 240.
- ⁴⁷ См., например: ЦГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 576. Л. 2.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЛАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ В ОТНОШЕНИИ СЕРБИИ

ПЕРВЫЕ ОТКПИКИ НА ПОБЕДУ

Военное поражение Сербии и Черногории было расценено в Германии, Австро-Венгрии и Болгарии как серьезный успех Четверного союза, который, по мнению его руководителей, мог бы привести к коренному изменению соотношения сил в пользу Центральной коалиции не только на Балканах, но и на Ближнем Востоке, в Северо-Восточной Африке и даже в Азии. Вслед за разгромом Сербии генеральные штабы держав Четверного союза планировали развитие военных действий в бассейне Средиземноморья с выводом Италии из войны и привлечением на свою сторону Греции. Некоторые горячие головы мечтали о походе в Южную Россию, захвате Крыма, Украины, Донбасса, Кавказа. "Теперь великое дело совершилось, — писала издающаяся в Швейцарии немецкая газета "Нойе Цюрихер Цайтунг" 23 октября 1915 г. — от Остенде до Багдада широкой полосой пролегает огромная империя, которая в будущем, может быть весьма недалеко, еще плотнее сплотится в единую Четверную империю: Германию, Австро-Венгрию, Великую Болгарию и Оттоманскую Порту. В экономическом смысле этот новый союз государств захватит в свои руки гегемонию над Старым Светом"¹.

Сходные мысли высказала влиятельная буржуазная газета Венгрии "Будапешти Хирлап" 5 марта 1916 г.: "Завоевание Сербии... обеспечило нашей торговле свободный путь на Балканы... Австро-Венгрии должно принадлежать и албанское побережье — естественное продолжение Далмации. Важно установить прямой путь из южной Венгрии в Болгарию, в долину реки Марица и к Константинополю, из которого лежит открытая дорога в Малую Азию и к Сирийскому побережью, а по Багдадской железной дороге к Персидскому заливу"². В Софии, в свою очередь, вынашивали планы дальнейшей экспансии.

В предвидении раздела добычи между союзниками по германскому блоку обнаружилось противоречия. Никто не хотел уступать другому, каждый претендовал на лидерство. Вильгельм II называл Фердинанда "балканским наполеончиком", царь Фердинанд Вильгельма II — "германским цезарем", оба сравнивали императора Франца Иосифа с собирательницей земель дома Габсбургов австрийской императрицей Марией Терезией. Эти сравнения, однако, были не только не состоятельны, но и звучали, скорее как издевка: весьма посредственная личность, каким был болгарский царь Фердинанд Кобург-Сакский,

никак не напоминала великого Наполеона Бонапарта, германский кайзер Вильгельм II во всем отличался от Цезаря, а Франц Иосиф был прямой противоположностью Марии Терезии, при нем Австрийская империя не только не увеличилась в своих размерах, но, напротив, теряла одну землю за другой. За полвека своего пребывания на троне австрийский император и венгерский король не одержал ни одной военной победы, а все войны, в которых участвовала двуединая монархия, напротив, заканчивались ее поражением.

Победа над Сербией и Черногорией тоже была всего лишь полупобедой. Австро-Венгрии удалось разгромить сербскую и черногорскую армии, но добилась она этого благодаря поддержке Германии и Болгарии, а не в войне один на один. За эту помощь союзников, кроме того, надо было расплачиваться.

Дежеле послевоенной добычи был для Австро-Венгрии непростым делом. Среди правящих кругов дунайской монархии в решении этого вопроса имелись три течения, каждое из которых отражало мнение представителей разных групп³. Наиболее агрессивные взгляды выражали военщина и австрийская аристократия, объединившаяся вокруг императорского двора. Лидером этих кругов был начальник генерального штаба генерал-фельдмаршал Франц Конрад фон Гетцендорф. Его взгляды разделяли военный министр генерал Александр Кробатин, министр-президент Австрии граф Карл Штургк, имперский министр финансов Эрнст фон Кербер и ряд других высших сановников и военных деятелей. Эта часть высших кругов монархии выражала интересы Главного верховного командования австрийской армии, расположенного в городе Терезиенштадт, почему ее и называли для краткости терезиенштадтской.

Другое течение составляли преимущественно государственные и общественно-политические деятели Венгрии, которые, в свою очередь, делились на две группы — сторонников правящей партии графа Иштвана Тисы и представителей оппозиции.

Один из лидеров последней — граф Дьюла Андраши (Младший) писал: "Наше верховное командование и известные политические круги Австрии требовали полного поражения сербско-черногорского народа. Я лично из-за своей умеренной точки зрения, которая нашла отражение в печати, подвергался самым решительным нападкам Терезиенштадта. Руководящие военные лица утверждали, что сербская опасность может быть устранена только в том случае, если сербы будут объединены под жезлом Габсбургов. Я же считал, что сербы, привыкшие к независимости, никогда не примирятся с новой ситуацией, созданной на такой основе. Значительная часть общественного мнения Венгрии разделяла мой взгляд. И. Тиса, А. Апоњи и М. Каройи также были близки к моей точке зрения"⁴. Это утверждение является не вполне точным. Как будет показано ниже, между лидерами венгерской оппозиции и правящей партией Тисы имелись расхождения, хотя все они выступали против полного поглощения Сербии Австро-Венгрией.

Третью группу представляли пангерманисты. Они ориентировались на включение Австро-Венгрии в создаваемую Германией "Срединную

Европу”, а в сербском вопросе, так же как и милитаристы, стояли на крайних позициях. Идеологом этой группы был историк профессор Генрих Фридьонг, лидером группы — бургомистр Вены Карл Лузгер и член рейсрата Карл-Генрих Вольф. Эта группа не имела решающих позиций среди правящих кругов, но ее влияние было заметным. К ней примыкала часть бюргерства и мелкой буржуазии Австрии.

Несколько особняком стоял министр иностранных дел Австро-Венгрии барон Иштван Буриан. Современники считали его “человеком Тисы”, что было близко к действительности. Являясь венгром по национальности, Иштван Буриан тем не менее нередко был вынужден считаться с мнением императорского двора, которое представляли главным образом австрийцы.

Каких конкретных взглядов на сербскую проблему придерживались все три группы?

Как уже сообщалось, наиболее агрессивной была точка зрения генерала Конрада фон Гётцендорфа, которого многие называли “шефом экстремистской аннексионной партии”. В меморандуме от 4 января 1916 г., направленном членом австро-венгерского правительства, генерал прямо писал о необходимости ликвидации Сербии как государства и присоединении ее территории к монархии Габсбургов. “Необходимо заявить, — писал он, — что ее (Сербии. — Ю.П.) династии больше не существует, и публично объявить, что области Королевства Сербии с согласия союзников — Австро-Венгрии, Германии и Болгарии — перейдут в дальнейшем под их военное управление”⁵.

Эту точку зрения Конрад повторил на заседании австро-венгерского правительства 7 января при обсуждении вопроса о военных целях дунайской империи. Не ограничившись требованием об аннексии Себии, генерал предложил присоединить к Австро-Венгрии Северную Албанию и Черногорию⁶.

Начальник генерального штаба соглашался передать часть Сербии Болгарии как награду за ее участие в войне на стороне Австро-Венгрии, но решительно возражал против “слишком больших уступок Болгарии”, опасаясь, что она приобретет и те территории, на которые претендует сама Австро-Венгрия. Еще 10 декабря 1915 г., узнав о захвате болгарскими войсками ряда районов, которые входили в сферу действий австро-венгерской армии, Конрад фон Гётцендорф

Начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал-фельдмаршал Франц Конрад фон Гётцендорф

прислал военную министру генералу А. Кробатину следующую телеграмму: "Согласно достоверным данным, болгары претендуют на те территории, которые захватили их войска. Они держат их под оккупацией. Руководствуясь военно-политической точкой зрения, необходимо пресечь эти действия"⁷.

20 декабря шеф военной партии направил следующее письмо министру иностранных дел И. Буриану: "Я придерживаюсь того мнения, что Болгарии ни в коем случае нельзя давать никаких концессий на железнодорожный путь в долине Моравы, который представляет жизненно важные интересы для монархии"⁸. Конрад фон Гётцендорф предупреждал Буриана о возможности вероломства со стороны Германии, которая, по его словам, в любой момент готова нарушить соглашение с Австро-Венгрией в пользу Болгарии в случае, если это ей будет выгодно. "Немцы, как показывает история, всегда, когда их интересы непосредственно не страдают, склонны пойти на уступки третьей стороне за наш счет. По моим сведениям, они могут это сделать и сейчас"⁹.

Генерал Конрад фон Гетцендорф был сторонником создания Великой Австрии, какой она была до 1866 г., поддерживая позицию покойного австрийского престолонаследника Франца Фердинанда. Тех же взглядов придерживались военный министр генерал А. Кробатин, министр-президент Австрии граф Карл Штюрк и имперский министр финансов Э. фон Кербер. Вот что они говорили на упоминавшемся заседании австро-венгерского правительства 7 января. А. Кробатин "Если мы сейчас не проявим нашу волю по отношению к Сербии и не перечеркнем ее на географической карте Европы, тогда сразу после окончания войны мы снова встретимся с опасной (великосербской) агитацией"; К. Штюрк: "Сербия с прерогативами независимого государства постоянно останется очагом великосербской пропаганды"; Э. фон Кербер: "Нельзя допустить, чтобы дальше существовало самостоятельное или полусамостоятельное сербское государство"¹⁰.

Иной точки зрения придерживался граф Иштван Тиса. На том же заседании он высказался против полного уничтожения сербского государства и присоединения его территории к дунайской монархии, мотивируя это тем, что в этом случае Австро-Венгрия неизбежно превратится из дуалистического государства в триалистическое. "В настоящее время, — заявил он, — нелегко решить сербскую проблему в рамках монархии. Уже сейчас в Австро-Венгрии мы имеем более трех миллионов сербов. С присоединением еще двух миллионов ситуация заметно ухудшится. Венгерское правительство не может взять на себя эту ответственность. В сказанной ситуации я не вижу никакого другого выхода, кроме непосредственного присоединения к Венгрии северо-западной части Сербии, а остальную часть Сербии надо оставить самостоятельной"¹¹.

В пользу своих планов И. Тиса приводил три довода. Первый, как уже отмечено, состоял в опасности пересмотра дуалистической системы австро-венгерского государства, которая была выгодна мадьярской буржуазии и аристократии, так как позволяла гос-

подставляющим классам Королевства Св. Иштвана эксплуатировать неравноправные народы и использовать одновременно общеимперский рынок. С точки зрения Иштвана Тисы, нужно было добиваться не пересмотра системы дуализма, а расширения прав Венгрии в этой системе.

Во-вторых, Тиса утверждал, что в случае присоединения Сербии к монархии в конечном счете "православная Сербия", а не католические Хорватия и Словения, станет центром притяжения югославян, в результате чего именно Сербия превратится во "второй Пьемонт", что в условиях роста центробежных движений в многонациональной монархии будет представлять для нее потенциальную опасность. 4 декабря 1915 г. в меморандуме Францу Йосифу он подробно остановился на этом вопросе, повторив свои опасения, высказанные им еще в 1913 г. Аннексия Сербии, писал он, "усилит контакты между сербами в Австрии, Боснии, Хорватии и в самой Венгрии, а также между сербским населением в новых областях (отнятых у Турции в 1912 г. — Ю.П.), что приведет к концентрации их сил на юге монархии..."¹². "Всякая уступка национализму станет новым оружием в борьбе за... отступление от монархии", — делал вывод И. Тиса¹³. Глава венгерского правительства выражал сомнение в том, что включение сербского элемента в состав монархии приведет к падению влияния России и панславизма. Напротив, считал он, эта угроза только возрастет. "Со всей определенностью могу опровергнуть иллюзию, что присоединение всех сербов приведет к ликвидации русских махинаций и враждебных великосербских планов"¹⁴.

Наконец, в-третьих, И. Тиса считал выгодным с экономической и военно-политической точки зрения сохранить слабое и нежизнеспособное сербское государство, поставив его в зависимость от Австро-Венгрии. Сербия, по его мнению, будет отделена от Черногории и удалена от моря и речных путей сообщения, она окажется окруженной более сильными соседями и в экономическом отношении станет зависимой от Австро-Венгрии. "Я убежден, что с точки зрения наших интересов эту область не следует аннексировать, а надо связать с монархией при помощи протектората, который мог бы отвечать и ее потребностям"¹⁵.

Тем не менее И. Тиса не отказывался и от захвата сербской территории, настаивая на присоединении к Венгрии (не Австрии!) наиболее перспективных районов Северо-Восточной Сербии по главе с Белградом. Он не считал возможным аннексировать Черногорское Приморье, оставив Черногорию только бесплодные земли. Что касается Албании, то Тиса выступал за сохранение ею независимости, но при одном условии: Албания будет иметь непосредственную границу с Австро-Венгрией, т.е. тоже находиться в экономической и политической зависимости от дунайской монархии¹⁶.

Третье течение не имело четкой программы в сербском вопросе. Его лидер Фридьонг был непримиримым врагом Сербии и высказывался за ее ликвидацию как государства. В споре между Конрадом и Тисой он не занимал определенных позиций, считая лучшим выходом из положения аншлюс Австро-Венгрии с Германией¹⁷.

Для Германии "сербская проблема" не имела такого жизненно важного значения, как для Австро-Венгрии, и хотя Вильгельм II под свежим впечатлением военной победы заявил, что в лице Сербии будет уничтожен "форпост России на Балканах", это, однако, не означало, что Германия собирается стереть Сербию с лица Европы как самостоятельное государство. Кайзеру были свойственны высокопарные заявления, но не он в последнее время определял политическую линию рейха. В 1916 г. решающую роль стало играть уже его ближайшее окружение: в военных вопросах высших офицеры во главе с начальником генерального штаба генералом Паулем Гинденбургом и его помощником генералом Эрихом Людендорфом, в дипломатии — министр иностранных дел Готлиб фон Ягов и его помощник Артур Циммерман, в экономике — "короли стали и пушек" Крупп, Стиннес и другие монополисты.

Для германского империализма военная победа над Сербией имела второстепенное значение. Он стремился к установлению гегемонии во всем мире и в разгроме своих главных соперников — Англии, Франции и России — и для достижения основной цели готов был пойти на уступки Сербии, заключив с ней сепаратное перемирие в том случае, однако, если бы последняя изменила державам Антанты. Для Германии была нужна не сербская территория, а природные ресурсы этой страны. По мнению Берлина, Сербия могла также стать плацдармом для развертывания военных действий Центральной коалиции за пределами Балканского полуострова и сыграть роль "моста" для установления непосредственных связей с Турцией.

Берлинская дипломатия пыталась смягчить требования Австро-Венгрии в отношении Сербии и убедить Вену в том, что не следует идти на полное уничтожение сербского государства, а целесообразно ограничиться его подчинением. На первый план кайзеровское правительство выдвигало экономические требования, причем рассчитывало на то, что Германии будет предоставлено полное преимущество в эксплуатации природных ресурсов Сербии, в том числе и в австро-венгерской зоне оккупации.

В таком ключе 24 декабря 1915 г. писал рейхсканцлер Германии Теобальд Бетман Гольвег министру иностранных дел Австро-Венгрии барону И. Буриану. Бетман потребовал также предоставления Германии преимуществ при использовании железнодорожного транспорта и водных путей сообщения как в завоеванной Сербии, так и в самой Австро-Венгрии¹⁸.

Для связей с Турцией Германия устанавливала узкий коридор, так называемую "этапную зону", которая рассекала Сербию на две части. 11-я германская армия генерала А. фон Макензена брала под свой контроль стратегически важную железную дорогу Смедерево—Ниш—Скопье—Велеш — граница, т.е. внедрялась и на территорию оккупационной зоны Болгарии¹⁹. Позже в руки Германии перешла и железная дорога Ниш—София, а 11-я армия Макензена установила контроль за поставками Болгарией Германии продукции сельского хозяйства²⁰.

Правительство кайзера заключило ряд соглашений с болгарским

правительством о преимущественном праве Германии вывозить сельскохозяйственную продукцию из всех областей Сербии, находившихся в болгарской зоне оккупации. Эти реквизиции осуществлялись специальным отделом 11-й германской армии во главе с начальником ее штаба полковником Паулем Кирхом²¹.

В качестве компенсации за все эти уступки со стороны Болгарии германское правительство пообещало царю Фердинанду закрыть глаза на приобретение Болгарией дополнительных территорий в Сербии, которые не были предусмотрены секретной конвенцией от 6 сентября 1915 г.²² Эта договоренность была достигнута 10 февраля 1916 г. во время посещения Фердинандом и председателем Совета министров Болгарии. В. Радославовым, а также начальником генерального штаба болгарской армии генералом Жековым Главной квартиры германской армии. Болгары запросили часть области Косова и территории Смедерева до Крагуеваца.

Германия отдавала предпочтение Болгарии, а не Австро-Венгрии при решении территориальных споров²³. На самом деле кайзер и его правительство относились равнодушно к территориальному вопросу, а в разговоре с представителями Австро-Венгрии те же земли обещали дунайской монархии. "Мне наплевать на Албанию и на Сербию", — говорил в кругу придворных Вильгельм II. В то же время германское правительство использовало австро-болгарские противоречия, пытаясь оказать давление на обе стороны.

Данное обстоятельство объяснялось рядом причин. Одной из них было соперничество между Германией и Австро-Венгрией. Оно проявлялось как на политической, так и на экономической почве. Дунайская монархия была не только партнером германской империи в торговле и экономических связях, но и основным конкурентом Германии на балканском рынке. Лишь в последние предвоенные годы, воспользовавшись сербско-австрийской таможенной войной 1906—1911 гг., Германия вытеснила Австро-Венгрию с первого места на сербском рынке. В Черногории, напротив, Австро-Венгрия полностью сохранила свое первенство; ожесточенная борьба между этими державами за гегемонию велась и в других балканских странах — Болгарии, Румынии, Греции, Албании²⁴.

Скрытое противостояние между двумя союзниками наблюдалось и в военно-политической сфере. Проблема "всадника и коня", т.е. воп-

Командующий балканской группой войск германский генерал-фельдмаршал Август фон Макензен

рос о том, кто из обеих великих держав, Германия или Австро-Венгрия, является "наездником" и кто "послушной клячей", несмотря на явное преимущество Германии, все еще оставался нерешенным. В Вене не собирались мириться с мыслью о младшем партнерстве, в Берлине, наоборот, не хотели упускать первенства. Начальник германского генерального штаба генерал Эрих фон Фалькенгайн дал ясно понять своему коллеге генералу Конраду фон Гетцендорфу и министру иностранных дел Австро-Венгрии барону Буриану, что Германия не собирается отказаться от своего "права" играть главную роль в Четверном союзе. В письме статс-секретарю по иностранным делам Готтлибу фон Ягову от 24 февраля 1916 г. он писал, что "Вену надо поставить на место". Война против Сербии, как отмечал генерал, велась по германскому плану, под немецким командованием и немецкими войсками и то, что Германия отказалась от оккупации Сербии, еще не означает, что Австро-Венгрия "...может делать все, что она хочет". Союзники Германии, поучал генерал, не могут делать что-нибудь без ее согласия. "Думаю, что это надо объяснить Буриану. В противном случае мы можем дожить до неприязни между нашими союзниками по оружию. А эта опасность, судя по всему, надалека"²⁵.

ПОЗИЦИЯ БОЛГАРИИ

Начальник генерального штаба Германии был прав: противоречия между Австро-Венгрией и Болгарией по вопросу о дележе добычи достигли критической точки: и та и другая стороны не хотели идти навстречу друг другу, стремясь урвать себе кусок побольше и пожирнее. Первой в наступление перешла царская Болгария. Болгарский царь накануне и во время войны повышал экспансионистские требования²⁶. Ведя речь в июне 1914 г. о заключении договора с Германией и Австро-Венгрией, он выдвинул требование о присоединении к Болгарии Вардарной Македонии, осенью 1915 г. завел разговор о Неготинском округе Сербии, после поражения сербской армии стал претендовать уже на Западное Поморавье, большую часть Косова и Метохии и Среднюю Албанию²⁷.

Так идея реванша стала перерастать в идею великодержавия. Захватив Качаоник, Урошевац, Приштину, Призрен и Джаковицу в Косово и вторгшись в Эльбасан в Албании, болгарские войска стали нарушать военную конвенцию от 6 сентября 1915 г. о разделе сфер влияния с Австро-Венгрией. Царь Фердинанд прибыл в Призрен и присутствовал на торжественном богослужении по поводу "освобождения" этого "старого болгарского города"²⁸. В оккупированные районы болгарским правительством были посланы гражданские власти. Царская Болгария намеревалась установить здесь свое господство навечно. Она выступала также за ликвидацию Сербии как государства, заняв в этом вопросе среди Четверного союза самую крайнюю, непримиримую позицию. Фердинанд и В. Радославов и слышать не хотели о возможном компромиссном решении сербской проблемы. Они неизменно выступали против германских планов подписания сепаратного перемирия с Сербией, возражали против

Царь Болгарии Фердинанд I Кобург-Сакс-Готский

черногоро-сербского государственного объединения с династией Петровичей во главе, были самыми лютыми врагами сербского правительства. "Существование Сербии представляет для Болгарии и Австро-Венгрии наибольшую опасность", — заявил Иштвану Буриану 15 февраля 1916 г. В. Радославов²⁹.

В осуществлении аннексионных планов на Балканах Фердинанд Кобург шел напролом. Мотивируя территориальные захваты в Сербии и Албании тем, что они осуществлены благодаря "пролитию болгарской крови", он готов был пойти на конфликт даже со своим союзником — Австро-Венгрией, которая первой из держав Центральной коалиции протянула ей руку помощи, поддержав во время Бухарестской мирной конференции 1913 г. Болгарию, тогда как Германия была ее противницей. В 1915—1916 гг. все перевернулось: правительство Фердинанда стало нападать на Австро-Венгрию за ее неуступчивость в решении территориальных споров на Балканах и расшаркиваться перед Германией. Отношения Болгарии и Австро-Венгрии после сербской военной кампании конца 1915—начала 1916 г. настолько обострились, что взаимные противоречия из-за дележа территорий могли перерасти в вооруженный конфликт. После занятия болгарскими войсками Приштины, Призрена и Джаковицы дело дошло до конфронтации: командование 3-й болгарской дивизии силой воспрепятствовало приходу в эти районы австро-венгерской 57-й пехотной гренадерской дивизии генерала Германа Кёвеша фон Кёвешази.

Генерал Конрад направил 22 февраля Буриану изволнованное письмо: "Возникшая кризисная ситуация в области Призрен-Приштина

срочно требует рассмотрения двусторонних компетентных инстанций. Выход из этой ситуации я вижу только в выводе болгарских войск и болгарских органов (местных) властей западнее от договорной линии (т.е. линии, установленной тайной военной конвенцией в сентябре 1915 г. — Ю.П.). Иначе произойдут неизбежные конфликты, за которые я не могу нести никакой ответственности. Военной силой мы не можем принудить болгар к этому”³⁰.

24 февраля Буриан предложил австро-венгерскому посланнику в Софии князю А. Тарновскому фон Тарнов “дружески, но решительно” обратиться к Радославу с предложением отвести болгарские войска до договорной границы³¹. Однако губернатор Македонии болгарский генерал Раче Попов распорядился оставить войска на месте, а 25 февраля болгарские войска заставили силой вывести австро-венгерскую часть из г. Качаоника³².

Конрад обратился за посредничеством к начальнику генерального штаба Германии генералу Фалькенгайну: “Вашему превосходительству известно, что я считаю, так же как и Вы, что нужно твердо соблюдать условия договоренности с союзником для успешного продолжения и завершения войны, но я ни в коем случае не могу терпеть позицию болгарского верховного командования по отношению к австро-венгерским войскам, которая нарушает наши союзнические отношения. При этом болгары думают, что могут рассчитывать на одобрение их позиции и даже на поддержку со стороны германского Верховного командования”³³.

Перед угрозой раскола Четверного союза Фалькенгайн отступил. 1 апреля 1916 г. при посредничестве Германии между Австро-Венгрией и Болгарией было заключено соглашение о разграничении сфер влияния на оккупированных территориях³⁴.

¹ Neue Zürcher-Zeitung, 1915. 23.X.

² Budapesti Hirlap. 1916. 9.III.

³ См.: *Mitrović A.* S. 300.

⁴ *Andrássy J.* Diplomatie und Weltkrieg. В., 1921. S. 180—181.

⁵ ИИСТА. РА. Liasse Krieg, 1916. Karton 497. Генерал Ф. Конрад — Й. Буриану. Вена, 1916. Ч. I.

⁶ Protokolle. S. 352—361.

⁷ Цит. по: *Mitrović A.* S. 319.

⁸ ИИСТА. РА. Liasse Krieg, 1916. Karton 499. Ф. Конрад — И. Буриану. Вена, 1915. 20.XII.

⁹ Ibid.

¹⁰ Protokolle. S. 352—381.

¹¹ Ibid.

¹² ИИСТА. РА. Liasse Krieg, 1916. Karton 497. Граф И. Тиса — Францу Иосифу. Вена, 1915. 4.XII.

¹³ *Mitrović A.* S. 300.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ ИИСТА. РА. Liasse Krieg. I. Karton 973. Т. Бетман-Гольвег — И. Буриану. Берлин, 1915. 26.XII.

¹⁹ *Влахов Т.* Отношения между България и Централните сили. С., 1957. С. 244—245.

²⁰ Там же.

- ²¹ Kirch P. Krieg und Verwaltung in Serbien und Mazedonien. 1916. Stuttgart, 1928. S. 33.
- ²² Mitrović A. Die Kriegsziele der Mittelmächte und die Jugoslawenfrage, 1914—1918 // Die Donaumonarchie und die Südslawische Frage von 1848 bis 1918. Wien, 1978. S. 137—170.
- ²³ Ibid. S. 315.
- ²⁴ Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије, 1906—1911. Београд, 1962.
- ²⁵ ННСТА. РА. I. Liasse Krieg. 1916. Karton "Grosse Haupt—quartier". N 101. Э. Фалькенгайн — Г. фон Ягову. Берлин, 1916. 24. II.
- ²⁶ Ђорђевић Д. Указ. соч.; Аврамовски Ж. Опредељење Бугарске за Централне силе у првом светском рату // Југословенско-бугарски односи у XX веку: Зборник радова. Београд, 1980. Књ. 1. С. 61—97.
- ²⁷ Митровић А. Тајни уговори између Централних силе и Бугарске од 6 септембра 1915 године // Међународни проблем. Београд, 1978. Књ. 30, № 34. С. 47—66.
- ²⁸ См.: Аврамовски Ж. Аустро-угарско-бугарске супротности око деобе Србије // ИИ ЗР. Београд, 1986. Књ. 5.
- ²⁹ ННСТА. РА. Liasse Krieg. 1916. Karton "Bulgarien, 1915—1918". N 718.
- ³⁰ Ibid. N 12865.
- ³¹ Ibid. N 108.
- ³² Ibid. N 27/2.
- ³³ Ibid. N 22899.
- ³⁴ Аврамовски Ж. Ратни циљеви Бугарске и Централне силе, 1914—1918. Београд, 1985, С. 267, 339—342.

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ

ВОЕННОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО АВСТРО-ВЕНГРИИ В СЕРБИИ

Официально австро-венгерская оккупационная зона была объявлена военным генерал-губернаторством 7 января 1916 г. В нее вошла территория, почти равная Австрии, с населением 1370 тыс. человек. Болгарии были переданы территории с населением 962 тыс. человек. Границей между зонами стала река Морава. К Австро-Венгрии отошли земли к западу от нее, к Болгарии — к востоку.

Генерал-губернаторство Сербии было поделено на 13 административных округов и 54 котара (района), а в военном отношении на 6 областей, причем Белград был выделен в особый район (околию), подчинявшийся непосредственно военному генерал-губернатору, но имевший свою комендатуру¹.

Гражданское управление состояло из 16 отделов и подотделов — политического, финансово-налогового, экономического, судебного, торгового и др. Особенно большую роль играл политический отдел, ведавший пропагандой, организацией политической службы и цензурой. Его начальниками были майор С. Кватерник, которого сменили сначала капитан Витман, затем полковник Хуго Керхнаве².

В генерал-губернаторстве были расквартированы 54 воинские части и создано 12 жандармских постов с более чем 5500 жандармами³. Другими важными отделами были финансово-налоговый и экономический. Они ведали сбором налогов и снабжением оккупационных войск продовольствием. Эти отделы действовали в контакте с германскими властями, которые, в свою очередь, грабили продовольственные ресурсы Сербии.

В мае 1916 г. в генерал-губернаторстве была проведена судебная реформа, согласно которой судебные дела были изъяты из ведения местных сербских судов и переданы военным трибуналам⁴.

Реформа судопроизводства усилила произвол оккупационных властей. Тем же целям служили и другие мероприятия оккупантов — введение цензуры, запрещение свободного передвижения населения по железным дорогам без предварительного разрешения полиции, ограничение почтовой и телеграфной связи⁵.

С первых дней оккупации монархия Габсбургов приступила к экономическому ограблению страны, расхищению ее природных богатств, эксплуатации населения. Орган венгерского монополистического капитала газета "Будапешти Хирлап" от 9 мая 1916 г. писала: "Сербии

более не существует, и наш долг занять как можно больше земли. Не имея колоний, мы должны расширить свои владения путем экономического завоевания страны"⁶.

В Вене еще в конце 1915 г. было создано Центральное управление по вывозу продовольствия из оккупированных земель Сербии, Черногории, Албании и Королевства Польского⁷. Оккупационные власти проводили политику, направленную на полное подчинение сербского национального рынка австрийским и венгерским монополиям. 4 мая 1916 г. австро-венгерский военный генерал-губернатор граф Иоганн Салис Севис издал указ о подчинении частных торговых, промышленных и финансовых предприятий Сербии военной администрации. На этих предприятиях были назначены новые директора, преимущественно из числа лиц, тесно связанных с австрийскими и венгерскими промышленными корпорациями и банками⁸.

Оккупанты ввели грабительскую систему реквизиции. В деревню были направлены многочисленные реквизиционные отряды, которые забирали у крестьян зерно, фураж, кожу и другие предметы сельскохозяйственного производства. Первое время реквизиции были совершенно безвозмездными и крестьяне не получали никакой компенсации. После того как эмигрировавшее на Корфу сербское правительство в июне 1916 г. обратилось к державам — участинкам международной конференции в Гааге с официальным протестом против грубых нарушений Австро-Венгрией элементарных норм международного права⁹, оккупационные власти были вынуждены объявить об упорядочении системы реквизиций, крестьянам было обещано денежное вознаграждение, а самим реквизициям придана видимость законной покупки "излишков" сельскохозяйственной продукции¹⁰. Но эти деньги, как правило, не выдавались, а заменялись квитанциями, расписками-обязательствами выплатить недостающую сумму в неопределенном будущем¹¹.

Оккупационные власти предприняли отчаянное усилие выправить положение в деревне и увеличить сельскохозяйственное производство в Сербии в связи с растущими потребностями австро-венгерской армии. В сентябре 1916 г. было издано распоряжение нового военного генерал-губернатора А. Ремена цу Беренфельда о расширении посевных площадей. Для этой цели крестьянам выделялся дополнительный сельскохозяйственный инвентарь, были созданы государственные имения общей площадью 596 724 га, где работали военнопленные и крестьяне окресных деревень¹². Но одновременно усилилось применение принудительных методов управления хозяйством со стороны военных властей, что вызывало протест крестьянства, но не способствовало улучшению положения в деревне. На страну надвигался голод. По данным газеты "Београдске новине" от 31 января 1917 г., от голода и эпидемических болезней в Сербии только за 1916 г. умерло около 300 тыс. человек¹³.

Исключительно тяжелыми для сербского народа были политические последствия оккупации. Оккупационные власти распустили все политические партии, профессиональные союзы, общественные, культурные и спортивные организации, объединения студенческой и учащейся

молодежи. Был закрыт Белградский университет, прекратился выход всех газет, кроме официоза генерал-губернаторства газеты "Београдске новине", которая стала набираться латинским шрифтом.

Австро-венгерские власти предприняли настоящий поход против сербской национальной культуры. В школах и учреждениях было запрещено пользоваться сербским алфавитом (кириллицей), из библиотек были изъяты все книги, посвященные героической борьбе сербов против турецкого ига. Усердие оккупационных властей зашло так далеко, что ими был наложен запрет на произведения сербских поэтов Бранко Радичевича и Йована Йовановича, 3 мая хотя эти сочинения свободно продавались в самой Австро-Венгрии¹⁴.

Оккупанты разграбили крупнейшие монастыри Сербии, которые являлись хранителями многовековой культуры: Дечанский, Манастирский, Равницкий и др.¹⁵ Опустошению подверглись национальные и этнографические музеи, картинные галереи, библиотеки и архивы¹⁶. За годы оккупации погибли многие бесценные памятники и шедевры национального культуры сербского государства¹⁷.

Такую же политику притеснения сербов в своей зоне оккупации проводили и власти Болгарии.

БОЛГАРСКАЯ ЗОНА ОККУПАЦИИ

В эту зону входили вся Македония и значительная часть так называемой "Старой Сербии", т.е. те районы, которые в средние века входили в состав сербского государства, а затем были захвачены Османской империей и вернулись в состав Сербии только после Первой Балканской войны. В их числе были часть Косова с Приштиной и Призреном, Скоплевская Черногория и Прокуплье.

Болгарская зона оккупации делилась на две области: Моравскую с центром в Нише и Вардарскую Македонию с центром в Скопле. Впоследствии обе области были реорганизованы в два генерал-губернаторства, которыми управляли генералы Кутинчев и Рачо Петров.

Эта территория, в свою очередь, подразделялась на семь округов: Битольский, Брегалницкий, Кумановский, Охридский, Скоплевский, Тиквенский и Тетовский. Позже в Косове были образованы еще два округа — Приштинский и Призренский¹⁸. Более мелкими административными единицами были околии и общины.

Военные власти в районах, оккупированных болгарскими войсками, в значительной мере находились в зависимости от командования 11-й германской армии генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена. В частности, в г. Скопле всеми делами по вывозу из Македонии хлеба распоряжалась Седьмая военно-железнодорожная дирекция, созданная при этих войсках, а в Прилепской области — командование немецких вооруженных сил на Балканском фронте. Последнее имело отделения во Вранье, Буковаце, Куманове и Велесе. Фактически немцам принадлежал богатейший Борский медный рудник, так как только они имели право добывать здесь руду¹⁹.

Австро-Венгрия открыла в Нише и Скопле свои консульства, а в

Софии находился ее посланник. Положение населения в болгарском военном генерал-губернаторстве было особенно тяжелым, так как оккупационные власти ставили своей задачей осуществление насильственной ассимиляции сербского и македонского населения. Это обстоятельство было отмечено Сербской социал-демократической партией в меморандуме, направленном европейской общественности в начале 1917 г. "В болгарской части Сербии, — говорилось в документе, — не знают судов. Там полиция имеет неограниченную власть. Личная свобода каждого сербского гражданина, как и сама его жизнь, полностью зависит от воли полицейского агента, болгарского жандарма. В австрийской области еще существует видимость общественной жизни, в области, оккупированной Болгарией, не гарантирована самая элементарная безопасность. По всей области шествуют грабежи и убийства"²⁰.

Идентичный вывод сделали на заседании Народного собрания 13 января 1916 г. депутаты-социалисты (тесняки) и посланник-демократ Малинов. 3 ноября того же года с критикой оккупационного режима в болгарском генерал-губернаторстве выступили два депутата парламента — тесняк Г. Кирков и радикал Саферов²¹.

Более подробно характеристика оккупационного строя в болгарской и австро-венгерской зонах дана в работах К. Битевского, А. Митровича, В. Стояновича (Югославия) и В. Станева (Болгария)²².

ОКУПАЦИЯ ЧЕРНОГОРИИ

В Черногории австро-венгерское правительство провозгласило генерал-губернаторство не сразу после капитуляции этой страны, а спустя два месяца, когда оно убедилось в тщетности попыток найти иное решение.

Вначале австро-венгерское имперское правительство предполагало управлять Черногорией при помощи коллаборационистов, сохранив видимость самостоятельности черногорского государства. План Буриана для этого предусматривал две возможности: оставление на престоле династии Петровичей или возведение на трон представителей семьи Габсбургов. И в том и в другом случае верховный контроль за их деятельностью должны были осуществлять военные и гражданские власти. С этой целью, согласно плану барона Буриана, в Черногории были оставлены войска, а в Цетинье размещена канцелярия гражданского комиссара, которая следила за работой черногорского правительства Марко Радуловича²³.

Последнее фактически было лишено каких-либо прав. Оно ведало лишь вопросами местного значения, но даже в этих случаях согласовывало свои действия с гражданским комиссаром бароном Эдуардом Отто, который ранее был посланником Австро-Венгрии в Черногории.

Однако вскоре стало ясно, что план Буриана не имел перспектив. Вене не удалось найти нужного претендента на черногорский престол. Король Николай не собирался возвращаться в страну, его старший сын принц Данила не захотел менять развеселую жизнь

в Сан-Ремо на пребывание в цетинском королевском дворце, охраняемом австрийскими гренадерами, средний сын Николая принц Мирко был настолько одиозной фигурой, что от него отrekliсь сами австрийцы. Не прошли и две другие кандидатуры: малолетнего сына князя Мирко Михаила и представителя дома Габсбургов. Против первого возражала военная администрация, которая не захотела иметь еще одну власть в лице регентского совета; противником второй кандидатуры оказались Германия и Болгария, ревниво отнесшиеся к перспективе расширения владений Габсбургов на Балканах.

Выяснилось также, что и правительство Радуловича не оказалось таким уж послушным: оно пыталось отстаивать интересы черногорцев, проявляя характер. Так, оно предложило заключить мирный договор с Австро-Венгрией, что позволило бы Черногории избавиться от оккупации и сохранить свою государственность. Это предложение было встречено австро-венгерским правительством в штыки, а гражданский комиссар барон Э. Отто указал Радуловичу на превышение его полномочий, предупредив, что Австро-Венгрия по-прежнему считает "законным" правительством бежавшего во Францию короля Николая или находившегося в Швейцарии бывшего председателя Совета министров Лазаря Миошковича²⁴.

Начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал Конрад фон Гётцендорф действовал более решительно — он не только не захотел пойти даже на фиктивные переговоры о перемирии, но и требовал разогнать временное правительство Радуловича. В письме И. Буриану от 23 февраля генерал прямо указал на опасность промедления с решением вопроса о создании в Черногории военного генерал-губернаторства. "В тяжелое военное время нельзя заниматься экспериментами", — писал он²⁵. Конрад фон Гётцендорф настаивал на полном переходе власти в Черногории в руки военных, предупреждая от опасности сохранения даже иллюзорной самостоятельности государства. Генерал ссылался при этом на исторический прецедент. В 1876 г., указывал он, Черногория, тогда еще совсем небольшая страна, стала очагом освободительного движения против турок и, по словам Конрада, нельзя было гарантировать, что история не повторится, причем на этот раз, предупреждал он, Черногория может стать центром борьбы против Австро-Венгрии²⁶.

1 марта правительство М. Радуловича было распущено, а Черногория провозглашена генерал-губернаторством во главе с генералом бароном Виктором Вебером фон Вебенау, которого позже сменили сначала генерал Филип Браун, затем граф Генрих Клам-Мартиниц. Начальником штаба военного управления был назначен бывший аташе в Черногории майор Густав Хубка, гражданским комиссаром — Э. Отто. Страна была поделена на семь военных округов, 23 среза и 56 капетаний²⁷. Во второй половине 1916 г. капетании были преобразованы в общины.

В капетаниях (общинах) были расположены военные и жандармские посты во главе с офицерами или вахмистрами. Местные общинные власти продолжали избираться населением, но при этом был

введен жесткий контроль за их деятельностью со стороны военных властей, которые назначали председателей общины и их заместителей.

Военный округ, как главный административный центр, стал одновременно и судебной инстанцией. Местным судам было предоставлено право рассматривать только дела о так называемых "гражданских спорах", т.е. мелкие вопросы, политические конфликты должны были разрешать военные трибуналы. Высший суд находился в непосредственном подчинении генерал-губернатора. Ему же принадлежало право верховного арбитража²⁸.

Созданный в Черногории режим, как и планировал генерал Конрад фон Гётцендроф, во многом повторял действия оккупационных властей в Сербии. Прежде всего он опирался на силу. "Надо управлять в стальных перчатках, — поучал своих подчиненных начальник генерального штаба, — только таким образом можно удержаться у власти"²⁹.

Этот совет твердо усвоило вновь созданное военное генерал-губернаторство. 1 марта генерал-губернатор в своем обращении к народу предостерег его от неповиновения, пригрозив карами в случае нарушения режима. "Всякие злонамеренные и подлые действия против нашего военного управления, наших войск или нововведенного порядка вообще будут пресекаться строжайшим образом", — говорилось в прокламации³⁰.

В то же время военный генерал-губернатор выражал надежду, что население Черногории поддержит новый режим. "Кто будет лояльно, верой и правдой с открытым сердцем уважать закон и сохранять мир — тот может быть уверен в нашей защите и поддержке", — гласил тот же документ³¹.

Однако черногорский народ реагировал по-другому. Прошло немного времени после военного поражения Черногории, как в этой стране стало развиваться движение сопротивления чужеземным захватчикам.

¹ Шпанић М. Окупација, буна и терор у Србији од 1915—1918. Београд, 1925. С. 41—47.

² ВИАВ. Ф. 30. Д. Война 1914. Россышь. Л. 113—129.

³ Ehrhard A. Kleinkrieg: Geschichtliche Erfahrungen und Künftige Möglichkeiten. Potsdam, 1944. S. 70.

⁴ ВИАВ. Ф. 30. Д. 30477. Л. 472—473.

⁵ Венгерский государственный архив в Будапеште. Ф. Министерство внутренних дел. Д. 292. Л. 140.

⁶ Pesti Hirlap. 1916. 9.V.

⁷ Ehrhard A. Op. cit. S. 70.

⁸ Pester Lloyd. 1916. 4.V.

⁹ См.: Насильственное выселение жителей из оккупированных областей Сербии. Одесса, 1917.

¹⁰ Beogradske Novine. 1916. 9.VII.

¹¹ Писарев Ю.А. Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916—1918 // СС. 1965. № 4. С. 32—33.

¹² ВИАВ. Ф. 30. Л. 14.

¹³ Beogradske Novine. 1917. 30.I.

¹⁴ Насильственное выселение... С. 3—15.

¹⁵ Сербия под врагом. Одесса, 1917. С. 64—84.

¹⁶ *Kapidžić H.* Beogradske arhivi i muzeji-ratni plijen austrougarskog svietskog rata // *Godišnjak istorijskog društva Bosne i Hercegovine.* Sarajevo, 1950. Sv. 10: (1949—1950). S. 345—363.

¹⁷ *Насильственное выселение...* С. 15—16.

¹⁸ ЦГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 398. Л. 153, 189—190.

¹⁹ *Митровић Д.* Споразум Централних сила о подели балканских и ближневосточних сировина (уговор од 8 јануара 1916) // *Балканика.* Београд, 1982/1983. Књ. 13/14. С. 233—253.

²⁰ *Битевеки К.* Положбата во Вардарска Македонија за време бугарската окупација 1915—1918 // *Гласник на Институт за национална историја.* Скопје, 1960. № 1/2. С. 50 и след.

²¹ *Писарев Ю.А.* *Сербия и Черногория в первой мировой войне.* М., 1968. С. 186.

²² См. библиографию: *Ракочевић Н.* Црна Гора у првом свијетском рату, 1914—1918. Цетиње, 1969. С. 229.

²³ Там же. С. 199—200.

²⁴ *Ракочевић Н.* Прилози историји аустро-угарске окупације Црне Горе (1916—1918) // *ИЗ.* 1960. Св. 3. С. 627.

²⁵ *Прелог М.* Црна Гора и Аустрија почетком 1916 // *Записи.* Цетиње, 1940. Књ. 23. С. 342.

²⁶ *Ракочевић Н.* Црна Гора... С. 227.

²⁷ Там же. С. 232.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 232—233.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

БОРЬБА ПРОТИВ ОККУПАНТОВ В СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ

СЕРБИЯ В НАЧАЛЕ ОККУПАЦИИ

О борьбе против оккупантов в Сербии написана значительная литература, которая была привлечена в настоящей работе¹. В данной книге вместе с тем приводятся новые данные, почерпнутые из советских, югославских и венгерских архивов и других первоисточников.

В своем развитии эта борьба прошла два этапа: начальный, когда она была еще слабой и протекала крайне неорганизованно, и второй, во время которого выступление народных масс стало более активным, постепенно перерастая в партизанское движение. Сразу после военного разгрома Сербии большинство населения страны находилось в шоковом состоянии: сербская армия, одержавшая ранее победы и стойко защищавшая независимость государства, оказалось на грани полной катастрофы, что повлияло на настроение населения². Многих охватила паника, другие находились в растерянности, большинство же просто пассивно ожидало, чем кончится вся эта история. Люди находились под гнетом чувства беспомощности, уж очень сильным казался противник: в Сербию вторглись армии целых трех стран — Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Противник на первый взгляд выглядел непобедимым, с новыми властями надо было считаться. Население страны переживало также горькое чувство обиды на союзников, которые так и не пришли им на помощь, многие видели причину поражений в плохой деятельности своего собственного правительства и верховного командования сербской армии. Сказывалось и еще одно обстоятельство — местнические настроения сельских жителей, составлявших большинство населения Сербии. Забота о судьбе своего села, его безопасности брала верх над общенациональными интересами, и поэтому вместе с армией в организованное отступление устремилась лишь часть населения — в большинстве своем оно осталось на месте. Многочисленными были случаи дезертирств из армии, уход солдат в родную деревню. В Сербии осталась и часть депутатов Народной скупщины, а также значительное число служащих государственных учреждений вплоть до членов правительства и других представителей высших, средних и местных эшелонов власти³.

При этом перебежчики, как правило, не были коллаборационистами: многие искренне верили в то, что они, сотрудничая с оккупационными властями, смогут помочь своему народу, вызволить его из беды или как минимум оказать ему посильное содействие. Такие

настроения, например, испытывали те социал-демократы, которые согласились войти в состав общинных советов в Белграде и других городах австро-венгерской зоны оккупации. Главное правление социал-демократической партии Сербии (ССДП) приняло на этот счет специальное решение еще в сентябре 1915 г., накануне вторжения в Сербию войск Четверного союза, в котором говорилось, что члены партии в случае захвата противником территории Сербии "должны разделить судьбу своего рабочего класса", т.е. остаться в условиях оккупации, чтобы защитить интересы народа⁴.

Против этого решения выступили социалисты-интернационалисты Драгиша Лапчевич и Филип Филипович, но они оказались в меньшинстве: победу одержали социалисты-"оборонцы". Последние вошли в состав общинного управления в Белграде, Вальеве, Ужице, Смедереве, Паланке, Трстенике, Кральеве и ряде других населенных пунктов Сербии. После создания в январе 1916 г. в Белграде Общинного управления в Общинного комитета социалисты приняли участие в этих органах местной власти. С оккупационными властями сотрудничали и представители буржуазных партий. Так, бывший министр в кабинете Н. Пашича либерал Войя Велькович стал председателем Общинного комитета Белграда, а бывший глава правительства либерал (самосталец) Й. Авакумович работал в канцелярии военного генерал-губернатора генерала Салис Севиса⁵.

Однако вскоре выяснилось, что социалистам не удалось выполнить поставленной цели: военные власти, прикрываясь их именем, проводили свой курс⁶. Сотрудничая с социалистами-"оборонцами", они расправлялись с социалистами-интернационалистами. В конце июля был брошен в тюрьму в крепости Калемегдан член Главного правления ССДП Филип Филипович, в августе его перевели в австрийский лагерь для интернированных в Ашахе⁷. Два других функционера ССДП Драгиша Лапчевич и Душан Попович отказались от каких-либо контактов с оккупационными властями. Лапчевич находился в Ябланице и пережил все тяготы оккупации, Д. Попович — редактор газеты "Будучност" ("Будущее") после ее закрытия долгое время находился не у дел, но оказывал помощь своим друзьям по партии, а позже выехал во Францию, где руководил левоцентристским течением в ССДП. Позже он возглавил эту партию⁸.

Несколько особняком стоял социалистический депутат Народной скупщины Триша Кацлерович.

СОЦИАЛИСТЫ СЕРБИИ И ОККУПАНТЫ

В отличие от других руководителей ССДП, Каплерович принял участие в отступлении сербской армии на о-в Корфу, но высказался не за продолжение войны, а за ее немедленное прекращение. Депутат Народной скупщины обратился к правительству с требованием заключить перемирие и распустить войска по домам. Этот меморандум был передан Кацлеровичем сербским властям 18(5) декабря 1915 г. в г. Скутари⁹. В документе вина за поражение сербской армии возлагалась на правительство и буржуазию. По словам

Кацлеровича, она велась за чуждые народу интересы. "Необходимо, — писал он, — сохранить остатки армии от полного уничтожения". Кацлерович предупреждал, что союзники будут использовать сербскую армию в своих корыстных целях¹⁰.

Эмигрировав в Швейцарию, он принял участие в работе второй Циммервальдской (Кинтальской) конференции II Интернационала, созванной 24—29 апреля 1916 г.

В зачитанном им меморандуме давалась оценка мировой войны и позиция сербского правительства. Кацлерович резко осудил участие Сербии в мировой войне. Война, заявил он, ведется сербской буржуазией и монархией с единственной целью создания Великой Сербии и объединения вокруг Сербского королевства югославян. Сербия, утверждал Кацлерович, является членом империалистического блока и выполняет задачи Тройственного соглашения. "Сейчас нет ни оборонительных, ни национальных войск, — констатировал сербский социалист, — все войны являются завоевательными, разбойничьими, грабительскими"¹¹. Сербия в этом отношении, как и другие империалистические государства, ведет завоевательную войну. Зачитанный Кацлеровичем меморандум вызвал в Сербии бурю негодования не только в правящих кругах, но и среди социалистов-"оборонцев"¹². Против депутата Народной скупщины правительством было выдвинуто обвинение в национальной измене. Кацлерович был назван "иностранном агентом", правительство прекратило выплачивать ему жалованье депутата Народной скупщины. Социалисты-"оборонцы" отмежевались от одного из своих руководителей Главного управления ССДП.

В письме Велья Стояновича Драгише Джуричу от 18(5) мая 1916 г. говорилось: "Я еще не разобрался в том как понять Тришу, но думаю, что им допущена ошибка: сейчас ни в коем случае нельзя было передавать этот меморандум меж[дународной] комиссии. Да и от чьего имени он выступил? Кто его уполномочил? Кого он представляет?" И дальше: "Не находишь ли ты нужным дать публичное опровержение. Триша поставил нас в тяжелое положение"¹³.

Социалисты-"оборонцы" не решились на открытую дискуссию, но осудили поступок Кацлеровича. Они были не согласны с его выводами, доказывая, что Сербия вела освободительную войну, тогда как германский блок, напротив, преследовал захватнические цели. Социалисты, стоявшие на интернационалистских позициях, в ту пору тоже активно не поддержали Кацлеровича, и он долгое время оставался в изоляции. Тяжелая ситуация, в которой находились сербские социал-демократы, лишившиеся своей организации, затрудняла их действия¹⁴. Вскоре и сам Кацлерович стал придерживаться более умеренных взглядов, а 17 июня 1916 г. с разрешения австро-венгерских оккупационных властей и лично генерал-губернатора Салис Севиса он вернулся в Сербию, поселившись вместе с семьей в г. Крагуеваце¹⁵. Позже Кацлерович объяснял, что он приехал в страну "по совету Ленина" для ведения революционной пропаганды, что тем не менее не подтверждено документами¹⁶.

Но вернемся к непосредственной теме исследования. Как развивались дальнейшие события в австро-венгерской зоне оккупации?

Уже на первом этапе население Сербии оказывало глухое сопротивление оккупационным властям, выступая против многочисленных поборов, срывая принудительные поставки продовольствия и саботируя распоряжения властей. Однако в целом на этом этапе сопротивление все же было пассивным, и оккупационным властям обычно легко удавалось осуществить свою программу.

Власти во многом были виноваты сами; они придерживались глубоко ошибочной тактики и вместо гибких форм управления с самого начала ориентировались на применение силы. Им не были в достаточной мере привлечены к управлению органы местного самоуправления, отвергалось сотрудничество даже с коллаборационистами, грубо нарушались вековые традиции сербского народа.

Первым генерал-губернатором в австро-венгерской оккупационной зоне Сербии был Иоганн Салис Севис. Он оставил зловещий след в истории Сербии. Сын австрийского аристократа и хорватки-католички, Салис Севис был непримиримым врагом православной церкви и сербских народных традиций. Придя к власти, он проводил курс на порабощение Сербии, полностью отгородился от сербского народа. В каждом сербе Салис Севис видел чуть ли не разбойника или убийцу. Сторясь от населения, генерал-губернатор неизменно разъезжал по Белграду в закрытом автомобиле с усиленной личной охраной. Его фанаберия превосходила всякие границы. Он помыкал подчиненными на службе, не желал считаться с мнением общественности, а однажды подверг аресту бывшего главу сербского правительства либерала Й. Авакумовича только за то, что тот попробовал было оспорить одно из его распоряжений.

При Салис Севисе произошло разграбление православных храмов и монастырей. Генерал-губернатор дал указание вывезти из Белграда архивы Министерства иностранных дел Сербии, которые были отправлены под покровом ночи специальным поездом в Терезиенштадт в распоряжение главной квартиры австро-венгерской армии.

Установив личную диктатуру, военный генерал-губернатор привлекал на службу только военных, не считался даже с представителем МИД графом Л. Сеченьи и главой венгерского правительства графом Тисой, что в конце концов привело их к ссоре. В этом конфликте победу одержали Тиса и Сеченьи: Салис Севис был уволен в отставку и на его место назначен генерал Адольф Ремен. Однако и новый генерал-губернатор мало отличался от своего предшественника: он также ориентировался на управление военными методами. Вместе с тем при Ремене был проведен ряд преобразований в народном хозяйстве, расширены права органов самоуправления, в частности стал работать избираемый населением Общественный совет Белграда. Но было уже поздно — движение сопротивления начало принимать такой широкий характер, что его не могли приостановить куцые уступки генерал-губернаторства¹⁷.

ОБСТАНОВКА В ЧЕРНОГОРИИ

Аналогичная картина наблюдалась и в Черногории. Здесь, как и в Сербии, сразу после капитуляции население в своем большинстве не проявляло активного неповиновения военным властям. В стране преобладали пораженческие настроения и апатия. Впервые в истории своего государства лишившиеся самостоятельности черногорцы долгое время пребывали в растерянности, не понимая причин бегства короля и правительства, были охвачены чувством безнадежности и растерянности. Большинство не примирилось с оккупационным режимом, но сознавало его силу, втайне готовилось к борьбе. Среди черногорцев были и такие люди, кто верил во временное правительство Марко Радуловича и в возможность с его помощью добиться перемен к лучшему. Передача всей полноты власти военным и ужесточение режима при генерал-губернаторстве рассеяли все эти надежды. Особенно непопулярным было решение военных властей об изъятии личного оружия у черногорцев. Это распоряжение вызвало массовое недовольство среди населения, а сама кампания закончилась провалом: черногорцы стали прятать оружие, а часть из них уходила в горы к партизанам.

Большой ошибкой военного генерал-губернатора генерала Виктора Вебера фон Вебенау явилось непродуманное решение вопроса о продовольственном снабжении черногорского населения. В стране наблюдалась острая нехватка хлеба, а в ряде районов начинался голод. Гражданской комиссар Эдуард Отто предупреждал генерал-губернатора, что в этой ситуации опасно вызывать недовольство и без того накаленных до предела жителей, а надо отдать военной интендантуре указание распределить среди них запасы продовольствия, хранящегося в армии, или срочно доставить хлеб из Австро-Венгрии¹⁸. Военный генерал-губернатор вместо этого распорядился ввести снабжение на дифференцированной основе и давать его только тем, кто сотрудничает с оккупационными властями. Государственные служащие и члены их семей стали получать особые удостоверения, по которым могли купить продукты по более низким ценам без затраты дефицитных металлических денег, и, кроме того, им была гарантирована определенная норма как продовольствия, так и товаров народного потребления. Осуществляя эти мероприятия, власти явно просчитались: с ними согласились сотрудничать только 900 человек¹⁹.

Весьма неуклюжий характер имело указание военной комендатуры о реформе народного образования в Черногории. В школах и периодической печати было запрещено правописание на привычной населению кириллице и повсеместно введен латинский алфавит. В результате пострадали сами власти — их распоряжения не могли читать широкие слои населения, а насильственные действия вызвали всеобщий протест²⁰.

Еще более крупной ошибкой военных властей стало преследование православной церкви в стране, что являлось оскорблением религиозных святынь и национально-культурных традиций черногорского народа. Так, по распоряжению генерала Вебера была

уничтожена усыпальница основоположника черногорского государства великого просветителя Петра II Негоша на священной для населения горе Ловчен. Его мощи были выкинута из мавзолея и перенесены в подвалы цетиньского монастыря, который служил также тюрьмой, где томились прикованные цепями узники. Этим надругательство над памятью черногорцев не окончилось; вместо часовни на том же месте стал сооружаться грандиозный памятник в честь победы австрийцев над черногорцами в первой мировой войне.

В результате конкурса был принят помпезный проект скульптора М. Росице "Гений победы" в образе воина австро-венгерской армии, державшего в руках меч с инициалами Франца Иосифа и датой захвата горы Ловчен — "11 января 1916". Монумент из белого камня высотой 32 м был обращен лицом к Адриатическому морю, как бы предупреждая Италию и других противников дунайской монархии, что гора Ловчен — этот "Гибралтар Адриатики" — навечно остается у Австро-Венгрии. Памятник оскорблял чувство национального достоинства черногорского народа. Его сооружение способствовало резкому усилению борьбы черногорцев против захватчиков²¹.

РАЗВИТИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1916 г.

Летом и осенью 1916 г. в Сербии и Черногории заметно усилилось движение сопротивления оккупационным властям, что было связано с надеждами населения этих стран на поражение Четверного союза на Салоникском и Румынском фронтах. В Черногории к этому времени действовало свыше 300 партизанских отрядов²², в Сербии — около 30 тыс. повстанцев²³.

Для координации действий с повстанческим движением Верховным командованием сербской армии в горные районы Сербии был направлен поручик Косто Миколаевич Печанац, а в самом Белграде активизировалась деятельность тайных повстанческих организаций.

Характеризуя общую обстановку в Сербии, полицейский комиссар Белграда доносил военному генерал-губернатору 15 июля: "Политические настроения [населения] для нас неблагоприятны". Он предлагал принять срочные меры для предотвращения всеобщего восстания, которое, по его словам, должно быть приурочено к вступлению в войну Румынии и началу наступления сербских войск на Салоникском фронте²⁴. В июле, в преддверии этих событий, произошли выступления повстанческих чет в Крушевацком, Крагуевацком, Ужицком, Шабацком и Пожеревацком округах, а также в окрестностях населенных пунктов Прнявор и Ябланица и в общинах Борач, Драгушница, Гунтаци и Бумбареве Брдо²⁵.

В конце августа, после вступления в войну Румынии, оживилась деятельность чет в приграничных районах Сербии. Ряд отрядов, находившихся в Румынии и укомплектованных бывшими военнопленными югославянами, предпринял попытку перебраться на территорию военного генерал-губернаторства. Среди них был и знаменитый отряд сербского подполковника (позже полковника) Александра

Срба — будущего участника гражданской войны в Советской России на стороне Красной Армии²⁶. Долгие месяцы продолжали вооруженную борьбу отряды Косты Войновича, Димитра Димитриевица и капитана Илича²⁷.

Во время боев в Добрудже в штабе Верховного командования сербских войск созрел план использования этого театра военных действий для установления контактов с сербскими четами. С этой целью с о-ва Корфу в Одессу прибыл четник (фамилия в документах не указана) из отряда погибшего в 1915 г. майора Войина Танкосича и предложил свои услуги начальнику штаба Второй сербской добровольческой дивизии подполковнику Александру Србу, заявив, что он хочет пробраться в Сербию и связаться там с партизанами. Штабом Одесского военного округа России ему была оказана финансовая помощь для организации перехода в Сербию²⁸.

Подполковнику Србу по предложению начальника штаба округа генерала Маркса и с разрешения командования Второй сербской добровольческой дивизии было предложено встретиться в приграничных районах Румынии с четниками и в дальнейшем взять над ними руководство для организации восстания. В Турну Северин с той же целью выехали два офицера и 10 солдат этого корпуса. По данным, полученным генералом Марксом от двух перебежчиков из Сербии (их фамилии также не указаны), в горах Сербии скрывалось до трех полков четников в ожидании всеобщего восстания²⁹.

Согласно телеграмме военного агента (атташе) России в Румынии Татаринова начальнику Экспедиции особого назначения М.М. Веселкину от 5 сентября 1916 г. и сведениям, посланным последним начальнику Морского генерального штаба контр-адмиралу Д.В. Ненюкову от 15 октября того же года, ЭОН была установлена связь с сербскими повстанческими отрядами³⁰. Ее осуществляли упоминавшийся выше подполковник А. Срб и агент ЭОН в Турну Северине Ратманов. В помощь им ЭОН выделил отряд поручика приморского драгунского полка Милобийского с 50 драгунами. По просьбе подполковника А. Срба отряду были предоставлены ЭОН 2 км телефонного кабеля и аэроплан. Общее руководство этой операцией было возложено на военного агента Татаринова³¹.

В докладе М.М. Веселкина Д.В. Ненюкову речь шла о присылке в Рени оружия для сербских четников и о дальнейшем комплектовании отряда Срба—Милобийского. Помощником командира этого отряда был назначен прапорщик чеченского полка Вишняков³².

После катастрофы в Добрудже австро-венгерским военным властям удалось на время приостановить развитие партизанского движения, а по генерал-губернаторству прокатилась новая волна интернирования и депортирования. Согласно отчету генерал-губернаторства за декабрь 1916 г., всего было депортировано из Сербии в Австро-Венгрию 39359 человек и, кроме того, в самой Сербии было арестовано 2500 человек³³.

В болгарской зоне оккупации также было подавлено повстанческое движение. Здесь было приостановлено восстание в 18-м пехотном полку и в присоединившихся к повстанцам отдельных частях 18-го

ВОЗРОЖДЕНИЕ СЕРБСКОЙ АРМИИ

СОСТОЯНИЕ СЕРБСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Состояние сербской армии после эвакуации на Корфу было критическим, и на ее отдых требовалось употребить несколько месяцев. Очень важной задачей было довооружение войск: в ходе отступления они потеряли почти всю артиллерию, большую часть пулеметов и около 100 тыс. винтовок.

Когда на Корфу прибыла французская специальная комиссия по перевооружению сербской армии, ее руководители растерялись: по существу, все надо было начинать заново, а оружия не хватало в самой Франции, и первое время французам пришлось поставлять сербам устаревшие образцы вооружения.

Российский посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой писал: "Франция дает Сербии устаревшее оружие и в недостаточном количестве. Вместо современного оружия поставляются винтовки устаревшего образца. Армия получила вдвое меньше пулеметов, чем просила Сербия, и только половину требуемой артиллерии"¹. На то же жаловался и верховный командующий сербской армии принц Александр, заявивший, что при плохом вооружении войск нельзя требовать от них немедленной отправки на Салоникский фронт².

Между тем генерал (после Вердена маршал) Ж. Жоффр настаивал на скорейшей переброске сербской армии на Балканский театр военных действий, не считаясь ни с чем. 21 февраля, т.е. менее чем через месяц после прибытия сербской армии на Корфу, он дал поручение начальнику французской военной миссии при сербском правительстве генералу П. Мондезиру об отправке первых отрядов сербских войск в Салоники³. Глава сербского правительства Н. Пашич запросил отсрочки, что встретило резко отрицательную реакцию со стороны Жоффра. Маршал через министра иностранных дел Бриана сделал сербскому посланнику в Париже М. Весничу внушение, указав, что сербское руководство "не учитывает общей ситуации, игнорируя союзные интересы". Французский военный атташе на о-ве Корфу полковник Фурнье высказался резко, назвав сербское правительство "твердолобым", а руководство армией "некомпетентным". Он предложил передать сербские войска под командование французов, что, в свою очередь вызвало протест Верховного командования сербской армии⁴. Регент Александр жаловался Трубецкому: "Для союзников сербская армия является всего лишь орудием, которое они хотят

использовать в своих целях, для нас же — это последнее, что мы имеем”⁵. Инцидент с трудом был улажен дипломатическим путем.

Но вскоре возник новый конфликт — на этот раз с Грецией. Его причиной стали возражения греческого правительства против самой идеи расширения Салоникского фронта и прибытия на него сербских войск. Король Константин был недоволен уже самим фактом присутствия сербских войск на о-ве Корфу, оккупированном Францией и превратившемся в военно-морскую базу союзников. Он считал это нарушением греческого нейтралитета и опасался, что Германия и Австро-Венгрия, в свою очередь, предпримут ответные меры. В Греции велась борьба между венизелитами, сторонниками ориентации страны на державы Антанты, и королем, которого поддерживало правительство С. Скулудиса, занимавшего прогерманские позиции.

Слухи о намерении союзников перебросить на территорию Греции сербские войска вызвали в Афинах возбуждение, и Скулудис еще в марте 1916 г. предупредил державы Антанты о нежелательности этой акции⁶. Реакция великих держав на этот демарш была двойкой. Сторонники активных действий, в том числе А. Бриан и Ж. Жоффер, заявили, что не надо считаться с “капризами Греции” и следует послать сербские войска явочным порядком⁷. Статс-секретарь Э. Грей и другие государственные деятели Англии предложили проводить более гибкую политику и попытаться уговорить Грецию пойти на уступки. Итальянское правительство выступило против перевода сербских войск на Балканы⁸, предложив отослать их в Африку или вообще куда-нибудь подальше от Балкан. По поручению Сазонова посол России в Риме М.Н. Гирс сделал представление министру иностранных дел Италии С. Соннино. “Нельзя смотреть на сербскую армию как на бездушный военный материал, который можно отправлять куда угодно, — заявил он и предупредил: — если сербские солдаты узнают о таком намерении, то они просто могут побросать свое оружие и разбежаться”⁹. Однако греческое и итальянское правительства продолжали сопротивляться, и вопрос о пропуске сербских войск на территорию Греции еще долгое время висел в воздухе.

Для Сербии чрезвычайно важным было восстановление доверия союзных правительств к ее вооруженным силам и создание так называемого “морального климата”, который мог бы вывести войска из кризисного состояния.

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ В ШАНТИИ

С этой целью 4 марта 1916 г. во французский город Шантийи, где созывалась межсоюзническая военная конференция, выехала делегация представителей Верховного командования сербской армии во главе с полковником (позже генералом) Душаном Стефановичем¹⁰.

Конференция имела представительный характер. Ее председателем был главнокомандующий союзными войсками на Западном фронте Ж. Жоффер и уполномоченные верховных командований русскими, английскими и итальянскими войсками. Конференция работала три

дня — 5, 6 и 7 марта — и рассмотрела ряд важных вопросов, в том числе такой животрепещущий для Сербии, как обсуждение ситуации в связи с положением на Балканах. С вступительным словом на-конференции выступил Ж. Жофр, который остановился на анализе итогов военной кампании 1915 г. на Балканах. Докладчик дал высокую оценку действий сербской армии против войск Четверного союза, косвенно признав стратегические просчеты союзного командования, не оказавшего своевременной помощи сербам и черногорцам. "Нападение на Сербию оказалось для нас неожиданным, — сказал он. — Мы были к нему неподготовлены и не приняли соответствующих мер"¹¹. И дальше: "Разбитые сербские войска были отброшены в горы Черногории и Албании, а наши экспедиционные силы (вместо помощи) начали отход к греческой границе"¹².

Это было первое официальное признание как заслуг сербской армии, так и ошибок союзного командования, что имело для Сербии особое значение в свете общего негативного мнения о роли в войне сербских вооруженных сил.

Сербская военная делегация представила участникам совещания в Шантийи два документа — меморандум об итогах военной кампании 1915 г. и записку с предложениями о военных действиях на Балканах в будущем¹³.

В первом документе давалась общая оценка произошедших событий, в целом не расходившаяся с той характеристикой, которую дал им Ж. Жофр. Вместе с тем в меморандуме имелся ряд неточных положений и констатаций. Так, в документе говорилось о том, что одной из причин поражения сербских войск явилось отсутствие помощи со стороны русской армии, которая должна была якобы вторгнуться в Болгарию, высадив морской десант в Варне, и пройти через территорию Румынии навстречу сербским войскам. Это обвинение против России было голословным: ставка не давала подобных обязательств и не могла этого сделать, даже если бы хотела, — русские войска в сентябре 1915 г. вели тяжелые бои на Восточном фронте и не имели возможности снять с него ни одной дивизии¹⁴. Румыния, придерживаясь линии строгого нейтралитета, не позволила бы России нарушить ее границы. В 1915 г. Морским генеральным штабом России не планировались операции в Черном море.

Не отвечали истине и другие положения меморандума. Англия и Франция, как утверждали составители записки, не брали на себя конкретных обязательств послать свои войска в Сербию для похода против Софии в течение ближайших 20 дней. Речь шла о другом — о переброске Экспедиционного корпуса генерала Саррайля в район железной дороги Битоль—Скопле—Ниш для охраны этого важного в стратегическом отношении района.

Наконец, неточным было положение меморандума о том, что сербская армия вела войну на трех фронтах — против Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Последняя не участвовала в нападении на Сербию, Австро-Венгрия главный удар нанесла против Черногории, и сербы вели войну главным образом против Германии и Болгарии, а также

против части австро-венгерских войск, включенных в состав армий генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена. Германские войска прекратили преследование сербской армии 27 ноября, что дало ей возможность отойти на территорию Черногории. Арьергардные бои сербская армия вела только против болгарских и австро-венгерских войск.

Второй документ, записка о плане военных действий на Балканах, содержал ряд интересных предложений, которые в значительной своей части совпадали с предположениями начальника штаба царской Ставки генерала М.В. Алексева¹⁵.

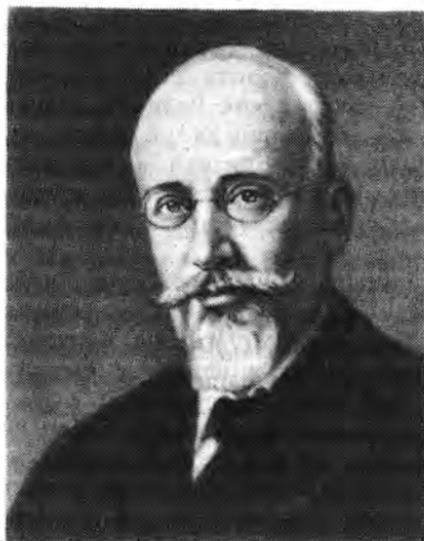
Основным положением обоих планов (М.В. Алексева и сербов) была организация совместных действий всех союзников на Салоникском фронте. По наметкам Верховного командования сербской армии, в них должна была участвовать более чем миллионная армия против 750-тысячных сил Четверного союза. В союзную армию, по расчетам сербов, входили бы следующие войска: 350 тыс. войск Экспедиционного корпуса генерала Саррайля, в том числе 200 тыс. сербских, 30 тыс. черногорских, 120 тыс. французских и английских и 15 тыс. итальянских войск, а также 900 тыс. дополнительных французских, английских и русских войск по 300 тыс. от каждой из этих стран¹⁶.

Сербы предлагали развернуть военные действия по нескольким направлениям: русских войск — против болгар в районе Дуная, на Кавказе и близ Босфора — против турок, итальянцев — в Альпах, французов и англичан, а также сербов и черногорцев — на Салоникском фронте. Задачей этих сил было овладение Константинополем и проливами, вторжение на венгерскую равнину и вывод монархии Габсбургов из войны, а также нанесение удара по Болгарии, Аргументируя значение этого проекта, его составители писали: "Это — единственный способ преградить путь австро-германцам в Царьград и дальше — в Малую Азию на перекресток дорог в Египет, Месопотамию, Персию и Индию"¹⁷.

ПОЗИЦИЯ СОЮЗНИКОВ

Грандиозный план Верховного командования сербской армии не был принят совещанием в Шантийи из-за расхождения мнений между его участниками. В принципе он был поддержан только представителем России генералом Я.Г. Жилинским¹⁸, все остальные заняли более сдержанную позицию.

Главным противником этого плана была английская сторона. Представители Великобритании (кроме генерала Френча, записавшего особое мнение) выступали против усиления Салоникского фронта дополнительными войсками, заявив, что основная задача союзников — обеспечить концентрацию всех сил на Западном фронте. На этой точке зрения стояли военный министр Англии лорд Герберт Китченер, вновь назначенный начальник генерального штаба британской армии генерал Вильям Робертсон и большинство членов Военного комитета Англии. Вот, например, что написал генерал В. Робертсон коман-

Лидер греческой оппозиции
Э. Венизелос

Король Греции Константин I

Командующий Салоникским фронтом
генерал М. Саррайль

Английский посланник в Греции
Ф. Эллиот

дующему английскими войсками в Египте генералу Майеру 15 марта, заверяя его в том, что он будет решительно отклонять любые попытки пополнения войсками Салоникского фронта за счет ослабления сил в Египте и других жизненно важных для Великобритании регионах. "Этот план неприемлем, и я его никогда не поддержу. Будьте в этом твердо уверены. Короче, моя политика — отозвать как можно больше войск из Салоник, и чем раньше, тем лучше. Отклоняю наступление на Балканах, пока для этого не будет созданы благоприятные условия"¹⁹.

Иную точку зрения высказывали министр финансов Дэвид Ллойд Джордж, Эдвард Карсон, Бонар Лау и члены так называемого "Балканского клуба" в парламенте. Они считали, что на Балканах надо сохранить присутствие английских войск в целях не столько помощи Сербии, сколько давления на нейтральную Грецию.

Глава правительства Англии Генри Асквит и статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдуард Грей, а также его первый помощник Артур Никольсон занимали колеблющиеся позиции: они поддерживали то Ллойда Джорджа, то его главных оппонентов, Китченера и Робертсона²⁰.

Во Франции сторонниками создания Салоникского фронта были маршал Ж. Жоффри и премьер-министр и министр иностранных дел Аристид Бриан. Но они придерживались той точки зрения, что фронт должен быть использован главным образом для оборонительных, а не наступательных целей.

Первая конференция в Шантийи закончилась для сербской делегации безрезультатно; ее участники ограничились принятием представленной Верховным командованием сербской армии "Записки о военных действиях на Салоникском фронте" к сведению, не выработав какого-нибудь конкретного решения.

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ШАНТИЙИ

По-иному сложилась ситуация на второй конференции союзников в Шантийи, состоявшейся 12 марта²¹. За это время были проведены переговоры между Францией и Англией о дальнейших планах ведения войны, что сыграло важную роль в решении конференции об открытии Салоникского фронта. В ходе этих переговоров союзники условились об использовании на балканском театре военных действий сербской армии. Франция взяла на себя обязательство принять активное участие в перевооружении сербских войск, Англия и Россия обязались предоставить с этой целью кредиты. Кроме того, союзники подписали соглашение об оказании продовольственной помощи сербскому населению и о транспортировке сербских войск с Корфу в Салоники.

На встрече в Шантийи было принято важное решение об открытии Салоникского фронта. Однако это соглашение было далеко не полным. Великие державы по-прежнему не определили своей позиции по вопросу о том, какие главные задачи должны быть возложены на командование фронтом и будет ли он вести активные наступа-

тельные действия или ограничится обороной. Английская сторона настаивала на оборонном варианте. Россия высказывалась за масштабные наступательные операции всех союзников, а не только сербской армии. Италия заявляла, что она сможет принять лишь ограниченное участие в военных действиях на Балканах, так как должна прежде всего заботиться о собственной обороне. Франция соглашалась послать в Салоники свои войска, но оговаривала, что главным образом это будут колониальные части.

На конференции был рассмотрен вопрос о командовании войсками союзных армий. Сербия отклонила предложение Жоффра о передаче руководства своей армии французским высшим офицерам. Было принято компромиссное решение о сохранении за французами верховного командования Экспедиционным корпусом при непосредственном подчинении каждого из союзнических войск своему командованию. Генерал М. Сарраиль получил право издавать приказы "от имени Верховного командующего сербской армии королевича Александара"²².

ПЕРЕДИСПЛОКАЦИЯ СЕРБСКИХ ВОЙСК НА САЛОНИКСКИЙ ФРОНТ

20(7) апреля сербское правительство обратилось к главе греческого правительства С. Скулудису с запросом о возможности отправки войск сухопутным путем через территорию Греции, аргументируя это тем, что последняя, хотя и объявила нейтралитет, официально не денонсировала союзнический договор от мая 1913 г., который обязывал ее поддерживать Сербию в случае нападения на нее Болгарии. Н. Пашич заверил при этом греческое правительство, что Сербия не нарушит нейтралитет страны, ограничившись использованием греческих путей сообщения для переброски войск к позициям союзников в районе Салоник²³. Сербский посланник в Афинах Живоин Балугжич испросил аудиенции у короля Константина, чтобы разъяснить эту позицию²⁴. Но названная встреча так и не состоялась.

Тем временем положение осложнилось из-за вмешательства Германии. 10 апреля король Константин получил из Берлина предупреждение о том, что Германия будет рассматривать передвижение сербских войск по территории Греции как "враждебное против себя действия"²⁵.

12 апреля российский посланник в Греции Е.П. Демидов в докладе С.Д. Сазонову известил о том, что король Константин опасается как позиции Германии, так и действий французских войск, которые под предлогом сопровождения сербской армии могут расширить свои позиции в Греции. Встретившись с главой греческого правительства Скулудисом, Демидов попытался было развеять эти опасения, указав, что ни французы, ни сербы не останутся в Афинах, а проследуют на Салоники²⁶. На следующий день Демидов повторил эти доводы, прося Скулудиса пропустить сербские войска хотя бы по одной Ларисской железной дороге, но опять натолкнулся на отказ. "Скулудис, — сообщал он Сазонову, — категорически отказался допустить сербов к греческой железной дороге как по принци-

пиальным, так и по техническим и санитарным причинам, сославшись на протест населения". Демидов высказал предположение, что этот "протест" организован самим греческим правительством и что Скулудис опасается не только Германии и Австро-Венгрии, но и Франции²⁷. Ничего не дали и две встречи Демидова 12 и 13 апреля с самим королем. "Король, — телеграфировал Е.П. Демидов Сазонову, — придумывал отговорки, ссылаясь на возможное сопротивление населения прохождению чужих войск"²⁸. Получив это донесение о позиции греческого правительства, царь написал на его полях 2 мая: "Греки сами во всем виноваты", т.е. дал понять, что Афины преднамеренно затягивают решение вопроса о пропуске по железной дороге сербских войск²⁹.

Греческий монарх в беседах с русскими дипломатами прямо заявил, что его беспокоит возможность "создания французской контрольно-полицейской службы на территории страны"³⁰.

В конечном счете было принято компромиссное предложение Грея об отправке сербских войск кружным путем по морю через Коринфский канал в Салоники. Однако сами англичане при этом стали "экономить" на транспорте. Регент Александр пожаловался Демидову, что Англия "чрезвычайно скупится, урезывая даже самое необходимое на содержание солдат". Морская транспортировка сербов легла главным образом на Францию. В ней приняли участие два судна Российского Добровольческого флота "Тамбов" и "Ярославль", находившиеся в Марселе³¹.

К 20-му числам мая перевозка сербских войск в Салоники была закончена. По морю было доставлено 119 тыс. солдат и офицеров. На Корфу осталось 3,5 тыс. больных и раненых воинов, в Бизерте — 11 тыс. человек из новобранцев, во Франции — 4 тыс. человек. Последние должны были обеспечить интендантскую службу³².

Перед передислокацией сербские вооруженные силы были реформированы и вместо четырех армий, имевшихся ранее, созданы три, каждая из которых состояла из двух дивизий. В 1-й армию вошли Моравская и Вардарская дивизии, во 2-ю — Шумадийская и Тимокская, в 3-ю — Дринская и Дунайская. Ими командовали генералы Петар Боевич, Степа Степанович и Павле Юришич-Штурм, которого осенью 1916 г. заменил Милан Васич. Кроме того, была сформирована отдельная кавалерийская дивизия из четырех полков, находившаяся в непосредственном подчинении Верховного командования во главе с регентом Александром. К Верховному командованию были прикомандированы военные агенты России, Франции и Англии. В свою очередь, Сербия послала в эти страны собственных военных представителей³³.

Сербское правительство не переехало вместе с армией, а осталось на о-ве Корфу. Проект посланника Сербии в Англии Йована Йовановича перенести его резиденцию в греческий город Флорина или македонский город Битоль (Монастырь) не был реализован, так как против Флорины возражали греки, а Битоль даже после освобождения оставался в кольце³⁴.

Существовал также у союзников проект превращения Салоник,

которые находились под контролем французских и английских войск, в административный центр Греции, однако они вскоре приняли иное решение — попытаться перетянуть на свою сторону всю Грецию, а не только ту ее часть, где находилось правительство Венизелоса³⁵.

Державы Антанты стали отдавать себе отчет о том, что на Балканах надо создать действительно сильную союзную армию численностью не менее 500 тыс. солдат и офицеров, подчиненных ее единому командованию. Только при этих обстоятельствах можно было надеяться на успех.

Однако эти планы долго не выполнялись. Союзники по-прежнему продолжали делать главную ставку на оборону Западного фронта, а на Балканы посылали преимущественно второсортные колониальные войска — марокканцев, сенегальцев, зуавов. Летом 1916 г. на Салоникском фронте насчитывалось всего 200 тыс. союзных войск. Затем подошли еще 100 тыс. Этих сил было явно недостаточно для осуществления наступательных действий. Основная тяжесть боев легла на плечи сербской армии³⁶. Ей в помощь из Франции были переброшены две русские пехотные бригады — 2-я и 4-я общей численностью около 10 тыс. человек. Конечно, и эти силы были невелики. Значительно важнее было то, что русские войска стали бороться вместе с сербами.

Горячо приветствуя присылку русских войск, регент Александр направил царю послание, где говорилось: "Только обретение сербами, хорватами и словенцами общей родины обеспечит нашу независимость и создаст надежную преграду экспансии Германии на Восток"³⁷.

Царь прислал следующий ответ: "Недалек час возрождения Сербии. С помощью России и ее союзников сербский народ осуществит свою вековую национальную мечту и обеспечит свободу развития своей политической и экономической жизни"³⁸.

К концу 1916 г. более четко, чем раньше, определилась внешнеполитическая ориентация царского правительства в его взаимоотношениях с Сербией и Черногорией. Оно стало с большей определенностью поддерживать Сербию, а не Черногорию. Для этого имелись все основания — черногорская монархия после военной капитуляции страны потеряла свой международный авторитет, тогда как Сербия, напротив, стала приобретать все большее влияние в Европе. В Петрограде появились планы объединения двух этих государств под жезлом сербской династии Карагеоргиевичей. Однако этим планам сопротивлялся черногорский король Николай Петрович-Негош. Находясь во Франции, он создал эмигрантское правительство, которое повело борьбу с сербским правительством. Противоречия между обоими правительствами стали приобретать более острый характер.

¹ АВРП. Ф. Канцелярия. 1916. Д. 59. Л. 20. Г.Н. Трубецкой — С.Д. Сазонову. Корфу, 1916. 29. II.

² Там же. Д. 57. Л. 21. Г.Н. Трубецкой — МИД. Корфу, 1916. 20(7). II.

³ ДА ДСИП. ПО. 1916. Ф.Х. Досье 3.

⁴ Живановић М.: О евакуацији српске војске у Албанији и њеној реорганизацији на Корфу 1915—1916: Према француским документима // ИЧ. 1963/1965. Књ. 14/15. С. 252.

- ⁵ АВПР. Ф. ПА. Д. 4039. Л. 2. Г.Н. Трубецкой — С.Д. Сазонову. 1916. 22(9).II. № 30.
- ⁶ Там же. Д. 4038. Л. 30. А.П. Извольский — С.Д. Сазонову. Париж, 1916. 23.III. № 227.
- ⁷ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX. № 572, 636.
- ⁸ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 492. Б.П. Пелехин — МИД. Корфу, 1916. 3.IV. № 63.
- ⁹ МОЭИ. Сер. 3. Т. IX, № 572, 636.
- ¹⁰ *Оначић П.* Дипломатска борба за одржање Солунског фронта // ИИ ЗР. Београд, 1986. Књ. 5. С. 99, 122.
- ¹¹ *Стефановић Д.* У француској Врховној команди за време рата 1915 // Ратник. Београд, 1931. № 10. С. 12.
- ¹² Там же. № 11. С. 4.
- ¹³ Там же. № 12. С. 58—61.
- ¹⁴ В этой связи представляется необоснованным упрек югославского историка Б. Храбака в адрес Ставки о том, что она не оказала помощи Сербии. См.: *Храбак Б.* Русија и "спасавање" Србије у есен 1915 године // ИЧ. 1976. № 24.
- ¹⁵ *Стефановић Д.* Указ. соч. № 12. С. 58—61.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Цит. по: *Оначић Т.* Указ. соч. С. 102.
- ¹⁸ Там же. С. 103.
- ¹⁹ *Живојиновић Д.* Выступление в дискуссии: Научни скуп Србија 1916 г. // ИИ ЗР. Београд, 1986. Књ. 5. С. 358.
- ²⁰ *Робертсон В.* Солунская экспедиција // Ратник. Београд, 1937. № 78. С. 106.
- ²¹ АВПР. Ф.ПА. Д. 4038. Л. 42. С.Д. Сазонов — Е.П. Демидову. Петроград, 1916. 7.IV.
- ²² Там же. Л. 44. Е.П. Демидов — С.Д. Сазонову. Афины, 1916. 10.IV.
- ²³ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 492. Л. 9. Е.П. Демидов — С.Д. Сазонову. Афины, 1916. 10.IV. № 239.
- ²⁴ Там же. № 241.
- ²⁵ Там же. Л. 11. Е.П. Демидов — С.Д. Сазонову. Афины, 1916. 13.IV. № 24.
- ²⁶ АВПР. Ф.ПА. Д. 4038. Л. 54—55. Е.П. Демидов — С.Д. Сазонову. Афины, 1916. 2.V. № 279.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 59. Е.П. Демидов — МИД. Афины, 1916. 12.IV. № 241.
- ²⁹ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 492. Л. 14. А.П. Извольский — А.А. Нератову. Париж, 1916. 18.IV. № 291.
- ³⁰ Там же. Л. 26. В.А. Артамонов — ГУГШ. Салоники. 1916. 20.V. № 520.
- ³¹ ВРС. Књ. XV. С. 257, 258.
- ³² АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 492. Л. 26. В.Ф. Каль — МИД. Афины, 1916. 2.V. № 82.
- ³³ Там же. Л. 22—23. Поденная запись МИД. 1916. 13.IV.
- ³⁴ См.: *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны, 1914—1918. М., 1990. С. 66—82.
- ³⁵ *Алиптић М.* Солунски фронт. Београд, 1967. С. 80—81.
- ³⁶ *Писарев Ю.А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1913—1918 г. // ИЗ. 1966. Т. 79. С. 111—114.
- ³⁷ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 492. Л. 18. Регент Александр — Николаю II. Париж, 1916. 10.IV.
- ³⁸ Там же. Л. 19—20. Николай II — регенту Александру. Петроград, 1916. 30.IV.

СЕРБСКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**БЕГСТВО ЧЕРНОГОРСКОГО КОРОЛЯ ВО ФРАНЦИЮ
И СОЗДАНИЕ ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

21 января 1916 г. в 11 часов утра от морского причала в Сан-Джованни-ди-Медуа отошло итальянское военное судно, направлявшееся со строго секретным специальным рейсом в Италию. На его корме находился тщательно скрывавший свою личность король Черногории. Командой корабля были приняты все меры предосторожности — он шел без опознавательных знаков, постоянно маневрируя, чтобы избежать встречи с австро-венгерскими подводными лодками, и в густом тумане, затруднявшем действия вражеской авиации. Впрочем, эти меры были ненужными, черногорским монархом уже никто не интересовался — судьба его страны была предрешена, и пленение главы черногорского государства не входило в планы командования 3-й австро-венгерской армии, ожидавшей с часу на час неизбежной капитуляции остатков черногорских войск.

Поздно вечером того же дня король прибыл в итальянский порт Бриндизи, откуда железной дорогой направился во Францию, даже не остановившись в Риме, где его ожидала королева Италии Елена, дочь Николая¹. Самодержец спешил, опасаясь покушения на себя какого-нибудь мстителя. Перед его встревоженным воображением вставала запомнившаяся с юности картина: окровавленный труп его дяди князя Данилы, убитого черногорцами в Котарро в 1860 г. Но добрался он тем не менее благополучно и через два дня был уже в Лионе, куда приехали и члены его семьи — королева Милена, младший сын королевич Петр, дочери Ксения и Вера, а также сопровождавшие их лица. Два старших сына короля, престолонаследник принц Данила и королевич Мирко, не поехали с отцом — первый находился в Швейцарии, где вел развеселую жизнь, слоняясь по кабакам, второй остался в Черногории и позже стал сотрудничать сначала с временным правительством Марко Радуловича, потом примирившись с оккупационными властями.

Здесь же, во Франции, оказались председатель Совета министров Черногории Лазарь Миошкович, еще ранее бежавший из страны, эмиссар Николая Андрия Радович и ряд других государственных деятелей. Из их числа королем было сформировано эмигрантское правительство во главе с Л. Миошковичем. Оно не сразу было признано союзниками, которые не знали, что делать с беглым королем. Одни руководители великих держав считали короля предателем

черногорского народа, другие относились к его бегству более терпимо, третьи полагали, что его можно еще использовать в борьбе с Австро-Венгрией.

Во Франции, Италии и России ряд государственных деятелей выступали за поддержку короля Николая. На этой позиции стояли российский посол в Париже А.П. Извольский, министр иностранных дел Франции Аристид Бриан, его итальянский коллега Сидней Соннино, генеральный секретарь МИД Франции Жюль Мартен Камбон, король Италии Виктор Эммануил и государственный секретарь США Роберт Лансинг.

В Австро-Венгрии и Германии реакция на бегство короля Николая и военное поражение Сербии и Черногории была двоякой. Правящие круги держав Центральной коалиции в подавляющем большинстве выразили удовлетворение этим событием, считая, что оно знаменовало собой упрочение позиций германского блока на Балканах и явилось предвестником успешного для него окончания войны. Так, австрийский официоз газета "Нойе фрайе прессе" в передовой от 14 января 1916 г. писала: "Конечно, Черногория не бог весть какая обширная страна, но завоевание ее Австрией и Германией имеет огромное политическое значение... Теперь твердыня сербской независимости подпала под нашу власть. Уничтожено последнее прибежище поборников сербской смуты"².

Орган венгерских монополистов газета "Пештер Ллойд", злословя по поводу постигшей короля Николая неудачи, отмечала: "55 лет сидел в своем орлином гнезде лукавый Никола, хищным взором глядя на страны Европы... Теперь он превратился в бездомного бродягу"³.

Начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал-фельдмаршал франц Конрад фон Гетцендорф настаивал на лишении короля Николая престола и ратовал за полную ликвидацию независимого черногорского государства и за включение территории страны в состав монархии Габсбургов⁴. На той же позиции стояли австрийский военный министр генерал Александр Кробатин, министр-президент Австрии граф Карл Штюркк и многие другие государственные деятели дунайской монархии⁵.

Но среди них были и противники аннексии Сербии и Черногории. Как уже подчеркивалось, наиболее отчетливо эту точку зрения высказал министр-президент Венгрии граф Иштван Тиса⁶.

К его взглядам был близок ряд венгерских дипломатов. Во внешнеполитическом ведомстве Австро-Венгрии на Балльхаузплатце был разработан план проведения тайных переговоров с королем Николаем и премьер-министром его правительства Л. Мюшковичем о возможности заключения с Черногорией сепаратного мира, а посланнику в Мадриде князю Фюрстенбергу было получено передать королю предложение переехать в нейтральную Испанию⁷. Германия, в свою очередь, возобновила контакты с черногорским престолонаследником королевичем Данилой. Внешнеполитическое ведомство на Вильгельмштрассе использовало с этой целью знакомство своего агента графа Бернсдорфа с супругой Данилы Ютой (Милицей), урожденной герцогини-

Черногорский король Николай I, королева Милена и их дочери Вера и Ксения в Нейи

ней Мекленбург-Нойсфелиц, дальней родственницей прусских Гогенцоллернов. Берлином были предприняты и другие попытки установить связи с черногорской королевской фамилией¹.

Все это вызвало беспокойство во Франции и России. На Кэ д'Орсе было принято решение изолировать короля Николая от внешнего мира, переселив его из частной гостиницы в Лионе в более надежное место подальше от швейцарской границы. На этом особенно настаивал руководитель ведомства на Кэ д'Орсе Жюль Камбон, с которым были согласны А.П. Извольский и российский посол в Италии М.Н. Гирс. "Вполне разделяю мнение Камбона о желательности удаления черногорского короля и его правительства от швейцарской

границы”, — извещал царского министра иностранных дел С.Д. Сазонова М.Н. Гирс в телеграмме от 24(11) января 1916 г.⁹

Сначала черногорскому монарху была предоставлена вилла близ Лиона, которая находилась под охраной французских солдат, и за которой бдительно следили детективы, затем возник план переселения его в Фонтенбло или Сен-Жермен, в конце концов остановились на следующем варианте: правительство короля переезжает в Бордо, а король в пригород Парижа Нейи. (В мае правительство переехало туда же¹⁰).

Великие державы еще не отказались окончательно от планов возвращения короля на престол в Черногорию. Такой вариант, например, вынашивали США и Англия и особенно Италия¹¹. Россия стояла за объединение Черногории с Сербией¹², Франция колебалась. Она поддерживала Сербию, но не хотела упустить из-под своего влияния и черногорского короля.

Николай и его двор находились на содержании держав Антанты. В Нейи эмигрантскому правительству и семье короля были предоставлены солидные помещения. Над особняком монарха вывешивался королевский штандарт, над зданием правительственной канцелярии — государственное знамя Черногории. К королю были приставлены лейб-медик и адъютант, выезды монарха сопровождал почетный эскорт из французских гренадеров. При королевском дворе были аккредитованы представители союзных государств — чрезвычайные и полномочные посланники Франции и Италии, а также временные поверенные в делах России, Англии и Сербии. Грецию представлял греческий посланник во Франции. США признавали черногорское правительство де-факто. В свою очередь, королевский двор имел консульскую службу в ряде европейских государств¹³.

Черногорский монарх получал ежемесячные субсидии от России, Франции, Англии и Италии и, кроме того, страховые премии из парижских банков. Размер финансовых пособий был весьма велик — в 1916 г. субсидии составляли 300—400 тыс. франков в месяц. Вокруг этих поступлений кормились многие — семья короля, его министры и чиновники, эмигранты, военные, многочисленная челядь и просто случайные лица. Это заставило союзников пересмотреть систему финансирования. В 1917 г. сумма субсидий была сокращена до 200—240 тыс. франков в месяц, но и она была более чем значительной¹⁴. “Финансы Черногории благодаря щедрой поддержке союзников, — отмечали и.о. российского посланника при черногорском дворе Л.В. Иславин, — по-видимому, никогда не были в столь блестящем состоянии, как ныне”¹⁵. Король Николай располагал большим состоянием, на его счету числилось более 4 млн франков¹⁶.

Первое время за королем старательно ухаживали. Августейшей особе предоставляли возможность посещать парады, маневры и разводы войск, приезжать в качестве почетного наблюдателя на Западный фронт. Французский президент приглашал Николая на прием в Елисейский дворец; в его распоряжение были предоставлены два автомобиля, что в ту пору было редкостью¹⁷. Но дальше показных приемов дело не шло. Черногорскому королю неизменно отказывали, когда он хотел сформировать свои вооруженные силы. Царь,

поддерживавший план включения черногорцев в сербскую армию, не захотел принять "русского фельдмаршала" короля Николая в Петрограде для переговоров о создании черногорского войска¹⁸. "Безусловно отказываю в поездке короля Николая в Россию во время войны", — написал царь резолюцию на донесении Л.В. Иславина о намерении черногорского монарха приехать в Петроград¹⁹. Глава российского государства не захотел предоставить преимущества черногорской королевской фамилии перед сербами и порекомендовал Николаю определить своего сына королевича Петра в штат 1-й русской бригады генерала Лохвицкого, которая находилась во Франции²⁰.

Теми же соображениями руководствовался и представитель царской Ставки при Верховном командовании союзных войск во Франции генерал Я.Г. Жилинский, отказав королю в почетном эскорте, составленном их русских офицеров. "До сих пор не было прецедента назначения русских офицеров к иностранным монархам, находившимся вне России", — сообщал он директору дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили 2 апреля 1916 г. Царь, прочитав телеграмму Жилинского, одобрил этот шаг: "Считаю это излишним"²¹. Французское, английское и русское правительства и союзное военное командование даже не считали нужным доводить до сведения черногорского правительства решение, которые могли его интересовать. Черногорский представитель не приглашался на военные конференции союзников в Шантийи²². Без согласия королевского правительства было принято решение о включении черногорских добровольцев в состав сербских и французских войск Салоникского фронта. С королем Николаем не считались и в других важных случаях. Когда же он пытался сопротивляться, на него оказывали финансовое давление, приостанавливая выплату субсидий. Особенно часто к этому способу прибегала Англия. Отношение союзников к черногорскому монарху было строго официальным, покровительственным, порой даже пренебрежительным. Роль короля была более чем жалкой: он числился в монархах, но не царствовал и не управлял.

Еще более жалкое впечатление производил глава черногорского правительства Лазарь Миюшкович. Он не только был слабым руководителем, с которым никто не считался, но и имел дурную репутацию склочника и интригана. Он сорвался по мелочам даже с королем и, когда его обвиняли в капитулянтстве, пытался свалить обвинение за поражение Черногории на Николая. Последний долго терпел Миюшковича, но был вынужден в конце концов уволить его в отставку. По совету Иславина и Камбона король назначил преемником Миюшковича Андрия Радовича, бывшего министра финансов, однако снова просчитался.

ВОПРОС ОБ ОТРЕЧЕНИИ НИКОЛАЯ

Радович оказался сторонником сближения Черногории с Сербией и выдвинул предложение об отречении короля от престола в пользу сербского королевича Александра Карагеоргиевича, сына непримиримого врага Николая короля Петра I.

Предложение Радовича застало Николая врасплох. Он не только не собирался уступить свой трон противнику, но и надеялся вернуться в Черногорию "на белом коне".

Однако выяснилось, что за спиной Радовича стоят Россия, Франция и даже Англия, которые все больше стали ориентироваться на Сербию, а не на Черногорию, постепенно списывая последнюю со счета.

В такой ситуации король решил прибегнуть к маневрам, затягивая ответ Радовичу, он дал лживые обещания союзникам о своей готовности пойти на сближение с Сербией и даже возглавить борьбу против Австро-Венгрии.

Российский министр иностранных дел Б.В. Штюрмер писал по этому поводу и.о. посланника при королевском дворе Л.В. Иславину от 21 августа: "В случае, если в беседе с Вами король Николай затронет вопрос о своем отречении от престола в пользу королевича Александра сербского, поймите в виду, что слияние двух братских народов будет встречено с нашей стороны с чувством полного удовлетворения. Однако опыт последних лет показал, что ко всякого рода подобным намерениям необходимо подходить с большой осторожностью, так как очень может быть, что за ними скрываются какие-нибудь другие планы. Во всяком случае, Вам следует воздерживаться от каких-либо связывающих нас обязательств". На этом документе царь Николай II наложил резолюцию: "Согласен"²³. Иславин предпринял попытку узнать об истинных планах короля, поставив перед ним три вопроса: 1) собирается ли черногорский монарх действительно отречься от престола за себя и своих сыновей; 2) намерен ли он в этом случае уступить престол сербскому королевичу Александру или предпочтет передать его своему внуку, малолетнему сыну принца Мирко Михайлу, и 3) оставит ли он престол за собой до конца своей жизни или, напротив, уступит его своему старшему сыну Даниле²⁴. Л.В. Иславин надеялся вывести короля на чистую воду, но потерпел полное фиаско. Николай не только не ответил ни на один вопрос, но и сам перешел в наступление. Явившись к А.П. Извольскому, он пожаловался на Иславина, сказав, что посланник пытался оказать на него давление. Продивая крокодиловы слезы, король заявил, что само предложение об отречении является для него оскорбительным. "Неужели у вас (в России. — Ю.П.) не удивились бы моему намерению покинуть престол в такую минуту, когда я нахожусь вдали от Родины, к тому же у меня ведь есть сыновья"²⁵.

Извольскому не осталось ничего другого, как заверить Николая в том, что ему "неизвестен взгляд на этот вопрос царского правительства"²⁶. Николай торжествовал победу.

Однако вскоре положение дел коренным образом изменилось. Радович, порвав с королем, начал формировать оппозиционную Николаю организацию "Черногорский комитет народного объединения", возобновив требование об отречении короля.

ПОЗИЦИЯ СЕРБИИ В ВОПРОСЕ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ПРЕСТОПА ЧЕРНОГОРСКОГО МОНАРХА

Сербское правительство стало поддерживать Андрия Радовича, оказывая финансовую помощь его комитету. Посланник Сербии в Париже Миленко Веснич повел скрытую борьбу против Николая по линии дипломатии, а министерство просвещения развернуло пропагандистскую кампанию за объединение Черногории с Сербией. Конфликтную ситуацию вызвали меры Верховного командования сербской армии по наведению порядка среди черногорских добровольцев на Корфу и на Салоникском фронте. Для этого имелись основания — черногорцы отказывались подчиниться строгой военной дисциплине, заявляли, что будут воевать только под своим национальным знаменем, требовали создания особых черногорских частей²⁷. Их подогривал к непослушанию сербским властям представитель короля Николая в Салониках Нико Хайдукович. Он вел среди черногорцев контрпропаганду, отговаривая их от сотрудничества с сербами. Дело дошло до того, что Хайдукович отказался передать в распоряжение Верховного командования сербской армии присланное из России продовольствие и медикаменты — 5029 мешков пшеницы, 4414 мешков кукурузы и 103 комплекта медицинских препаратов²⁸. Эта посылка, собранная на добровольные пожертвования русской общественности, вначале предназначалась для Черногории, но вместо черногорского порта Бар (Антивари), занятого австро-венгерскими войсками, была разгружена в Салониках. По предложению российского генерального консула В.Ф. Каля интендантская служба решила передать зерно и медикаменты сербским войскам. Но этому помешал Хайдукович, заявив, что он "ни в коем случае не позволяет сербам распоряжаться собственностью Черногории"²⁹. Не согласился он и с предложением генерала Саррайля продать зерно экспедиционным войскам, а вырученные деньги передать в распоряжение черногорского королевского правительства. В результате "русская помощь" не досталась никому; пролежав до поздней осени на складах Греции, зерно испортилось и было продано за бесценок на корм скоту. Хайдукович скрыл от общественности всю эту печальную историю, и о ней стало известно лишь сегодня из обнаруженных исследователями архивных документов³⁰.

Рассорившись на этой почве с российским консульством и командующим французскими войсками в Салониках генералом Саррайлем, Хайдукович покинул Грецию, оставив черногорских добровольцев без своего покровительства. Прибыв во Францию, а затем в Англию, он продолжал враждебную Сербии деятельность, выступая против сближения Черногории с Сербией.

Также был настроен и сам король Николай. В январе 1916 г. он отказался послать на о-в Корфу своего представителя; черногорский монарх был противником переговоров с Пашичем во время его приезда во Францию в марте, в ноябре того же года он демонстративно воспрепятствовал посылке приветствия верховному командующему сербской армии Александру по случаю взятия сербами г. Битоля.

Сербы со своей стороны тоже игнорировали короля Николая. Они отказались от создания черногорского войска, по распоряжению Александра был распущен добровольческий батальон черногорцев на Салоникском фронте³¹.

В основе сербско-черногорских противоречий лежала взаимная борьба двух правящих династий — черногорской династии Петровичей-Негошей и сербской династии Карагеоргиевичей за гегемонию в решении югославянского вопроса. Соперничество монархов осложнялось личной неприязнью короля Николая к сербскому королю Петру I. Они были родственниками (Петр был женат на дочери Николая Зорке), но это обстоятельство не способствовало сближению двух фамилий, скорее наоборот — содействовало их разъединению, Междоусобица и взаимная грызня были характерными особенностями политической жизни на Балканах. Эти черты в свое время подметил Бисмарк. "Балканские народы, — говорил он, — нас ненавидят, но господь Бог в своей премудрости сделал так, что друг друга они ненавидят еще больше". Взаимная неприязнь Николая Петровича и Петра Карагеоргиевича имела почти патологический характер.

Сербский король Петр отказался приехать в Черногорию даже под угрозой попасть в плен к австрийцам и вместо встречи с черногорским монархом во время отступления сербской армии избрал для эвакуации более сложный путь через Албанию. Король Николай, со своей стороны, распространил свою ненависть на сына Петра — принца Александра, хотя он был его родным внуком.

Повторное предложение А. Радовича об отречении Николая в пользу Александра Карагеоргиевича было воспринято черногорским монархом как предательство самой идеи сохранения черногорской государственности. Он не только отклонил сам план сближения с Сербией во имя победы над общим врагом, но и стал подумывать о союзе с Австро-Венгрией.

Сначала король Николай предпринял попытку найти поддержку у итальянского правительства. С этой целью он выехал в Рим под предлогом встречи со своей дочерью Еленой, королевой Италии, и своим зятем королем Виктором Эммануилом III.

Эта встреча прошла на высшем уровне. Черногорскому монарху в Риме были оказаны царские почести — он был торжественно принят при дворе, его наградили высшим итальянским орденом. О нем писала столичная пресса. Виктор Эммануил и министр иностранных дел Италии Сидней Соннино надавали черногорскому королю кучу обещаний, которые, однако, не собирались выполнять на деле. Так, они посулили Николаю военно-морскую гавань Коттаро, принадлежавшую Австро-Венгрии. Ее еще надо было завоевать, что при тогдашней ситуации, в которой находилась Черногория, было делом нереальным. Столь же лживым было и обещание Соннино о создании черногорского войска — против этого возражали Россия, Франция и Сербия, да и сама Италия не собиралась предоставлять Черногории права иметь свои войска в Албании³². Итальянские посулы Николаю носили пропагандистский характер, так как в Риме не были заинтересованы в создании сильного югославского государства, что могло

произойти в результате объединения Сербии и Черногории. Еще до окончания войны итальянская дипломатия вынашивала свои собственные планы послевоенного устройства мира. В Риме, в частности, претендовали на ту же бухту Коттаро, не желая передавать ее ни Сербии, ни Черногории. О подлинной позиции Италии в этом вопросе говорит следующая беседа итальянского посла в Петрограде маркиза А. Карлотти ди Рипербелло с российским министром иностранных дел Б.В. Штюмером 29 августа 1916 г. По словам А. Карлотти, в Риме были чрезвычайно обеспокоены возможным отречением черногорского короля в пользу сербского королевича и считали в связи с этим желательным пересмотр некоторых постановлений касательно портов на Адриатическом море. Посол отметил, что Италия вначале соглашалась на присоединение Котарской бухты к Черногории, исходя из предположения, что она сохранит свою государственную самостоятельность. Но он подчеркнул, что перспектива ее присоединения к Сербии меняет дело, так как создание сильного славянского государства в бассейне Адриатики может создать новый баланс сил в этом регионе³³.

Б.В. Штюмер уклонился от прямого ответа на вопрос об отношении России к проблеме перехода Котарро к Сербии, обратив при этом внимание Карлотти на то, что Италия уже получила ряд преимуществ по Лондонскому секретному договору 1915 г. "Вам незачем беспокоиться о судьбе Котарро", — заметил он. Министр обошел также проблему объединения сербского и черногорского государства. "Вопрос о слиянии Сербии и Черногории еще нельзя считать окончательно решенным, так как отречение короля Николая тоже еще не сделано", — сказал он³⁴.

Весьма неопределенной в этом вопросе была и позиция Франции. Когда черногорский монарх, вернувшись из Италии, предпринял было попытку установить, что думает по поводу плана объединения двух государств французский министр иностранных дел Аристид Бриан, то получил от него также уклончивый ответ. Руководитель внешнеполитического ведомства на Кэ д'Орсе сказал, что "сначала надо окончить войну" и что позиция Франции "совпадает с позицией России и других союзных государств"³⁵.

А. Бриан отказался поддержать идею короля Николая о создании самостоятельного черногорского войска и обошел молчанием вопрос об отношении Франции к отречению черногорского монарха. Более определенно на этот счет высказался Б.В. Штюмер. В секретном циркуляре послу в Италии М.Н. Гирсу и и.о. посланника в Нейи Л.В. Иславину от 26(13) сентября он указал на необходимость чинить препятствия формированию черногорских военных отрядов и их посылке королем Николаем на Салоникский фронт в противовес сербским войскам. "Убежден, — говорилось в циркуляре, — что появление на Балканском фронте самостоятельных черногорских отрядов подаст повод к недоразумениям и трениям с сербами" В документе предлагалось, чтобы вопрос о формировании черногорских воинских соединений решался не королем Николаем, а генералом

Саррайлем. "Окончательное решение этого вопроса надо предоставить высшему французскому командованию в Салониках"³⁶.

Король Николай попытался добиться включения черногорских войск в состав русских соединений на Салоникском фронте. Л.В. Иславин, информируя об этом Б.В. Штюмера, писал 9 ноября (27 октября) 1916 г.: "Король хотел бы присоединить черногорский отряд к русским войскам на Салоникском фронте с тем, чтобы эти части при общем наступлении участвовали в освобождении Черногории". Царь наложил резолюцию на этом документе: "Никому не нужная затея"³⁷.

Стремясь заручиться поддержкой царского правительства, король Николай прибегал и к другим маневрам. Так, в марте 1916 г. по его поручению глава правительства Л. Миюшкович внес на усмотрение Петрограда план создания славянской конфедерации (*Une Confédération des Etats slaves*) под эгидой России с включением в ее состав Черногории. Иславин отклонил этот проект, указав, что единственным разумным шагом королевского правительства стало бы сближение позиций Черногории с Сербией и их совместная борьба против Четверного союза³⁸.

Осенью 1916 г. во время поездки Николая в Италию, король прибегнул даже к фальсификации документа в целях завоевания благосклонного к себе отношения царя. В итальянской прессе им было опубликовано сообщение о поздравительной "телеграмме" Николая II, в которой якобы выражалось одобрение визита черногорского монарха в Рим. Но этот шаг вызвал негативную реакцию; царь опубликовал опровержение: "Никакой телеграммы я не посылал"³⁹. Чтобы замять скандал, король Николай взвалил всю ответственность за случившееся на итальянскую прессу. Та, в свою очередь, опровергла его обвинения и репутация черногорского монарха резко упало в глазах итальянской общественности. Не удалась и его попытка апеллировать к "чувствам славянской солидарности" России с Черногорией. 28(15) сентября черногорский монарх в беседе с Л.В. Иславиным посетовал и.о. посланника на то, что будто бы Россия "изменила отношение к черногорскому народу, позабыв о традиционных узах дружбы". Он напомнил об обидах, якобы причиненных ему русским правительством, указав на то, что царь "не пустил его, русского фельдмаршала, в Петроград". Л.В. Иславин, в свою очередь, дал понять, что во всем виновато само черногорское правительство. "Может быть, это охлаждение — следствие капитуляции Черногории", — заметил он⁴⁰.

Не добившись благосклонности России и Франции, король Николай стал зондировать почву о возможности улучшения отношений эмигрантского правительства с Австро-Венгрией и Германией. Об этих попытках имеются лишь косвенные свидетельства. Одно из них — совершенно секретная информация временного поверенного в делах России в Берне М.М. Бибикова от 7 декабря о конфиденциальном собрании черногорцев — сторонников короля Николая в Монтре, состоявшемся 7 декабря (24 ноября) 1916 г. под председательством бывшего главы правительства Лазаря Миюшковича. Участники, отклонив идею объединения Сербии и Черногории, высказались за то, что в случае отречения короля Николая черногорский престол должен

перейти его сыновьям — королевичам Даниле или Мирко. По предложению Л. Миошковича участники совещания направили обращение к императору Карлу Габсбургу с предложением создать югославское государство в рамках Австро-Венгрии с включением в его состав Черногории. Под этим документом поставили подписи 100 черногорцев, сторонников Николая, а в Вену был отправлен уполномоченный вновь созданного Черногорского комитета Попович⁴¹. На совещании обсуждался также вопрос о расчленении территории Сербии между Австро-Венгрией, Болгарией и Черногорией⁴². В Архиве внешней политики России сохранился также ряд документов о связях черногорского королевского правительства с австро-венгерской агентурой в Швейцарии. "Эти агенты, — писал Л.В. Иславин в секретной телеграмме МИД от 13. XII. 1916 г., — пытаются привлечь на свою сторону черногорцев и повлиять на короля Николая"⁴³. Борьба черногорского монарха с Комитетом народного объединения Андрия Радовича продолжалась и в 1917 г., о чем будет сказано в следующей книге.

¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 1809. Л. 61. М.Н. Гирс — МИД. Рим, 1912. 24(11). 1.

² Neue Freie Presse. 1916. 14.1.

³ Pester Lloyd. 1916. 12.1.

⁴ Protokolle. S. 352.

⁵ Ibid. S. 352—391.

⁶ Ibid. S. 350.

⁷ АВПР. Ф. ПА. Д. 1609. Л. 86—88. Л.В. Иславин — МИД. Бордо, 1916. 20.II. № 16.

⁸ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 561. Л. 9. М.Н. Гирс — Б.В. Штюрмеру Рим, 1916. 19(6). XI. № 644.

⁹ АВПР. Ф. ПА. Д. 1609. Л. 58. М.Н. Гирс — С.Д. Сазонову. Рим, 1916. 24(11).1.

¹⁰ Там же. Л. 62. А.П. Извольский — МИД. Париж. 1916. 7.II. № 80.

¹¹ Архив Југославије Ф. Јован Јовановић. Лондон. 1916. 25.X.

¹² АВПР. Ф. Канцелярия. 1916. Д. 65. Л. 44.

¹³ *Радосавовић Ј. Међународни положај Црне Горе у XIX вјеку.* Београд. 1960. С. 113.

¹⁴ АВПР. Ф. Канцелярия. 1917. Д. 82. Л. 5.

¹⁵ Там же. 1916. Д. 65. Л. 50.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Архив ИИЦГ. Ф. Мемоари Н. Хајдуковића. Књ II. С. 241, 277—278.

¹⁸ *Љубурић А. Капитулација Црне Горе: Документи.* Београд, 1938. Књ I. С. 77—78.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ ЦГ ВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1228. Л. 191.

²¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 1609. Л. 119. Н.А. Базили — А.А. Нератову. Ставка. 1916. 2. IV. № 1158.

²² ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3546. Л. 33—53.

²³ АВПР. Ф. ПА. Д. 4063. Л. 9. Б.В. Штюрмер-Л.В. Иславину. Петроград, 1916. 31. VIII. № 3919.

²⁴ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 91., Д. 563. Л. 5. Л.В. Иславин — Б.В. Штюрмеру. Париж, 1916. 29(16). VIII. № 9.

²⁵ Там же. Л. 12. Л.В. Иславин — Б.В. Штюрмеру. Париж. 1916. 24(11). IX. № 55.

²⁶ Там же.

²⁷ *Храбак Б. Борба између црногорског двора и српске владе око образовања црногорске војске и око добровољаца 1916—1918 године // Историја XX века.* Београд, б/г. Књ VI. С. 69—84.

²⁸ АВПР. Ф. РМЦ. 1916. Д. 20. Л. 1, 4. А.А. Нератов — Л.В. Иславину. Петроград, 1916. 3. III. № 1249.

²⁹ Архив ИИЦГ. Ф.Н. Хајдуковића. Књ II. С. 191—193.

³⁰ *Ракочевич Н.* Став краља Николе и црногорске владе у избеглиштву према Србије у току 1916 године // ИИ ЗР. Београд, 1986. Књ 5. С. 92—95.

³¹ Часть черногорцев была включена в состав сербской армии, 800 человек отправлены в Марсель. См.: АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 563. Л. 11.

³² АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 561. Л. 17—18. Л.В. Иславин — А.А. Нератову. Париж, 1916. 28(15). IX № 56.

³³ АВПР. Ф. ПА. Д. 4063. Л. 9. Поденная запись МИД. 1916. 29. VIII.

³⁴ Там же.

³⁵ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 566. Л. 6. Л.В. Иславин — Б.В. Штюмеру. Париж, 1916. 30(17). VIII. № 48.

³⁶ Там же. Д. 563. Л. 11. Б.В. Штюмер — М.Н. Гирсу и Л.В. Иславину. Петроград, 1916. 26(13). IX. № 4123.

³⁷ Там же.

³⁸ АВПР. Ф. ПА. Д. 1608. Л. 9—10. Л.В. Иславин — С.Д. Сазонову. Бордо, 1916. 19(6). III. № 3.

³⁹ Там же. Д. 4063. Л. 14. М.Н. Гирс — МИД. рим, 1916. 19(6). IX. № 642.

⁴⁰ АВПР. Ф. ПА. Д. 4063. Л. 17. Л.В. Иславин — МИД. Париж, 1916. 29(15). XI. № 57.

⁴¹ Там же. Д. 1609. Л. 169—170. Временный поверенный в делах России в Швейцарии М.М. Бибиков — МИД. Берн, 1916. 7.XII (24.XI). № 810.

⁴² АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 626. Л. 10. Л.В. Иславин — МИД. 1916. 11. XII. (29. XI). № 91.

⁴³ Там же. Л. 12. Л.В. Иславин — МИД. Париж. 1916. 13.XII. № 97.

СЕРБИЯ И СОЮЗНИКИ НАКАНУНЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА САЛОНИКСКОМ ФРОНТЕ

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН СТАВКИ. ВОПРОС О ВЫВОДЕ БОЛГАРИИ ИЗ ВОЙНЫ

Брусилловский прорыв оказал существенное влияние на военно-политическую ситуацию в Юго-Восточной Европе. Под ударами русских войск зашаталась Австро-Венгрия, успех Брусилова способствовал принятию Румынией решения о переходе на сторону Антанты, в Болгарии резко возросли антивоенные настроения, в Сербии, напротив, укрепились надежды на освобождение страны от оккупации.

Новая стратегическая обстановка потребовала внесения союзниками изменений в военно-оперативных планах. Наиболее значительные коррективы в первоначальный проект военных операций внес начальник штаба царской Ставки генерал М.В. Алексеев¹. В "Записке на высочайшее имя", отправленной царю 16 июля, он поставил вопрос об использовании Балканского фронта всеми силами держав Антанты, Сербией и Румынией для нанесения главного удара по слабейшему звену Центральной коалиции — Австро-Венгрии и одновременном выводе из войны Болгарии. При этом генерал считал возможным заключение с Болгарией сепаратного мира или как минимум, принятия ее правительством официального заявления о соблюдении страной строгого нейтралитета. Алексеев был противником военной конфронтации Румынии с Болгарией, утверждая, что для союзников важнее привлечь румынские войска для борьбы за Трансильванию, т.е. против Австро-Венгрии, а не для войны с Болгарией.

В "Записке" выдвигались следующие обоснования названного плана. Во-первых, считал М.В. Алексеев, очень важно, чтобы Болгария освободила для союзных войск территорию Вардарской Македонии со стратегической железной дорогой Салоники—Ниш, что нарушило бы связь Германии с Турцией, благодаря чему последняя лишилась бы возможности получать вооружение, что в конечном счете привело бы к военному поражению последней. Во-вторых, утверждал он, выход Болгарии из войны лишил бы Германию базы снабжения продовольствием и сырьем для промышленности и тем самым подорвал бы ее обороноспособность. В-третьих, войска Сербии смогли бы выйти непосредственно к границам Венгрии, что, в свою очередь, позволило бы Румынии сосредоточить все свои силы против Австрии и венгерской Трансильвании. В заключение Алексеев ответил на вопрос о том, можно ли считать перемирие России с Болгарией нарушением обязательства, принятого Петроградом, о ведении войны до победного конца и о

незаключении ни с одним из государств сепаратного мира, или предлагаемый им шаг, наоборот, может служить противоположным целям, и делал следующий вывод: "Военные выгоды отрыва Болгарии от враждебного нам союза столь велики, а последствия такого шага столь существенны для решения будущих судеб балканского славянства, что ради этого можно пойти на серьезные уступки"². Царь, прочитав записку Алексеева, одобрил ее в принципе, но предложил высказаться по этому поводу министру иностранных дел Б.В. Штюрмеру, который, в свою очередь, направил ее на заключение двум специалистам по Балканам — бывшему посланнику в Софии А.А. Савинскому³ и начальнику Второго ближневосточного отдела МИД А.М. Петряеву⁴.

Оба рецензента отклонили план Алексеева и выдвинули свой вариант ведения войны, предложив перенести центр тяжести военных действий не на разгром Австро-Венгрии, а на захват Константинополя и проливов с использованием болгарской территории для прохода к Босфору русских войск. По мнению А.М. Петряева⁵, имелись три возможности осуществления этого плана. Во-первых, военного разгрома Болгарии и низложения династии Кобургов, во-вторых, образования под угрозой применения силы самим болгарским народом нового республиканского правительства, которое даст согласие на пропуск через территорию Болгарии русских войск, и, в-третьих, заключения названного соглашения с самим Фердинандом в обмен на предоставление Болгарии территориальных компенсаций за счет Сербии и Греции. Остановившись более подробно на третьем варианте, Петряев писал: "Военная и политическая обстановка может сложиться так, что привлечь Болгарию на вышеуказанных условиях окажется невозможным. Если, несмотря на это, высшие военные соображения все же потребуют добиться ее перехода на нашу сторону, как единственного способа завладеть Константинополем и проливами, в таком случае не остается ничего другого, как идти на соглашение даже с Фердинандом. При этом мы должны заранее считаться с чрезвычайно невыгодным для нас последствием этого шага, как обнаружение нашей слабости, отпадением от нас сербов, умалением нашего нравственного авторитета среди балканских народов, и славян в частности, и неудобством иметь рядом сильную Болгарию. Со всеми этими невыгодами можно примириться только тогда, когда мы этой ценой действительно купим активное содействие болгар и при помощи их обеспечим себе обладание Константинополем и проливами"⁶.

Сходные мысли высказал и А.А. Савинский. В своей записке он тоже поднял вопрос о захвате Константинополя и проливов, что, по его мнению, обеспечило бы превращение России в средиземноморскую державу. Говоря о Болгарии, Савинский резко отрицательно отнесся к той части плана Алексеева, которая предусматривала возможность заключения с ней мира. По словам бывшего посланника в Софии, с царем Фердинандом вообще нельзя иметь никакого дела. "Его надо свергнуть и судить", — заявил Савинский. Дипломат отстаивал идею создания на Балканах слабых и нежизнеспособных государств, которые целиком зависели бы от России "В их слабости — наша сила", — писал он. Савинский отрицал самую возможность возрождения

Балканского союза. "Пусть они дерутся между собой, а Россия будет верховным арбитром в этих спорах", — утверждал Савинский^{6а}.

Прямо противоположной была позиция российского военного представителя при Верховном командовании сербской армии генерала В.А. Артамонова. Он был сторонником сближения балканских государств и восстановления их союза, который находился бы под эгидой России. Эта идея не встречала, однако, понимания у лидера великосербской радикальной партии и главы сербского правительства Н. Пашича. "Я видел Артамонова и на него рассердился: он стал теперь развивать мне свои проекты создания Балканского союза", —

Начальник штаба Ставки генерал
М.В. Алексеев

поведал он временному поверенному в делах России при сербском королевском правительстве Б.П. Пелехину 12 сентября 1916 г.⁷ Эти взгляды В.А. Артамонова были не случайными — они отражали точку зрения начальника штаба Ставки генерала Алексеева, который тоже считал, что задачей России является не только прекращение войны между Сербией и Болгарией, но и объединение славянских и всех христианско-православных народов Балканского полуострова под началом Российской империи против германского блока.

Алексеев был противником отвлечения сил русской армии для захвата Босфора и Дарданелл, считая это авантюрой. Он утверждал, что союзники преднамеренно посулили России Константинополь, чтобы заставить ее продолжать мировую войну. В настоящее время, втолковывал он царю, овладение Босфором и Дарданеллами невозможно по военным соображениям: сначала надо разбить Германию и Австро-Венгрию.

Ту же точку зрения разделяли многие руководители армии и флота — генерал-квартирмейстер сухопутных сил Ю.Н. Данилов, морской министр адмирал И.К. Григорович, представитель Ставки при союзном Верховном командовании генерал Я.Г. Жилинский, генерал-лейтенант А.А. Брусиллов и ряд других крупных военачальников. Однако среди высшего офицерства имелась и сторонники "босфорского варианта". К ним принадлежали командующий Кавказским фронтом вел. кн. Николай Николаевич, начальник мобилизационного отдела Ставки русской армии генерал С.К. Добророльский, и.о. начальника штаба Ставки генерал В.И. Гурко и некоторые другие.

Сам Николай II занимал нерешительную позицию. Он то поддерживал Алексея, то высказывал противоположные взгляды. Правда, следует учесть, что в то время царь лишь числился в верховных главнокомандующих. В стране наблюдался кризис верхов, усилилась взаимная борьба групп и группировок среди правящих кругов, небывалый размах приняла распутинщина. Ставка также раздиралась противоречиями. Генерал Алексеев, которого царь ранее называл своим "косоглазым другом" и который пользовался у верховного главнокомандующего неограниченным кредитом доверия, начал терять свое влияние, а ему на смену стал подниматься менее способный, но более послушный царю генерал В.И. Гурко. Среди высших офицеров Ставки также наблюдалось расхождение во взглядах. Николай II все больше самоустраивался от непосредственных дел, нередко впадал в полную апатию. Генерал А.А. Брусиков следующим образом описывает царящую в Ставке атмосферу: "17 декабря в Могилеве состоялось заседание высшего командования армии под председательством Государя. Его Величество был еще более рассеян, чем на предыдущих военных советах, и непрерывно зевал, не вмешиваясь в какие-либо прения, а исполняющий должность начальника штаба Верховного командования генерал Гурко (М.В. Алексеев был болен. — Ю.П.), несмотря на присущий ему апломб, с трудом руководил заседанием, так как не имел достаточного авторитета. Мы так ничего и не решились. На следующий день заседание было продолжено, но с тем же результатом"⁸.

Не лучшим образом обстояли дела и в правительстве. Его возглавлял Борис Владимирович Штюермер, которого царь в июле назначил также руководителем внешнеполитического ведомства, уволив в отставку весьма деятельного С.Д. Сазонова. Штюермер был полной противоположностью бывшему министру — не обладал его широким кругозором, не имел авторитета ни за границей, ни в министерстве, страдал нерешительностью и отсутствием каких-либо свежих идей. Убийственную характеристику новому министру дал посланник России в Сербии князь Г.Н. Трубецкой. "На меня Штюермер, — отмечал он, — произвел самое отталкивающее впечатление типичного бюрократа с внушительным фасадом, плохо скрывающим пустоту содержания. Высокий, толстый с бородой-мочалкой и маленькими злыми холодными глазками, он был очень неприятен, несмотря на любезность приемов. В министерстве сложилось единодушное мнение, что он абсолютно невежествен и в новых для себя вопросах не может и не хочет разбираться. Его интересовала в деле только личная сторона, положение, квартира, которую он занимал, и т.д. Интересы России ему были чужды... Он казался мне слишком политически безграмотным, чтобы проводить какую-либо политику. Так, он думал, что Салоники испокон принадлежали Греции, совершенно не понимал, как там очутились союзники. Он думал также, что в Риме еще проживает германский посол, — словом, он был круглым невеждой во всех вопросах, подлежащих его ведению, и потому придерживался тактики полного молчания с посещавшими его представителями союзных государств"⁹.

Николай II в Ставке

Так Штюрмер поступил и с планом Алексева. Не составив о нем собственного мнения, он положил его под сукно, ограничившись беседой по телефону с директором дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили. "Мы, — сказал министр Базили, — не может брать на себя почин (переговоров с Болгарией о мире. — Ю.П.), так как не хотим огласки. Предложение [Алексева] может вызвать ропот в России, оттолкнет Сербию и вряд ли будет одобрено союзниками"¹⁰.

Только через месяц министр высказал генералу мнение правительства

о его плане. Назвав для отвода глаз программу Алексеева "важной и интересной", он вместе с тем предупредил о ее практической неосуществимости, сославшись на неопределенную позицию союзников¹¹.

Последние и впрямь не проявили никакого энтузиазма в связи с предложением Алексеева об активизации своих действий против Австро-Венгрии. Вместо этого министр иностранных дел Франции Аристид Бриан в письме Штюрмеру от 18 августа предложил послать в помощь Румынии 200-тысячную армию. Англия и Италия под разными предлогами отклонили план начальника штаба Ставки.

19(6) июля в Шантйи состоялось очередное совещание представителей верховного командования союзных армий держав Антанты, на котором были приняты два решения: о начале наступления войск генерала Саррайля на Салоникском фронте не позднее 5 августа и о вступлении в войну Румынии через 10 дней после этого¹².

Эти решения подменяли первоначальный план Алексеева, так как предусматривали не ширококомасштабные действия союзников на вновь открывшемся румыно-австрийском фронте, а частичные операции на второстепенном Салоникском фронте, в которых должны были принять участие всего лишь две армии — Восточная армия генерала Саррайля и сербская армия.

На совещании в Шайтйи был обойден ряд важных вопросов. Например, остался неясным вопрос о сфере действия румынской армии: будет ли она воевать только против Австро-Венгрии или также против ее союзников Болгарии и Германии. Не было принято решения и о роли русских войск, однако маршал Ж. Жоффри, который был фактически руководителем конференции, рассчитывал, что сама логика развития событий на этом фронте заставит царскую Ставку оказать Румынии всестороннюю поддержку. На первое время на конференции договорились о том, что Россия пошлет на этот фронт 50 тыс. человек. Самым главным просчетом участников конференции было игнорирование требований Сербии о предварительном урегулировании сербско-румынских противоречий по территориальной проблеме. Оба эти государства претендовали на принадлежавший Австро-Венгрии Западный Банат, но участники встречи приняли во внимание только требования Румынии и даже не пригласили на конференцию представителей Сербии.

СЕРБСКО-РУМЫНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ИЗ-ЗА ЗАПАДНОГО БАНАТА И СОЮЗНИКИ

Банатская проблема имела большое значение для сербского государства. В Западном Банате, а также в соседних с ним землях — Бачке и Среме (Сирмии) — наряду с другими национальностями проживало немало сербов, тяготевших к Сербии. Их объединение вокруг сербского королевства было предусмотрено Нишской декларацией 7 декабря 1914 г. как одна из главных целей войны Сербии с Австро-Венгрией.

Важным было и другое — Западный Банат находился в непосред-

ственной близости от столицы сербского государства Белграда и сама безопасность этого города требовала решения вопроса о его принадлежности.

В секретной инструкции посланникам, направленной 22(9) сентября 1914 г., глава сербского правительства Н. Пашич писал: "Если война пойдет так, как мы ожидаем, и если Австро-Венгрия будет окончательно побеждена, то мы заявим претензии... на Банат в границах, в которых сербское население представляет большинство, со стратегической границей к востоку по отношению к Румынии" И дальше: "Сербии необходим Банат с названной стратегической границей, так как иначе мы не сможем успешно защищать ни Банат, ни столицу Белград"¹³.

Однако война пошла не так, как "ожидало" сербское правительство, и Пашич был вынужден на время снять требования о Западном Банате, ибо Сербия не хотела обострять отношения еще с одной страной и была заинтересована в сохранении Румынией благожелательного нейтралитета. Последняя, в свою очередь, не поднимала вопрос о Западном Банате, хотя втайне не оставляла мысли о его захвате. Связанная с 1883 г. секретным договором о союзе с Центральной коалицией, Румыния до поры до времени не выступала открыто против Австро-Венгрии. Хитроумный глава румынского правительства Ион Брэтиану следовал такой тактике — выжидать, когда одна из противоборствующих коалиций одержит победу над другой, чтобы присоединиться к победителю. "Я, — заявил он в приватной беседе, — хочу войти в зал мирной конференции под руку с победителем". В первые два года войны победитель еще не определился, и румынское правительство не раскрывало своих карт в отношении Баната, но уже начало вести секретные переговоры с Францией и Англией о переходе в стан Антанты в обмен на Трансильванию и Банат.

Сербия, в свою очередь, зондировала почву о Западном Банате в переговорах с Российским правительством во время поездки сербской делегации в Петроград в апреле—мае 1916 г. Об этом, в частности, свидетельствовала инструкция помощника министра иностранных дел Сербии Йована Йовановича профессору Белградского университета Станое Станоевичу, данная им перед отъездом Станоевича в Россию. Й. Йованович предложил Станоевичу активизировать свою деятельность по приобретению Сербией Западного Баната. При этом Йованович сослался на то, что во время встречи Пашича с С.Д. Сазоновым последний будто бы пообещал благожелательно отнестись к планам Сербии. "Нам русские дают все, что мы сможем осваивать, — поведал Йованович, — Получим Струмицу (т.е. Македонию. — Ю.П.), правый берег р. Тимок, Бачку и Банат". Станоевич записал в своей программе: "Надо рассмотреть проблему Баната и словенцев"¹⁴.

Насколько точно изложил Й. Йованович позицию России по Македонии и Банату? Действительно ли С.Д. Сазонов обещал Пашичу дать Сербии все, что она "сможет освоить", или восторженный Йованович, как было ему свойственно, принял желаемое за действительное?

тельное? Тщательное ознакомление с русскими источниками не подтверждает вывод Йовановича, наоборот, как видно из документов о переговорах, Сазонов ограничивался лишь самыми общими заявлениями о поддержке "справедливых пожеланий" Сербии, не дав ни одного конкретного обещания. Банатский и македонский вопросы вообще не обсуждались в Петрограде. О том же свидетельствуют и сербские источники. Так, посланник Сербии в Петрограде Мирослав Спалайкович 29 июля 1916 г. направил Пашичу телеграмму, в которой сообщал, что в решении банатской проблемы "нет ничего нового"¹⁵, хотя в это время Франция и Англия уже вели секретные переговоры с Румынией о Банате. Россия, как видно из названной телеграммы, все еще воздерживалась от обсуждения этого вопроса.

Пашич оставался в неведении о решении союзниками банатской проблемы. 15(2) июля он прислал принцу-регенту следующее сообщение: "Имею сведения о том, что в конвенции будет определена граница претензий Сербии и Румынии на Банат. Новая граница будет зависеть от того, когда Румыния начнет свою акцию (т.е. вступит в войну на стороне Антанты. — Ю.П.)"¹⁶.

Это была ложная информация. Союзники отнюдь не собирались определять границу между Сербией и Румынией и вообще что-либо сделать для Сербии. В политическом соглашении, подписанном 17(4) августа 1916 г. в Бухаресте И. Брэттиану и посланниками в Румынии Д. Баркли (Англия), Ш. Сент-Олером (Франция), К. Фашиотти (Италия) и С.А. Поклевским-Козелл (Россия), говорилось: "Великобританния, Франция, Италия и Россия признают право Румынии присоединить к себе территории австро-венгерской монархии согласно пункту четвертому... Пограничная линия пойдет севернее Сегедина на запад от села Орошхазе-Бекеш... Далее линия спустится долиной Тисы до ее впадения в Дунай, затем по Дунаю до румынской границы"¹⁷. В документе содержался пункт о безопасности столицы Сербии Белграда. В нем запрещалось Румынии возводить в окрестностях Белграда военные сооружения и содержать в них войска. В то же время в документе предусматривалась возможность размещения в названных районах "необходимых полицейских сил", что фактически сводило на нет предыдущие обязательства.

Весьма глухо в политическом соглашении говорилось о правах народа Баната на свое самоопределение. Сербь, согласно этому документу, получили право переселяться по "своему усмотрению" в Сербию в течение двух лет после окончания войны. Те же права предоставлялись венграм, украинцам, немцам и другим народам Баната, но при этом ничего не говорилось о том, что будет с землей и имуществом переселенцев¹⁸.

Военная конвенция определяли сроки вступления Румынии в войну. Оно должно было начаться не позже чем через 10 дней после наступательных операций союзных войск на Салоникском фронте.

Сербское правительство не только ничего не знало об этих соглашениях, но даже не было приглашено на совещание союзников и представителей Румынии, когда решался вопрос о Банате.

Это вызвало возмущение сербского руководства¹⁹.

По поручению Пашича посланник Сербии в Риме М. Ристич обратился с просьбой о пересмотре названного решения. Ристич задал также вопрос о причинах отказа великих держав пригласить на конференцию представителя Сербии, хотя на этом форуме обсуждались программы, имевшие прямое отношение к ней. Оправдываясь, Соннино ответил, что у союзников "просто не было времени" для установления связей с сербским правительством, которое находилось на "изолированном от мира о-ве Корфу". "Нам, — сказал он, — нужно было обеспечить переход на нашу сторону Румынии, и поэтому пришлось спешить. У нас не хватило времени известить об этом Сербию"²⁰.

В беседе с российским послом в Италии М.Н. Гирсом, состоявшейся 15(2) сентября, Соннино высказался откровенно. Он прямо заявил, что союзники вообще не собирались поощрять Сербию к территориальным расширениям. "Всякое поощрение сербов высказать свои пожелания поставило бы державу в щекотливое положение"²¹.

Французский министр иностранных дел Аристид Бриан, в свою очередь, отклонил протест Сербии. В беседе с сербским посланником в Лондоне Йованом Йовановичем, который находился в это время в Париже, он отказался пересмотреть принятое в Шантийен решение, указав, что территориальные вопросы будут рассмотрены на послевоенной мирной конференции. Чтобы подластиться пиллюлю, министр пообещал Сербии поддержку со стороны Франции после "успешного окончания войны". "Многое можно исправить", — заверил он²².

При встрече с российским послом в Париже А.П. Извольским 19(6) сентября А. Бриан посоветовал России действовать в том же ключе и не давать Сербии каких-либо конкретных обещаний. "Можно ограничиться лишь принятием к сведению сербских пожеланий, — говорил он, — и высказаться по этому поводу значительно позже"²³. Статс-секретарь Англии по иностранным делам сэр Эдуард Грей посоветовал Штюрмеру вообще уклониться от разговоров на эту тему с представителем Сербии. "Если бы это было сделано, — написал он в циркулярном письме английскому послу в Петрограде Джорджу Бьюкенену 18(5) сентября, — то [Сербия] ожидала бы ответа, и даже если бы такового не было дано, самый факт, что ее взгляды были сформулированы, рассматривался бы Сербией как своего рода заявка. Я предпочел бы дать ответ, что сейчас слишком рано обсуждать этот вопрос"²⁴.

Не оправдались надежды Н. Пашича и на поддержку со стороны России. 18 августа сербский посланник в Петрограде Мирослав Спалайкович посетил председателя Совета министров и министра иностранных дел Б.В. Штюрмера и высказал беспокойство по поводу решения великих держав о передаче Западного Баната Румынии. Штюрмер, по словам Спалайковича, ограничился самыми общими заявлениями о том, что русское правительство "понимает серьезность наших оснований — национальных и стратегических — по поводу уступок Баната Румынии", но отказался дать какие-либо конкретные обещания о помощи Сербии в решении этого вопроса.

Беседа с министром иностранных дел, как сообщал сербский посланник, произвела на него "странное впечатление". Вместо обсуж-

ления вопроса по существу Штюрмер начал говорить о второстепенных делах, показав при этом свою полную неосведомленность. Он, например, задал Спалайковичу вопрос: "Где находится Белград и верю ли, что этот город является столицей Сербии?" Затем министр совершенно неожиданно стал критиковать своего предшественника С.Д. Сазонова, указав, что будто бы он проводил "антирусскую политику и слишком потворствовал болгарам". "Нам, — сказал Штюрмер, — надо защищать национальные интересы России, а не угождать капризам союзников". Спалайкович вышел от Штюрмера с недоумением. "Зачем все это говорил министр?" — спрашивал он²⁵.

1 сентября сербский посланник снова посетил Штюрмера и снова их беседа не имела результата. Министр, как и прежде, увильнул от прямого ответа на вопрос, даст ли Россия свою санкцию на присоединение Западного Баната к Сербии или Румынии²⁶.

Тем временем Румыния вступила в войну, и союзники вообще прекратили всякие разговоры с Сербией о Западном Банате. Для них этот вопрос был предрешен, они передавали эти области Румынии в качестве платы за ее измену германскому военному блоку.

ОБРАЗОВАНИЕ РУМЫНСКОГО ФРОНТА И РОССИЯ

О новой ситуации, возникшей в Юго-Восточной и Центральной Европе после вступления Румынии в войну, написана значительная литература, принадлежащая перу как советских, так и зарубежных историков²⁷. Не повторяя сказанного, остановимся лишь на некоторых наиболее важных вопросах, имеющих непосредственное отношение к теме настоящего исследования. Прежде всего это вопрос о различии подходов России и ее союзников к планам ведения этой войны.

Англия, Франция и Италия, как уже говорилось выше, стремились переложить всю тяжесть войны в Юго-Восточной Европе на Россию и Румынию и попытаться связать эти страны взаимными обязательствами, царская Ставка и лично начальник ее штаба генерал Алексеев, напротив, стремились избежать этих обязательств, учитывая, что оказание военной помощи Россией Румынии может стоить неоправданных новых жертв и вообще явилось бы нецелесообразным с военной точки зрения. Он и раньше был противником рассредоточения русских сил и одно время даже считал более выгодным для России не вовлечение Румынии в войну на стороне Антанты, а соблюдение ею строго нейтралитета. Так, 26(13) января 1916 г., делаясь своими мыслями с директором дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили о роли Румынии в войне, генерал заявил: "С чисто военной точки зрения нам выгодно принятие Румынией нейтралитета и даже демобилизация ее армии. Это обеспечило бы прикрытие нашей границы от Черновиц до Дуная и дало бы возможность избежать непосредственной борьбы с болгарями"²⁸.

Алексеев учитывал также нестабильность политического положения в Болгарии и рост в стране антигерманских настроений. Об этом свидетельствовали, в частности, выступления на сессии болгарского парламента видных деятелей оппозиции Н. Геннадиева и бывшего

главы правительства Ивана Гешова, которые выдвинули предложение о пересмотре внешней политики Болгарии. Так, Геннадиев сказал: "В 1912 г. (т.е. во время союза с Россией и Сербией. — Ю.П.) Болгария была самой могущественной державой на Балканах, но все потеряла во время войны 1913 г. Не повторяем ли мы сейчас ту же ошибку?"²⁹ Иван Гешов поставил вопрос об отказе от союза с Центральной коалицией. "Не пора ли нам пересмотреть наше отношение к союзникам", — заявил он³⁰.

Летом 1916 г. во время успешного наступления в Галиции 8-й русской армии А.А. Брусилова антивоенные настроения болгарской оппозиции усилились. В ее органе газете "Мир" появился ряд статей с призывом прекратить чуждую интересам болгарского народа войну с Россией³¹. В статье "Война и мир", опубликованной этой газетой 13(7) июня, было перепечатано выступление лидера кадетской партии П.Н. Милюкова в Государственной думе о том, что Россия в своей политике по отношению к Болгарии должна проводить четкую грань между позицией болгарского царя Фердинанда, выступающего за войну, и русофильской позицией болгарского народа, который не хочет войны. "Нам надо делать то же самое", — заявляла газета³². Как доносила русская разведка, в болгарской армии нарастали антивоенные настроения и участились случаи открытого сопротивления верховному командованию, а в ряде военных соединений произошли солдатские бунты.

"В Болгарии наблюдается утомление войной, а по показаниям военнопленных войска сражаются по принуждению", — сообщал в Ставку 29(16) августа заместитель начальника разведотряда С. Бого-явленский, рекомендовавший в случае победы над болгарскими войсками не проводить карательных мер, а, наоборот, привлечь к себе население, "снабдив его хлебом, солью, бензином и всем, в чем оно остро нуждается"³³.

Правительство В. Радославова еще продолжало верой и правдой служить Германии и Австро-Венгрии, а царь Фердинанд Кобург-Сакс-Готский все еще лелеял свои великодержавные планы, но среди правящих кругов и даже среди членов семьи Фердинанда уже стали проявляться пессимистические настроения по поводу возможного исхода войны³⁴.

Примечательно, что английское и французское правительства, ранее весьма скептически относившиеся к идее генерала Алексева о заключении перемирия с Болгарией, стали обдумывать такую возможность. По свидетельству сербского посланника в Лондоне Йована Йовановича, на эту тему с ним беседовал 13 октября статс-секретарь иностранных дел сэр Эдуард Грей³⁵.

Военный представитель Франции при Ставке генерал М. Жанен высказался более откровенно, предложив маршалу Ж. Жоффру подкупить болгарское правительство. "Болгары, — писал он, — любят деньги и жадны до наживы. Без реальных обещаний, подтвержденных всеми союзниками, всякая попытка переговоров бесполезна. Переговоры следует вести осторожно и секретно, не уведомляя о них сербов, так как с этой стороны мы встретим враждебное отношение к

возможности крайних решений. Надо их поставить перед совершившимся фактом³⁶.

В преддверии войны с Румынией, в которой активное участие могла принять и Россия, болгарское правительство само стало зондировать почву о возможности разрыва союзного договора с Центральной коалицией. Вскоре после упоминавшейся конференции держав Антанты в Шантийи Радославов пустил первый пробный шар. Пригласив к себе 2 августа румынского посланника в Софии Даруса, он дал понять, что и его правительство могло бы рассмотреть вопрос о выходе из войны в случае гарантий со стороны России и других держав Антанты сохранения в Болгарии династии Кобургов и существующего режима³⁷. Эти сведения были немедленно переданы и главе румынского правительства И. Брэтиану, а последним — русским посланнику С.А. Поклевскому-Козелл, который, в свою очередь, уведомил об этом директора дипломатического департамента при Ставке Базили и помощника министра иностранных дел А.А. Нератова, замещавшего Б.В. Штюрмера³⁸. Идентичные сведения были сообщены итальянским посланником в Бухаресте Фашиотти Сиднею Соннино 4 августа.

Не располагая документами о развитии румыно-болгарских отношений в период от конференции в Шантийи до вступления Румынии в войну 27 августа 1916 г., трудно ответить на вопрос, какую позицию заняли оба правительства в связи с названным предложением В. Радославова. По-видимому, это предложение (если оно было в действительности!) не имело никаких последствий и, во всяком случае, не нашло поддержки ни с той, ни с другой стороны, так как оба государства продолжали руководствоваться империалистическими целями. Болгария стремилась к реваншу за поражение во 2-й Балканской войне и к возвращению захваченной румынами Южной Добруджи, Румыния — к новым завоеваниям.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ДОБРУДЖЕ И РОССИИ

Начиная войну, румынское правительство было полно радужных надежд на быстрое и успешное ее окончание.

27 августа, в день объявления войны, король Фердинанд на Коронном совете высокопарно заявил, что в результате "блестательной победы румынского оружия будет повержен вековой угнетатель румынского народа (Австро-Венгрия) и откроется исторический путь для освобождения Европы". "Мы, — сказал монарх, — будем вести войну до полного истребления противника и победим". Члены Коронного совета поддержали короля, и только германофил Петр Карп выразил сомнение в правильности выбора румынским правительством пути. "Ваша победа была бы гибелью для страны", — сказал он, обращаясь к монарху (двое членов совета, Маргилومان и Майореску, воздержались от выражения своих чувств)³⁹.

Однако большинство уверовали в скорую победу. Румыния располагала 600 тыс. солдат и офицеров, которым противостояли меньшие силы — всего 50 тыс. болгарских войск и потрепанные в войне

с Россией австро-венгерские войска. Германские армии были прикованы к другим фронтам, тогда как 50 тыс. русских войск должны были в ближайшее время прийти на помощь румынам. Девь объявления войны поэтому встречали в Бухаресте с ликованием. В столице была устроена манифестация, в здании российского посольства — молебень румынского митрополита. Военно-морской агент России в Румынии капитан 1-го ранга А.Н. Щеглов так описал эти события: "В девь объявления войны я по частному делу зашел к нашему посланнику (С.А. Поклевскому-Козелл. — Ю.П.), который встретил меня совершенно сияющим от радости и поздравил меня с объявлением войны. На это я промолчал, и когда я начал говорить о деле, посланник строго мне заметил, что он удивлен, что я его не поздравляю с успехом и что мое лицо не выражает радости по случаю вступления Румынии. Мне хотелось ответить, что радоваться еще преждевременно, но я воздержался и выразил сожаление, что у меня такое скверное лицо"⁴⁰.

И действительно, все эти восторги вскоре сменились горькими разочарованиями, а бахвальство правящих кругов (и русского посланника!) паникой — так стали развиваться события. Описывая состояние румынских войск после поражения под Туртукаем, А.Н. Щеглов сообщал: "Легкомыслие, самомнение и хвастливость румынских офицеров и правящих кругов после первой же неудачи у Туртука сменили полное падение духа и растерянность, граничившие со всеобщей паникой"⁴¹.

В зачачу настоящей работы не входит объяснение причин такого поворота событий и сколько-нибудь подробного описания самих военных действий⁴², нас интересует иная тема — о роли России в этой войне.

Как уже говорилось выше, царская Ставка с самого начала этой кампании выступала против широкомасштабного участия русской армии в боевых действиях на Балканах, мотивируя это решение необходимостью сосредоточения русских сил на других фронтах⁴³.

Маршал Ж. Жоффр, главнокомандующий сухопутными войсками союзников в Европе, придерживался противоположного принципа и пытался не только втянуть Россию в войну на Балканах, но и взять руководство военными действиями на этом фронте в свои руки, а также поручить царской Ставке организацию снабжения румынской армии вооружением и боеприпасами.

29(16) сентября он направил в Ставку следующую телеграмму, переданную Алексееву через генерала Жанена: "Принимая во внимание важные последствия, которые имел бы для окончания войны вывод из строя Болгарии, на что первым указал генерал Алексеев, я полагаю, что русскому Верховному командованию надлежит теперь же разработать план усиления наступательных операций русских и румынских армий"⁴⁴. Генерал Алексеев, в свою очередь, вручил М. Жанену такую телеграмму:

"Мой дорогой генерал!

Генерал Жоффр, охотно преподающий мне советы и указания относительно положения дел в Румынии и на Балканах, по видимому,

не достаточно ориентирован относительно: 1) общего стратегического положения на этом театре; 2) материальной и боевой подготовки румынской армии и 3) настроения румынского главного командования и правительства⁴⁵.

Указывая на несостоятельность предложения Ж. Жоффра по всем трем пунктам, Алексеев делал вывод о том, что спасти румынскую армию от полного разгрома в Добрудже и на других участках фронта можно только общими усилиями союзников, которые должны предпринять контрнаступление на всех театрах военных действий, в том числе и на Салоникском фронте. "Только при этом условии наши союзники могут и имеют основания указывать на необходимость усиления русских войск в Добрудже для взаимодействия", — писал он⁴⁶.

Начальник штаба Ставки не согласился с предложением Жоффра об использовании русских войск в разгроме болгарской армии. В своей инструкции командиру русскими войсками в Добрудже генералу А.М. Зайончковскому от 25 августа Алексеев рекомендовал ограничиваться боями местного значения и не переходить в решительное контрнаступление, которое привело бы к капитуляции Болгарии. В этом документе говорилось: "Вам надлежит избегать... по возможности ненужного озлобления болгар против нас, дабы не углублять понапрасну пропасти между нами и ими, имея в виду, что их переход на нашу сторону вполне отвечает нашим общим военным и политическим интересам. Необходимо также всячески оттенять ту мысль, что Россия воюет главным образом с болгарским правительством, а не с народом"⁴⁷. Алексеев подготовил проект обращения к болгарскому народу, в котором говорилось: "Немцы хотят на ваших костях построить себе мост в Турцию. Гоните продажных предателей и вместе с русскими войсками вновь завоюйте свободу от Германии и внутренних врагов, продающих вашу родину"⁴⁸.

Однако войскам генерала Зайончковского не пришлось распространять эту прокламацию, болгары не захотели встретить русские войска "с иконами и на колених", как предсказывал царский посланник С.А. Поклевский-Козелл, а оказали им ожесточенное сопротивление⁴⁹. Провалились надежды Антанты на смену правления в Болгарии. Двадцатичетырехлетний престолонаследник Борис и пятнадцатилетний Кирилл, на которых они делали ставку, проявив слабование, подчинились диктату отца⁵⁰. Дела в Добрудже и Салоникском фронте складывались из рук вон плохо для держав Антанты. В Добрудже только армия Зайончковского еще оказывала сопротивление, румынские войска после очередного поражения под Базарджиком и Туртукаем панически бежали, армии германского генерала Фалькенгайна, обрушившись всей своей мощью, захватили Бухарест, на Салоникском фронте войска Центральной коалиции сорвали наступление Восточной армии генерала Мориса Саррайля и ценой больших собственных потерь приостановили наступательные операции сербской армии под командованием принца-регента Александра. Окончились неудачей и выступления в Добрудже первой сербской добровольческой дивизии полковника С. Хаджича, укомплектованной бывшими военнопленными-югославянами австро-венгерской армии на территории

России⁵¹. Чтобы спасти ее от окончательного разгрома, генерал Алексеев отдал приказ об отводе остатков дивизии из Добруджи в тыл⁵².

В целом военная кампания 1916 г., предпринятая державами Антанты в Юго-Восточной Европе, была проиграна. В войне наступил период известного равновесия сил, и обе противоборствующие коалиции приступили к разработке планов заключения мира.

¹ АВПР. Ф. ПА. Д. 3792. Л. 9—10. М.В. Алексеев—Николаю II. Ставка. 1916. 16.VII. № 868.

² Там же.

³ Там же. Л. 10. Записка А.А. Савинского В.В. Штюрмеру. Петроград, 1916. 19(6).VIII.

⁴ Там же. Л. 27. Записка А.М. Петряева Б.В. Штюрмеру. Ставка. 1916. 16. VIII.

⁵ АВПР. Ф. ПА. Д. 1749. Л. 73. Н.А. Базили — МИД. Ставка. 1916. 23.VII. № 973.

⁶ Там же. А.А. Савинский — Б.В. Штюрмеру. Петроград, 1916. 19(6).VIII.

^{6a} Там же.

⁷ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 607. Л. 97. В.П. Пелехин — МИД. Корфу, 1916. 29(13).

№ 102.

⁸ Цит. по: *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1923. С. 126.

⁹ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия в 1914—1917 гг. Война на Балканах: Монреаль, 1983. С. 275—276.

¹⁰ АВПР. Ф.ПА. Д. 1753. Л. 17. Б.В. Штюрмер — Н.А. Базили. Разговор по прямому проводу. Петроград—Могилев, 1916. 18.VII.

¹¹ Там же. Д. 3792. Л. 13. Б.В. Штюрмер — М.В. Алексееву. Петроград, 1916. 31(18). VIII. № 3315.

¹² ЦГВИА. Оп. 1. Д. 1548. Л. 1—3.

¹³ Архив Србије. МИД. ПО. 1914. Ф. XII. Д. 278.

¹⁴ *Тргочевић Л.* Научници Србије и стварање Југословенске државе, 1914—1920. Београд, 1986.

¹⁵ Записници седница Министарског савета Србије 1914—1915 године/Приред. Д. Јанковић, Б. Храбак. Београд. 1976. С. 322.

¹⁶ АВИИ Ф.7. К. 145. Д. 2. № 141/10.

¹⁷ Цит. по: *Кочић Д.* Србија, Банат ево питање и улазак Румуније у рат // ИИ ЗР. Београд, 1986. Књ. 5. С. 188.

¹⁸ Там же.

¹⁹ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 623. Л. 8. Александр — царю. Салоники, 1918. X. № 113.

²⁰ АВПР. Ф. ПА. Д. 4041. Л. 2. М.Н. Гирс — МИД. Рим, 1916. 12.VII(30.VII). № 631.

²¹ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 566. Л. 22. М.Н. Гирс — МИД. Рим. 1916. 15(2). IX. № 634.

²² А.Ј. Ф.Йована Йовановића. 1916. № 187, 193. Й. Йованович — Н. Пашичу. 1916. 22.VIII.

²³ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 563. Л. 22. А.П. Извольский — Б.В. Штюрмеру. Париж, 1916. 19(6). IX. № 675.

²⁴ Там же. Д. 566. Л. 23. Э. Грей — Дж. Бьюкенену, Лондон, 1916. 18(5).IX. № 2107.

²⁵ ДА ДСИП. ПО. МИД. 1916. Ф. XIV. Досье "Россия", № 4. М. Спалайкович - Н. Пашичу. Петроград, 1916. 18. VIII. № 724.

²⁶ Там же.

²⁷ См. список использованной литературы.

²⁸ АВПР. Ф.ПА. Д. 1908. Л. 55. М.В. Алексеев — Н.А. Базили. Ставка, 1916. 26(13).I.

²⁹ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3436. Л. 25.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 3126. Л. 47. Записка Е. Волкова "Вопрос о мире и отношении к России, согласно и Сербии в болгарской прессе". Бухарест, июнь 1916.

³² Там же.

³³ АВПР. Ф.ПА. Д. 3793. Л. 9. С. Богоявленский — Ставке. Бухарест, 1916. 29(16). VIII. № 3738. (В документе ошибочно поставлена дата 1916. 29.XI.)

- ³⁴ ЦГА ВМФ. Оп. 1. Д. 3126. Л. 47. Записка Е. Волкова.
- ³⁵ ДА ДСИП. ПО. МИД. 1916. Ф. VI. Досье "Россия". Й. Йованович — Н. Пашичу. Лондон, 1918. 21(13).X. № 34.
- ³⁶ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 541. Л. 7. Генерал Жанен — маршалу Жоффру. Ставка, 1916. 16(3). III. № 177.
- ³⁷ АВПР. Ф. ПА. Ж. 3792. Л. 23. Н.А. Базили — А.А. Нератову. Ставка, 1916. 16(3). VIII.
- ³⁸ Там же. Л. 27. Н.А. Базили — А.А. Нератову. Ставка, 1916. 16(3). VIII.
- ³⁹ *Реновен П.* Европска криза и први светски рат. Загреб, 1965. С. 311.
- ⁴⁰ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3528. Л. 108. Капитан 1-го ранга. Щеглов — Морскому генеральному штабу (Капнисту). Бухарест, 1916. 20.IX.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: *Виноградов В.Н.* Румыния в период первой мировой войны. М. 1969.
- ⁴³ АВПР. Ф. ПА. Д. 3792. Л. 64. М.В. Алексеев — Н.А. Базили. Ставка, 1916. 23. VIII.
- ⁴⁴ ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 6. Л. 92. Маршал Жоффр — генерал Жанену. Париж, 1916. 19. IX.
- ⁴⁵ ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 60. Л. 38. М.В. Алексеев — генералу Жанену. Ставка. 1916. 7.X.(25.IX).
- ⁴⁶ Там же. Л. 38.
- ⁴⁷ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 541. Л. 18. М.В. Алексеев — А.М. Зайончковскому. Ставка, 1916. 7.X(25.IX). № 1534.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3528. Л. 108. Капитан 1-го ранга Н.А. Щеглов — контр-адмиралу Д.В. Ненюкову. Бухарест, 1916. 20.XI.
- ⁵⁰ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Л. 541. Л. 19. А.А' Савинский — МИД. Петроград, 1916. 19(6).VIII.
- ⁵¹ См.: *Стратегический очерк войны 1914—1918. Румынский фронт* / Сост. Ф.И. Васильев. М., 1922. С. 118.
- ⁵² АВИИ. Св. 3. К. 111. Ф. 9. Б. Терзич — регенту Александру. Салоники, 1916. 4.X. № 2252.

КРИЗИС В СЕРБИИ ОБОСТРЕТСЯ

НЕУДАЧИ НА САЛОНИКСКОМ ФРОНТЕ

Осенью 1916 г. союзными и сербскими войсками было предпринято наступление на Салоникском фронте. В этих операциях предполагалось участие английской армии генерала Мильна численностью 104 тыс. солдат и офицеров, французской Восточной армии генерала Гросети, насчитывавшей 125 тыс. человек, 60 тыс. итальянских войск, 160-тысячной сербской армии под верховным командованием принца-регента Сербии Александра Карагеоргия и двух русских пехотных бригад — 2-й и 4-й, только что переброшенных с Западного фронта. Их численность составляла 10 тыс. человек¹. Главнокомандующий Салоникским фронтом генерал Морис Саррайль располагал в общей сложности значительными силами в 459 тыс. войск, которые на первый взгляд могли выполнить поставленную задачу. Однако эти цифры были только на бумаге. На деле в наступлении приняли участие далеко не все названные силы. Так, на передовых позициях находились всего 81 тыс. английских и 79 тыс. французских войск, 10 тыс. русских и 160 тыс. сербских войск, а итальянское командование вообще отказалось от участия в боях, заявив, что оно должно обеспечить оборону захваченного у Албании города Валона².

Остальные войска Саррайля находились в тылу либо на подходе к передовой. Наступление было плохо организовано, тогда как противная сторона оказалась на высоте. Вооруженные силы Четверного союза насчитывали примерно столько же войск, но превосходила армию Саррайля по своей организованности, мобильности и в техническом отношении, особенно в артиллерии. Все эти факторы сыграли в боях решающую роль.

Основная тяжесть боев легла на сербов, русских и отчасти на французские войска, причем русские бригады вошли в бой, не получив отдыха: они только-только прибыли из Франции³, а значительная часть французской армии была укомплектована колониальными войсками из Сенегала и Марокко. Их боеспособность оказалась низкой.

Генерал Саррайль поставил наступающие войска в неравные условия. На более ответственных участках фронта воевали сербы, русские и колониальные войска, на менее опасной — французы и англичане. Сербские войска дислоцировались в следующих пунктах: 1-я сербская армия — на участке от реки Вардар до селения Кожура, 2-я — от Ветерника и Добро Поле до Каймакчалака,

Русский отряд Красного креста на Салоникском фронте

3-я — от Каймачкалака до коммуникации Баница—Флорина. Сюда же были переброшены русские войска, а позже части французской Восточной армии⁴. Английские войска удерживали позиции на сравнительно спокойном участке фронта у реки Струма⁵.

Командование фронта не обеспечило войска артиллерией, о чем сигнализировал военный представитель России при штабе Салоникского фронта генерал В.А. Артамонов. 17 июля он прислал тревожную телеграмму в царскую Ставку о крайне неудовлетворительном положении с вооружением русских и сербских войск⁶. При наступлении не была осуществлена координация боевых действий всех армий, из рук вон плохо работал штаб фронта. Представитель Верховного командования сербской армии при этом штабе полковник Лешьянин констатировал: "...неоправданное недоверие по отношению к нам превосходит всякую меру и идет только во вред. Тогда как англичанам и французам все дозволено, нам чинятся препятствия. Когда я прибываю в штаб, то все мои вопросы по ознакомлению с важными планами остаются без ответа или получают неполный ответ. Штабные работники доходят до того, что прячут от меня доклады"⁷.

Каждая армия действовала по своей инициативе. Англичане, французы и сербы имели собственные командования, которые хотя и подчинялись генералу Саррайлю, но осуществляли свои планы операций. Русские войска первое время стояли особняком, и когда верховный командующий сербской армии принц-регент Александр попытался было присоединить их к сербским войскам, генерал М. Дитерикс отклонил эту просьбу, заявив о "неудобстве включать войска великой державы в состав малого государства"⁸.

Позже русские войска, как правило, воевали совместно с сербами. Армии фронта не имели общей интендантской службы, единого медико-санитарного управления, централизованного снабжения войск артиллерией, оружием и боеприпасами. Вот что писал, например, о медицинском обеспечении сербских войск русский доктор Я.И. Чабров, основавший на средства Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества военно-полевой госпиталь: «Сербь здесь кроме своих дивизионных больниц не имеют никаких госпиталей. Эти больницы совсем не оборудованы, больные помещаются в палатках, в своей одежде, иногда даже прямо на земле. Раненые сербские солдаты направляются в так называемые "альпийские санитарные отряды", обслуживавшиеся французскими и английскими врачами. В этих отрядах дело поставлено из рук вон плохо»⁹. Еще хуже была организована медицинская служба у самих сербов в так называемом "санитете". "Из санитета, — писал Чабров, — сербы не получают достаточно перевязочных материалов, врачам приходится резать на компрессы лохмотья, полотенца, в палаты не поступают необходимые медицинские инструменты, их изготавливают из вилок и ложек и такими инструментами делают операции. Жестянки из-под бензина превращаются в стерилизаторы. Медикаменты лежат на складах, но их почему-то не выдают"¹⁰.

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Пагубные последствия для Экспедиционного корпуса генерала М. Саррайля и для сербских войск имела разобщенность действий двух фронтов — Салоникского и Румынского. Воспользовавшись колебаниями румынского командования, постоянно откладывавшего выступление своих войск, и непродуманностью плана военных операций штабом генерала Саррайля, 1-я и 2-я болгарские армии генерала Бояджиева и Тодорова 17 сентября, за два дня до наступления войск Саррайля, нанесли превентивный удар на решающем участке Салоникского фронта по линии Битоль—Острово¹¹.

В ходе боев болгарские войска, имевшие численное превосходство в 2—3 раза, сначала опрокинули английские войска, прикрывавшие подступы к р. Струме, а затем потеснили Дринскую и Дунайскую дивизии 3-й сербской армии под командованием генерала Павле Юришич-Штурма в добровольческий корпус сербского воеводы Вука. Прорвав фронт, болгары заняли стратегически важный пункт — г. Флорина (Лерина) и с помощью немецких войск вышли к Эгейскому морю в районе порта Кавала¹².

Над Салоникским фронтом нависла серьезная опасность. Генералу М. Саррайлю было уже не до наступления — надо было спасать положение. Значительную роль в противодействии болгарам в этот момент сыграли сербы, русские пехотные бригады и переброшенная в район болгарского прорыва французская дивизия¹³. В руководстве 3-й сербской армии произошли перемены; ее командующим был назначен энергичный генерал Милан Васич, который обратил главное внимание на поднятие дисциплины и стойкости сербских войск.

В изданном им 21 сентября приказе говорилось: "Положение на Салоникском фронте таково, что мы, сербы, после поражения Дунайской дивизии не можем отступить даже шага назад, так как нам отступать некуда".

Начальник штаба Верховного командования сербской армии генерал Петар Боевич, борясь с деморализацией, распорядился о введении в войсках военно-полевых судов.

После первых неудач на Салоникском фронте наступил перелом. Решающее значение имели бои сербских войск у Горничевича, русских 2-й и 4-й бригад у Черной речки и французских войск, оказавших им помощь¹⁴.

Легендарной славной покрыли себя сербы в битве на горе Каймакчалан, которая прикрывала подступы к г. Битолю¹⁵. Это сражение продолжалось 10 дней — с 20 по 30 сентября — и закончилось поражением противника. О напряженности боев свидетельствует следующая запись швейцарского публициста Арчибальда Райса, сопровождавшего сербские войска: "На северо-западной части горы Каймакчалан на высоте 2265 метров над уровнем моря гуляет ветер, гоняя грозовые тучи. С горы открывается величественная панорама всей Македонии — от Скопле до Салоник. И тут же на вершине лежат сотни трупов, сербов и болгар вперемежку, повсюду валяются шлемы солдат, так и не уберегшие их владельцев от пуль. Вокруг горы в небе кружат орлы-стервятники, паря над этим лагерем смерти... Они охраняют свою добычу"¹⁶.

Прошли годы, но память о Каймакчалаке осталась навечно¹⁷. 30 сентября 1918 г., в день двухлетней годовщины этих боев, на горе был воздвигнут монумент — часовня, а в честь погибших на поколе памятника выгравированы слова из приказа верховного командующего сербской армии Александра Карагеоргия: "Моим героическим, неустрашимым и верным воинам, тем, кто своей жизнью открыл путь к свободе и остался здесь как вечная стража на пороге отечества"¹⁸.

8 октября 1929 г. Общество офицеров-резервистов сербской армии, выполняя последнюю волю Арчибальда Райса, захоронило на горе Каймакчалак урну с его прахом¹⁹.

После взятия Каймакчалака сербскими войсками в ночь с 18 на 19 ноября по новому стилю был освобожден город Битоль, что имело особенно большое значение, так как он открывал дорогу в глубь Сербии. В боях за Битоль отличились 1-я сербская конная дивизия и 2-я русская пехотная бригада. После взятия города туда также вступили французские войска²⁰.

В ходе боев сербы потеряли 33 449 солдат и офицеров, русские — одну треть своего состава²¹. На окраинах Битоля расположены два кладбища — французское, впечатляющее своей монументальностью, и простенькое, заросшее бурьяном сербское, но нет ни одной могилы русским солдатам. Кости русских воинов разбросаны по всем Балканам, но об их подвигах мало знают в стране, так как об участии русских войск в военных действиях на Салоникском фронте не написано ни одной работы. Осталась неизвестной и судьба 2-й и 4-й

Новый начальник штаба верховного командования сербской армии воевода Петар Боевич

пехотных бригад. Она была печальной. В 1917—1918 гг., когда Советская Россия вышла из войны, французское командование расформировало русские соединения, отправив солдат в трудовые лагеря и рудники Африки. Многие из них погибли. Автор рассказывает об этом в третьей части своей книги "1917 г.: Россия и Сербия на перепутье".

После битовльской операции дальнейшие военные действия на этом участке фронта прекратились. Болгаро-немецкие войска под командованием германских генералов Белова и Хаппеля организованно отошли в горы, сербские, русские и французские войска ограничились обороной Битоля; не имея достаточных сил для развития наступления, генерал Саррайль отказался от развития новых наступательных операций. На фронте установилось относительное затишье.

РОСТ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Вместе с прекращением военных действий погасли и надежды солдат на быстрое возвращение домой. Почти повсеместно в воинских подразделениях возникло острое чувство безысходности и усталости от войны. Для сербов это была уже третья война подряд (первая — в 1912, вторая — в 1913, третья — в 1914 г.). На сербские

войска угнетающе действовала сама обстановка на Салоникском фронте. Воевать приходилось в горах, вдали от населенных пунктов, в отрыве от остального мира.

Вот что писал об этом один из участников боев на Македонском фронте — Д. Протич: "В этой пустыне, стране волков и серн, на высоте 1400 метров, мы совершенно одичали и не чувствовали себя людьми". "Здесь все мертво, — жаловался соотечественник Велькович, — я постепенно умираю от этой бессмысленной жизни"²².

Единственным источником информации для сербских войск была правительственная газета "Српске новине". Но она издавалась на о-ве Корфу и приходила на фронт с опозданием на одну-две недели. Газета тщательно препарировалась военной цензурой и сообщала скудные сведения. Частная газета "Српски гласник", издававшаяся в Салониках, поступала на фронт тоже редко и вскоре была закрыта властями. Русские войска находились еще в более худших условиях. Они получали лишь прифронтовой листок "Русский вестник", который выпускал генерал В.А. Артамонов. Иногда на фронт попадала "Военная газета для русских войск", издававшаяся Военной комиссией французского сената в Париже. Ее поступление на Салоникский фронт тоже было событием. Из-за незнания иностранных языков сербские и русские солдаты не могли читать французские, английские и греческие газеты.

Командование фронта преднамеренно поддерживало состояние изолированности и отчуждения войск разных национальностей друг от друга, надеясь таким образом предотвратить распространение антивоенных и революционных идей.

Но солдаты находили обходные пути для получения информации. Они использовали близость сербохорватского, русского и болгарского языков для налаживания связей через линию фронта. Начальник штаба Верховного командования сербской армии генерал Бойович в секретном приказе штабу 2-й армии от 20 декабря 1916 г. писал: "На некоторых участках фронта 2-й армии дело дошло до недозволенных отношений между сербскими и болгарскими солдатами. Болгары принимают от сербов письма, чтобы доставить их семьям сербов"²³.

На участке фронта близ села Тушина сербы и болгары наладили регулярный обмен корреспонденцией. Для этой цели был приспособлен большой камень с углублением под ним. Солдаты называли эту форму общения "международной почтой". Между болгарскими и сербскими солдатами было достигнуто соглашение не стрелять друг в друга или стрелять в сторону. Солдаты 20-го сербского пехотного полка 1-й армии установили фактическое перемирие с солдатами 45-го болгарского полка²⁴. В долине р. Вардар в секторе Караджица болгарские солдаты доставляли сербам письма от родных из оккупированной местности²⁵. Такие же взаимоотношения возникали на ряде участков фронта, где друг против друга воевали болгарские и русские войска²⁶.

В ряде случаев сербские и русские войска неохотно вступали в бой. Усилилось дезертирство. Многие солдаты и даже офицеры

переходили линию фронта, чтобы добраться домой. Командующий 1-й сербской армией воевода Живоин Мишич предложил верховному командующему принять "срочные меры для поддержания морального духа в войсках"²⁷. Александр, предупреждая маршала Ж. Жоффра о падении морали среди сербских войск, обратился с просьбой об отзывании их с фронта и отправлении в тыл, хотя бы на краткий отдых. В телеграмме от 4 января 1917 г. он сообщал: "Нравственное и физическое состояние сербского солдата требует, чтобы всем нашим войскам был дан отдых... Мораль упала до того, что небольшие группы стали сдаваться в плен врагам, а в некоторых случаях [солдаты] в отчаянии кончают жизнь самоубийством"²⁸.

Верховное командование сербской армии пыталось приостановить дезертирство введением чрезвычайных военно-полевых судов. В воинских частях были учреждены трибуналы, а офицерам дано указание расстреливать без суда на месте дезертиров. Командующий фронтом генерал Саррайль отдал приказ французским артиллерийским батареям открывать огонь по местам встреч сербских и болгарских солдат. В прифронтовой полосе по распоряжению сербской службы безопасности в населенных пунктах Енидже, Вардар, Острово, Сорович, Вегия, Вертекоп и Воден были созданы жандармские посты для наблюдения за общением сербских солдат с населением²⁹.

В декабре с фронта были отозваны в тыл две "неблагонадежные" дивизии — Вардарская и Моравская — и заменены войсками 2-й русской пехотной бригады. Но вскоре по тем же причинам пришлось отзывать с передовой и русские войска. На фронте, несмотря на все усилия военного командования, росло революционное движение, которое получило значительный размах после свержения в России царизма³⁰.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС "ВЕРХОВ"

Затягивание войны отрицательно сказывалось на состоянии правящих кругов Сербии. Верховное командование и правительство сваливали друг на друга вину за неудачи на фронте и кризисное положение в тылу. Разброд и шатания охватили все политические партии, а также депутатов Народной скупщины. Вместо консолидации сил для продолжения войны в верхнем эшелоне шла взаимная грызня, разгорелась борьба за власть. Она распространялась даже на ближайшее окружение регента и премьер-министра. Они начали интриговать друг против друга. За этими противоречиями стояли личные мотивы — и Александр и Пашич обладали властным, крутым характером и не терпели соперничества. Н. Пашич имел значительный авторитет у союзников и опирался на их поддержку. Он был лидером правящей сербской Народной радикальной партии, которая располагала большинством мандатов в Скупщине. На стороне Пашича была также чиновничья бюрократия.

Александр находил опору у сравнительно узкой прослойки высшего и среднего офицерства, объединенного в негласную группи-

ровку под названием "Белая рука" (по контрасту с той частью офицеров, которая состояла в обществе "Черная рука"). Эта группировка была немногочисленной, но занимала ведущие посты в армии и пользовалась привилегиями при дворе. Состоявшие в ней офицеры охраняли особу регента, выполняя роль его личной гвардии и полицейские функции. Принц нуждался в этом: время было трудное, против власти зрели заговоры. Регент был молод и неопытен в государственных делах, но уже искушен в политических интригах. Он был болезненно честолюбив и крайне амбициозен, завидовал популярности даже собственного отца. Отправив короля на лечение за границу, Александр оставил больного старика в полном одиночестве и ни разу с ним не встречался³¹. Своего старшего брата Георгия Александр запрятал в сумасшедший дом, где тот провел более 15 лет.

Александр втайне ненавидел многоопытного и популярного Пашича. Последний, в свою очередь, не собирался уступать "зеленому юшу", как он называл принца. Привыкнув при короле Петре I управлять единолично, он не хотел мириться с изменением обстановки. Пашич занимал одновременно три важные позиции: был лидером правящей партии старых радикалов, что обеспечивало ему большинство в парламенте, являлся бессменным (с 1912 г.) главой правительства и располагал портфелем министра иностранных дел. Последнее обстоятельство имело особое значение — международный авторитет Пашича был выше, чем у регента Александра, особенно ценили министра в России и Франции, где он пользовался почти неограниченным кредитом. Петербург дважды поддержал Пашича в 1914 г. при покойном посланнике Н.Г. Гартвиге, когда организация офицерства "Черная рука" попыталась было оградить его от власти. Новый русский посланник в Сербии кн. Г.Н. Трубецкой также ориентировался на Пашича. Во Франции вообще Сербию ассоциировали с Пашичем, а не с Александром.

Поэтому регент предпринял прежде всего попытку усилить свои позиции на международной арене. В марте 1916 г., когда намечалась первая масштабная поездка правительственной делегации во Францию, Англию и Россию, он, отстранив Пашича, назначил главой делегации самого себя. Когда Пашич в апреле поехал в Петроград, регент приставил к нему согладатая. Осенью 1916 г. во время парламентского кризиса Александр предпринял новую попытку сместить Пашича с поста премьера, назначив на его место более нейтрального генерала Живоина Мишича или бывшего посланника в Черногории, Австро-Венгрии и Англии Йована Йовановича³².

Сам кризис возник по вине Пашича, который, игнорируя Народную скупшину, управлял правительством бесконтрольно, что вызвало протест депутатов, причем не только сторонников оппозиции, но и части членов партии радикалов, отколовшихся от самой правящей партии и образовавших свой клуб. К недовольным присоединились члены офицерской организации "Черная рука". Они выступили с требованием создания коалиционного правительства и срочного созыва Скупщины для обсуждения вопроса о внешней политике

государства. Возникла угроза введения в стране военной диктатуры. Снова на помощь Пашичу пришла Россия. Николай II в беседе с сербским посланником в Петрограде М. Спалайковичем выразил озабоченность развитием события в Сербии, предупредив о нежелательности прихода к власти "сомнительных элементов" в лице "сербских младотурок" (царь имел в виду "черноруковцев", сравнивая их с младотурками, осуществившими в 1908 г. в Турции военный переворот). Регент Александр, узнав о мнении царя, отказался от своих первоначальных планов и пошел на примирение с Пашичем, тем более что и он сам чувствовал угрозу со стороны "Черной руки".

Вскоре им удалось уладить конфликт с парламентской оппозицией. 10 сентября указом регента была созвана Народная скупщина, которая заслушала отчет Пашича о внешней политике и приняла государственный бюджет³³. Этой уступки оказалось вполне достаточно, чтобы погасить парламентские страсти. Пашич вновь остался у власти, а сопротивление самовластию сербского премьера оказалось всего лишь "бунтом на коленях". Оппозиция, получив подачку со стороны правительства и регента, прекратила борьбу. Иначе реагировали на компромисс между Пашичем и Александром члены "Черной руки". Среди наиболее экстремистских членов этой организации стали вынашиваться планы государственного переворота.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И "ЧЕРНАЯ РУКА"

Деятельность организации "Черная рука", известной также под названием "Объединение или смерть", в первые годы ее существования уже освещена в предыдущих работах автора³⁴. Во время войны, и особенно после военной катастрофы 1915 г., она стала представлять главную опасность для правительства, так как выступала с резкой критикой его деятельности, что отражалось на состоянии и без того деморализованной армии. Организацией, как и прежде, руководили смелые, энергичные и волевые люди, готовые во имя достижения своих целей — установления твердой власти — пойти на самые крайние меры вплоть до военного переворота и физического устранения главы правительства. Руководитель тайного общества полковник генерального штаба Драгутин Димитриевич, названный за свою неиссякаемую энергию и физическую силу "Аписом" ("священным быком"), хотя и признавал регента Александра главой государства, выражал недовольство его деятельностью, считая, что он не обладает необходимыми качествами, чтобы руководить вооруженными силами страны. "Черноруковцы" проявляли недовольство чисткой армии, в результате которой многие члены организаций были смещены со своих постов. Так, сам Апис был отстранен от поста руководителя Осведомительного отдела генерального штаба и назначен на менее видный пост начальника штаба 3-й армии. Затем последовали другие перемещения членов офицерского союза. Значительным ударом по организации было увольнение в отставку начальника штаба Верховного коман-

Руководитель "Черной руки" полковник генерального штаба Сербии Драгутин Димитриевич-Апис

дования сербской армии популярного в войсках полководца воеводы Радомира Путника, который покровительствовал "Черной руке". Александр, воспользовавшись болезнью старого генерала, отпустил его со службы, сделав это в грубой форме, что вызвало возмущение многих его сторонников: Р. Путник, находясь в отпуске в Ницце, узнал об отставке из ведомости на получение жалованья.

Гонениям стали подвергаться члены организации из числа волонтеров, главным образом боснийских сербов, которые сами в начале войны добровольно перешли на сторону сербской армии. Многие из них придерживались крайних взглядов, являясь сторонниками

решительных действий и индивидуального террора. Они представляли для правительства значительную опасность.

После упоминавшегося провала наступления Экспедиционного корпуса Саррайля на Салоникском фронте отношения между правительством Сербии и "Черной рукой" еще более обострились. Члены организации стали обвинять Верховное командование в неудовлетворительной подготовке и ведении военных операций, а Пашича в недостаточности контактов с союзниками. По словам югославского историка В. Вучковича, который тщательно изучил вопрос о внутривнутриполитическом кризисе, охватившем в это время как сербскую армию, так и правящие круги, общая обстановка на Корфу и на Балканском театре военных действий стала взрывоопасной³⁵. Регент Александр принял решение о проведении в армии чистки. Пашич выступил против этих крутых мер, опасаясь, что они вызовут отрицательную реакцию в республиканской Франции, а также в России, где бурно развивалось революционное движение. Военный министр Божидар Терзич поддержал регента и, воспользовавшись покушением неизвестных лиц в районе Острова 25 (12) сентября 1916 г. на Александра, явочным порядком приступил к формированию в армии военных трибуналов. В декабре того же года был арестован Апис, а вслед за ним к другим членам организации "Черная рука". Состоявшийся в Салониках военный суд над арестованными офицерами обвинил их в государственной измене и организации покушения на верховного командующего, и хотя эти обвинения не были судом доказаны, приговорил троих главных подсудимых — полковника Драгутина Димитриевича-Аписа, майора Любомира Вуловича и боснийца Раде Малобабича — к высшей мере наказания — расстрелу, а остальных подсудимых к различным срокам тюремного заключения. Сербское правительство, санкционировав приговор, объявило о запрете организации "Объединение или смерть"³⁶.

Во всей этой истории много загадочного, о чем читатель может узнать из следующей книги автора.

¹ ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1195. Л. 141, 152, № 154.

² Там же.

³ См.: Дрејлинг Р., Илић В. Учесће руских трупа на Солунском фронту // Ратник. 1930. № 3/4.

⁴ Пешић П. Солунски фронт: Војно-политичка акција. Београд, 1921. С. 37—39.

⁵ ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1195. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 155. В.А. Артамонов — Ставке. Салоники, 1916. 30.V.

⁷ ВРС. Кв. XV. С. 100—110.

⁸ ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1109. Л. 25—26.

⁹ ЛОГИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1668. Л. 255, 262. Я.И. Чабров — Правлению Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Салоники, б/д.

¹⁰ Там же. Л. 329—330.

¹¹ Недевъ Н. България въ съветовната война (1915—1918). София, 1925. С. 64.

¹² Скоко С. Бој на Камакачалану // ИИ ЗР. Београд, 1986. Кв. 5. С. 33—61.

¹³ Томац П. Први светски рат 1914—1918. Београд, 1973. С. 400.

¹⁴ ВРС. Кв. XVII. С. 147, 173.

¹⁵ Скоко С. Указ. соч. С. 50—58.

¹⁶ Рајс А. Писма са српско-македонског фронта. Београд, 1924. С. 21—23.

¹⁷ См.: *Крстановић С.* Кајмакчалан капија слободе // Голгота и васкрс Србије / Припрем. *С. Ђурић, Р. Стевановић.* Београд, 1986. С. 409—418.

¹⁸ Цит. по: *Скоко С.* Указ. соч. С. 54.

¹⁹ На урне стои надпис: "Здесь, на вершине Каймакчалана похоронено золотое сердце друга сербов, который разделил их судьбу в самые тяжелые годы их истории швейцарца Райса" (Там же).

²⁰ ВРС. Књ. XX. С. 553.

²¹ Там же.

²² Цит. по: *Храбак Б., Цамбазовски К.* Српски социалдемократи на Солунском фронту у Солуну и на Крфу, 1916—1918 // ИГ. 1061 № 1—4. С. 161.

²³ АВИИ. П. 4/11. Књ. № 11. Генерал П. Боевич — Александру, Салоники, 1916. 20. XII. № 515. 24; 939, 585.

²⁵ Там же. П. 3. К. 140, № 1. М. Саррајль — П. Боевичу. Салоники, 1917. 27. II. № 34, 36.

²⁶ *Писарев Ю. А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916—1918 гг. // ИЗ. 1966. Т. 79. С. 123.

²⁷ АВИИ. П. 3. К. 147, № 5. Генерал Ж. Мишич — Александру. 1916. I. VII. № 4146.

²⁸ АВПР. Ф. ПА. Д. 4273. Л. 78. Александр — Жоффу. Салоники, 1917. 4. I.

²⁹ АС. Ф. Министарство унутрашњих дела. Д. Протоколи избегличких архива. 1916.

³⁰ См.: *Писарев Ю. А.* Русские войска... С. 123.

³¹ См.: *Прибичевић С.* Диктатура краља Александра. Београд, 1952.

³² См.: *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и први светски рат // ИЧ. Београд, 1965. Књ. 14/15. С. 209—210.

³³ Стенографске белешке Народне скупштине. Крф, 1916. Л. 50.

³⁴ *Храбак Б.* Делатност припадника организације "Црна рука" за време првог светског рата. Краљево, 1975. С. 9—15.

³⁵ *Вучковић В.* Указ. соч. С. 213—219.

³⁶ Тајна превратна организација: Извештај са претреса у војном суду за офицере у Солуну. Солун, 1918.

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА. СЕРБИЯ И СОЮЗНИКИ

НОВАЯ ПРОГРАММА А. ТРУМБИЧА

В конце 1916 г. перед сербским правительством снова во весь рост встала так называемая югославская проблема, от решения которой зависела судьба Сербии. Наудача сербских войск на Салоникском фронте была использована председателем лондонского Югословенского комитета Анте Трумбичем для пересмотра Нишской декларации от 7 декабря 1914 г., согласно которой Сербия провозглашалась центром объединения всех югославянских земель. Он обратился к Англии, Франции и Италии с Заявлением о том, что Хорватия имеет такое же право стать "Вторым Пьемонтом", как и Сербия, и что союзники должны принять это во внимание при обсуждении вопроса об установлении новых государственных границ на послевоенной мирной конференции¹.

Заявление Трумбича вызвало беспокойство лидеров сербского гегемонизма Н. Пашича и регента Александра. По словам временного поверенного в делах России при сербском королевском дворе Б.П. Пелехина, Пашич был обеспокоен как выступлением Трумбича, так и позицией самих союзных держав. "Даже находясь в постели из-за обострения ишиаса, глава сербского правительства неотвязно думал о судьбе Сербии", — сообщал он в телеграмме в Петроград от 15 (2) сентября 1916 г.²

Особое беспокойство сербского премьера вызывала позиция Италии и той части членов английского правительства, которая и ранее была противницей великодержавных планов Сербии и поддерживала программу А. Трумбича. Уже в конце августа министр иностранных дел Италии Сидней Соннино поручил послу в России маркизу Андреа Карлотти ди Рипербелло высказать Б.В. Штюмеру свои сомнения по поводу возможного объединения Сербии с Черногорией, за что ратовало сербское правительство³. При этом Карлотти дал понять, что Италия является противницей создания сильного югославянского государства во главе с Сербией и опасается не только этого объединения, но и вообще осуществления других унионистских планов Сербии и ее притязаний на порт Котарро. Он заметил, что в Италии предпочитают сохранить слабую Черногорию и что в Риме уже идут переговоры о возможности поддержать кандидатуру на черногорский престол королевича Данилы в случае, если от него отречется король Николай.

Штюмер, как упоминалось выше, дал Карлотти уклончивый

ответ о позиции России в этом вопросе. Такая позиция России не удовлетворила ни Италию, ни Сербию. Еще больше беспокоила Пашича позиция руководства армии и МИД Британии, в частности начальника генерального штаба генерала Вильяма Робертсона и заместителя статс-секретаря по иностранным делам лорда Сесилия. Первый после кончины военного министра лорда Китченера стал фактическим руководителем вооруженных сил страны, второй оказывал заметное влияние на формирование внешней политики государства. Оба этих видных деятеля продолжали считать лишней тратой сил оказание помощи сербской армии и выступали против увеличения численности английских войск на Балканах⁴.

После неудачи союзных войск в осеннем наступлении 1916 г. на Салоникском фронте В. Робертсон окончательно укрепился в этом мнении. Он утверждал, что на Балканах можно оставить лишь незначительный контингент, который должен вести «войну на истощение противника», т.е. ограничиться оборонительными операциями, а основные силы перебросить на Западный фронт⁵.

Правда, новый премьер Англии Дэвид Ллойд Джордж придерживался другой точки зрения, но и он не торопился с оказанием Сербии реальной помощи.

Немалую тревогу у Пашича вызывала деятельность в Великобритании "Англо-итальянского лиги", созданной эмигрантами-далматинцами при участии парламентариев. Это общество стояло на позициях защиты интересов Италии и было противником пересмотра в пользу Сербии Лондонского секретного договора 1915 г. Сербский посланник в Англии М. Бошкович в телеграмме Н. Пашичу от 10 декабря предостерегал правительство от опасности антисербской пропаганды названного общества⁶. Интересы Сербии защищало вновь созданное "Сербское общество Великобритании" (The Serbian Society of Great Britain), возглавляемое лордом Кромером и сэром Э. Карсоном Хьюзом⁷, но оно занималось преимущественно благотворительной деятельностью и оказывало незначительное влияние на политику МИД. В целом английское правительство в 1916 г. продолжало стоять на позициях "сдержанного отношения" к Сербии, выжидая результатов дальнейшего развития событий. Оно готово было поддержать югославянскую программу Сербии в случае, если последняя победит в войне, но склонялось к обсуждению и других вариантов решения югославянского вопроса. Кроме того, официальные круги Великобритании не отказались в 1916 г. от старых планов ориентации на отрыв Австро-Венгрии от Центральной коалиции, что противоречило интересам Сербии.

Аналогичная ситуация сложилась и во Франции, хотя французское правительство все же отдавало себе отчет в значении Салоникского фронта и значительно больше Англии помогало Сербии в осуществлении ее планов. Более того, в последнее время в Париже произошла весьма значительная эволюция взглядов в пользу Сербии, что сказалось и на усилении военной поддержки Францией сербской армии. При технической помощи Франции после неудачи на Салоникском фронте произошла новая реорганизация сербских вооружен-

ных сил. В связи с их большими поражениями на фронте вместо трех сербских армий были созданы две: 1-я и 2-я, каждая из которых состояла из трех дивизий. Эти части стали лучше оснащаться оружием и снабжаться французской интендантской службой.

Большую материальную поддержку сербскому народу оказывали "Французский комитет в Париже" и "Общество сербский народ во Франции" (*La nation serbe en France*). Первый собрал 67 тыс. комплектов одежды и 13 тыс. пар обуви для сербской армии, второе — 340 тыс. франков добровольных взносов в фонд помощи голодающему населению Сербии⁸.

Наиболее последовательным союзником Сербии по-прежнему была царская Россия⁹, которая неизменно поддерживала ее югославянскую программу, считая, что именно Сербское королевство должно сыграть роль объединителя югославянских территорий. Вместе с тем в последние месяцы войны русское правительство установило контакты и с Югословенским комитетом в Лондоне. В России появилось немало хорватских и словенских обществ и организаций, которые имели свою прессу и вели пропаганду в пользу осуществления программы Трумбича.

Последнее обстоятельство сильно беспокоило Н. Пашича, по-прежнему занимавшего великосербские позиции. Глава сербского правительства был также озабочен отсутствием достоверной информации о намерениях царского правительства, тем более что сербский посланник в России Мирослав Спалайкович нередко поставлял ему непроверенные данные. Югославский историк М. Экмечич образно сравнил Спалайковича с "корреспондентом из трактира" — так часто он извращал события¹⁰. Мало достоверные сведения о событиях в России приходили на Корфу и из других источников.

Так, 14 декабря 1916 г. военный министр генерал Божидар Терзич, не проверив данные, которые ему передал военный агент в Бухаресте, сообщил Пашичу о том, что Россия будто бы заключила соглашение с Англией о разделе Балкан и Ближнего Востока на "сферы влияния". "Россия, — сообщал Терзич, — получила Константинополь, Англия — Салоники, Италия — Эпир и Южную Албанию"¹¹. Это сообщение вызвало пересуды среди правящих кругов Сербии. С подозрением отнеслось сербское правительство и к отъезду с Корфу чрезвычайного посланника и полномочного министра России при королевском дворе князя Г.Н. Трубецкого и замене его более мелким чиновником, хотя в этом шаге не было ничего дискриминационного: Трубецкой, не пользовавшийся долгое время отпуском, отбыл на отдых, а Пелехин оказался достойным его преемником.

Борис Павлович был далеко не новичком в дипломатической службе. Он родился в 1883 г. в дворянской семье, уже в 1903 г. окончил Институт правоведения и тогда же был зачислен в Министерство юстиции, а затем переведен в Министерство иностранных дел по 1-му департаменту. В 1905 г. Пелехин стажировался в Константинополе, на следующий год был назначен секретарем и драгоманом консульства в Сараеве, затем служил в Китае, Албании, Черногории,

а с августа 1915 г. — в Нише, где работал под непосредственным руководством Г.Н. Трубецкого, передавшего ему свой опыт.

Б.П. Пелехина отличали исключительная работоспособность и исполнительность. Кроме того, что тоже было важным, Б.П. Пелехин обладал ровным характером, был доступен посетителям посольства, коммуникабелен, придерживался демократических взглядов. Все это импонировало сербской общественности¹². К Пелехину вскоре привыкли на о-ве Корфу, а потом и в Салониках. Он установил также доверительные отношения с Пашичем. Не обзаведясь семьей, дипломат нередко пользовался гостеприимством сербского премьера. К сожалению, многие бумаги Пелехина оказались утраченными. Мало что известно и о его деятельности после окончания войны. Вместе с другими служащими посольства Пелехин эмигрировал за границу, где и умер.

Наладив контакты с представителями России в Италии, Пашич продолжал с подозрением относиться к новым руководителям российского внешнеполитического ведомства. На о-ве Корфу большое беспокойство вызвало увольнение в отставку С.Д. Сазонова, которого считали "славянофилом", и назначение вместо него "германофила" Б.В. Штюрмера.

Архивные документы, хранящиеся в югославских архивах, свидетельствуют о том, что Н. Пашич весьма настороженно отнесся к этому событию, тем более что Штюрмер казался ему "дипломатическим сфинксом". Посланник Сербии в Петрограде М. Спалайкович, в свою очередь, подогревал у Пашича эти чувства. Загадкой для сербского премьера стал и его преемник — министр иностранных дел Н.Н. Покровский, которого Пашич считал малорезультативным деятелем, неспособным решить югославянский вопрос. Также отзывался о новом министре и Г.Н. Трубецкой. Он писал в воспоминаниях: "Покровский произвел на меня впечатление, противоположное Штюрмеру. Если тот был натянутый и накрахмаленный чиновник, цедивший сквозь зубы, — этот был олицетворением простоты и мягкости. Я подумал, что это тип дядюшки, которого обожают племянники и племянницы. Он не только не был накрахмален, но, глядя на него, думалось, почему он не в пижаме и не в мягких теплых туфлях. Внешнему различию со Штюрмером соответствовало и внутреннее. Новичок во внешней политике, Покровский не скрывал этого..."¹³

Пашич безо всяких, впрочем, к тому оснований проявлял сомнения и в вопросе об отношении руководства Ставки к югославянской проблеме. Предметом его беспокойства, например, был план генерала Алексева о замирении России с Болгарией. Сербский премьер считал Болгарию исконным врагом Сербии, утверждая, что если она выйдет из войны, не понеся при этом территориальных потерь, то приобретет всю Македонию и часть Фракии¹⁴. Пашича смущала и неопределенность позиции исполняющего обязанности начальника штаба Ставки генерала В.И. Гурко, заменившего заболевшего генерала Алексева, в вопросе об объединении вокруг Сербии Хорватии и других югославянских территорий Австро-Венгрии. Премьер пору-

чил военному представителю Сербии при Ставке полковнику Б. Лонткиевичу внимательно ознакомиться с позицией Верховного командования русских войск по этому вопросу, чтобы не оказаться внакладе. Идентичные поручения он дал своим эмиссарам в Петрограде — профессорам Белградского университета А. Беличу и С. Станоевичу¹⁵.

Не доверяя официальным кругам России в решении ими югославянской проблемы, правительство Пашича пыталось использовать в тех же целях просербские организации — "Русско-сербское общество" и "Комитет славянской взаимности". Первое возглавлял профессор Петроградского императорского университета В.И. Ковалевский, во втором преобладали государственные деятели России, в том числе сотрудники министерства иностранных дел (А.М. Петряев, А.А. Гирс и другие)¹⁶.

"Русско-сербское общество" 17(4) декабря 1916 г. направило председателю Совета министров А.Ф. Трепову меморандум, в котором высказалось за создание Великой Сербии. "Мы просим, — говорилось в документе, — заключить соглашение (с союзниками. — Ю.П.) о восстановлении сербского государства на базе объединения сербов, хорватов и словенцев вокруг Сербского королевства". Правление "Русско-сербского общества" настаивало на скорейшей публикации меморандума в русской открытой печати, "пока не будут обнаружены другие программы"¹⁷.

Общество передало 12(26) декабря министру иностранных дел Н.Н. Покровскому "Секретную записку о Сербии", в которой был поставлен вопрос об установлении Россией и ее союзниками верховного покровительства над Сербией¹⁸.

"Для осуществления югославянской программы, — говорилось в записке, — нужно прежде всего воссоздать саму Сербию, — и насколько [это] возможно укрепить ее государственность уже во время войны, не дожидаясь заключения мира. Своими силами и средствами Сербия этого достичь не сможет"¹⁹.

Н.Н. Покровский заверил делегацию "Русско-сербского общества" в том, что Россия и ее союзники сделают все для осуществления национальных чаяний сербского народа²⁰, и опроверг слухи о мирных переговорах Антанты с державами Четверного союза. Министр заявил о том, что Россия будет вести войну до победного конца.

И это была не дежурная фраза! Еще осенью 1916 г. между Россией и Сербией было заключено соглашение о совместных действиях войск обоих государств. С целью конкретизации этого договора в сентябре в Ставку выехала сербская военно-правительственная делегация в составе первого адъютанта короля Петра I генерала Павле Юришич-Штурма, первого адъютанта верховного командующего сербской армии регента Александра, исполняющего обязанности гофмаршала двора полковника Остонча и его помощника майора Янковича. В составе делегации находился также представитель Верховного командования Сербии при Ставке полковник Бранислав Лонткиевич²¹. С русской стороны в совещании участвовали

начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев, генералы А.А. Брусиллов, В.И. Гурко, А.С. Лукомский и другие высшие офицеры²².

Сербская делегация вручила Верховному главнокомандующему вооруженных сил России Николаю II высший орден Сербии "Белый орел" и условилась о практических мерах по сотрудничеству войск обоих государств на Салоникском фронте²³. Кроме того, в ходе переговоров была достигнута договоренность о дополнительных формированиях на территории России добровольческих соединений югославян-военнопленных. Было решено пополнить вооружением 1-й добровольческий корпус, состоявший из двух дивизий, и сформировать на тех же условиях 2-й добровольческий корпус. Царь заверил сербскую делегацию в том, что этим войскам будет оказана всесторонняя помощь²⁴.

Генералу Лукомскому ставка поручила обеспечить перевозку названных соединений на Салоникский фронт, а Морское министерство обязалось предоставить с этой целью транспорты в портах Романов (Мурманск) и Архангельск²⁵.

Царское правительство поддержало просьбу Н. Пашича о возбуждении ходатайства перед Италией об отправке из этой страны на Салоникский фронт бывших военнопленных-югославян. 23 (10) ноября 1916 г. официальное заявление на этот счет министру иностранных дел Италии С. Соннино сделал российский посол в Риме М.Н. Гирс. Однако итальянское правительство отклонило ходатайство России, не желая усиливать сербские войска. Та же история повторилась и на конференции союзников в Риме 25 декабря. М.Н. Гирс не без горечи констатировал: "Работа конференции не вызывает воодушевления. Много говорильни, мало дела"²⁶.

Не без труда для Сербии решался вопрос и о финансовой помощи со стороны союзников. 2(15) декабря сербское правительство известило союзные государства о том, что страна полностью израсходовала отпущенные ей кредиты на военные расходы и нуждается поэтому в новых займах в размере 6 млн франков (по 2 млн от каждой из трех великих держав — Англии, Франции и России)²⁷. Эту просьбу поддержали только Россия и Франция, тогда как Великобритания обосновала выдачу дополнительных кредитов необходимостью введения жесткого контроля за их расходованием, что явилось выражением недоверия сербскому правительству²⁸. Италия вообще наотрез отказалась участвовать в кредитовании Сербии, ссылаясь на собственные финансовые трудности. Россия, напротив, снова пошла навстречу Сербии, дав согласие поставить на Корфу и на Салоникский фронт дополнительно и безвозмездно 500 вагонов зерна²⁹.

¹ См.: Писарев Ю.А. Образование югославского государства. М., 1975. С. 164—175.

² АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 563. Л. 21. Б.П. Пелехин — МИД. Корфу, 1916. 15(2).IX. № 96.

³ АВПР. Ф. ПА. 4063. Л. 9. Записка МИД о беседе Б.В. Штюмерера с маркизом А. Карлотти. Петроград, 1916. 29.VIII.

⁴ 1 декабря 1915 г. член английского кабинета Джон Кинг направил лорду Сесилью меморандум, в котором заявил, что для Англии даже выгоднее подписание Сербией

капитуляции, чем продолжение ею войны. "Это развязало бы нам руки и позволило бы нам снять с себя заботу [о сербской армии]", — писал Кинг. Лорд Сесиль назвал меморандум Кинга "интересным документом". См.: *Опачић П.* Солунский фронт. Београд, 1984. С. 26.

³ *Робертсон В.* Солунска експедиција // Ратник. 1927. № 7/8. С. 106.

⁶ Архив Југославије. Ф. Ђ. Јовановића, 1916. Россыпь. Ђ. Јованович — Н. Пашичу. Лондон, 1916. 10.VI.

⁷ Српске новине. 1916. 13.X.

⁸ Там же. 1917. 25.VII.

⁹ Вряд ли можно согласиться с утверждением югославского историка М. Екмечича о переориентации Сербии на Англию. См.: *Екмечич М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1925.

¹⁰ Там же.

¹¹ ДА ДСИП. ПО. 1918. Ф. XIV. Досье "Россия". Б. Терзич — Н. Пашичу. Салоники, 1916. 14.VI. № 206.

¹² АВПР. Ф. ДЛСИХ. Формулярные списки. Оп. 464. Д. 2592.

¹³ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 276.

¹⁴ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Л. 1. М.В. Алексеев — Б.В. Штюрмеру. Ставка. 1916. 10.VII.

¹⁵ См.: *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1977. С. 325—326.

¹⁶ ЦГИА. Ф. 579 (П.Н. Милюков). Оп. 7. Д. 1619. Л. 1—2.

¹⁷ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 623. Л. 23. В.И. Ковалевский — А.Ф. Трепову. Петроград, 1916. 17(4).XII.

¹⁸ АВПР. Ф. ПА. Д. 4024. Л. 132—133. Секретная записка о Сербии Русско-сербского общества. Петроград, 1916. 25(12).XII. № 1266.

¹⁹ Там же.

²⁰ Биржевые ведомости. 1917. 17.II. № 16105.

²¹ ЦГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1956. Л. 1. И.о. начальника канцелярии министерства императорского двора князь Гагарин — царю. Петроград, 1916. 24.IX. № 6965.

²² Там же.

²³ Словенски југ. Одесса, 1916. 6.X.

²⁴ *Поповић Н.* Указ. соч. С. 289—295.

²⁵ ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1162. Л. 51. Генерал А.С. Лукомский — командующему Одесским военным округом. Ставка, 1916. 31.XI.

²⁶ ДА ДСИП. Ф. X. 1916. Досье 3, "Конференция". М. Ристич — МИД. Рим, 1916. 27.XII. № 1489.

²⁷ ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 1499. Л. 121, 130.

²⁸ ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1499. Л. 31. А.А. Нератов — И.А. Лодыженскому. Петроград, 1916. 22.X.

²⁹ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 623. Л. 22. А.А. Нератов — А.П. Извольскому. Петроград, 1916. 15(2).XII. № 5293.

ИТОГИ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ НА БАЛКАНАХ: ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

СЕРБИЯ И ВОЙНА 1916 г.

1916 г. принес Сербии как радости, так и огорчения. Несмотря на все последствия военной катастрофы конца 1915 г., сербская армия уже к середине 1916 г. сумела восстановить свои силы. Возрождение войск было первым "историческим чудом" — мало кто в Европе верил в эту возможность, большинство государственных и военных деятелей заранее списали ее со счета. Так думал, например, начальник генерального штаба Германии генерал-лейтенант Эрих фон Фалькенгайн, издавший 27 ноября 1915 г. приказ о прекращении преследования отступавшей сербской армии, которая, по его словам, уже не могла "подняться с колен".

Сербские вооруженные силы вопреки этому прогнозу снова вступили в строй и к концу 1916 г. обрели свою первоначальную мощь, приняв участие в боях на Салоникском фронте. Однако вслед за радостями наступили разочарования. Взятие Битоля не привело к дальнейшему продвижению сербских войск в глубь страны и ее освобождению. Сказались большие потери в войсках и отсутствие поддержки со стороны союзников.

На длительный период было отложено выполнение основной задачи по изгнанию оккупантов с территории Сербии. Австро-венгерским и болгарским оккупационным властям удалось также подавить начавшееся повстанческое движение. В конце 1916 г. значительно усилился репрессивный режим в обоих военных генерал-губернаторствах, что отрицательным образом сказалось на морально-политическом состоянии сербской армии и настроениях населения в оккупированных землях Сербии. На рубеже исследуемого периода национальный подъем сербского народа сменился общим упадком, что нашло отражение и в высших сферах общества. Внутриполитический кризис в стране снова обострился.

Его развитие способствовала и международная обстановка на Балканах. Державы Антанты, хотя и признали в 1916 г. Сербию своим военным союзником, оказав финансовую, экономическую и военную помощь возрождению сербской армии, не спешили с установлением равных партнерских отношений с сербским государством, что оказывало негативные последствия на нормализацию политической ситуации в стране.

Великие державы мало считались с Сербией при решении важных для нее территориальных вопросов. В 1915 г. они за спиной

Сербии поделили в пользу Италии югославянские земли в бассейне Адриатики, а в 1916 г. при решении вопроса о Западном Банате отдали его Румынии в обмен на ее согласие присоединиться к Антанте. Англия, Франция и Италия отказались предоставить Сербии мандат на равноправное участие в послевоенной мирной конференции, царская Россия, хотя и пообещала свою поддержку Сербии на международной арене, все же не признала Сербию равным для себя партнером и так и не санкционировала Нишскую декларацию от 7 декабря 1914 г. Это поставило Сербию в подчиненное положение союзникам и отрицательно воздействовало на общую международную обстановку на Балканах.

Минувший год, таким образом, внес мало нового в осуществление военно-политических целей Сербии. Правительству Н. Пашича не удалось также решить и две другие проблемы о взаимоотношении с лондонским Югословенским комитетом Анте Трумбича и с эмигрантским черногорским правительством короля Николая Петровича-Негоша. Тщетной оказалась и попытка Сербии объединить вокруг себя югославянские земли. Державы Антанты, хотя и давали предпочтение Сербии при обсуждении этого вопроса, продолжали вместе с тем поддерживать и оппонентов сербского правительства. В целом 1916 г. лишь приоткрыл двери на пути Сербии к государственному возрождению.

"ПИРРОВА" ПОБЕДА ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА

Страны Четверного союза тоже не могли похвастаться благоприятными для себя итогами минувшей военной кампании. Они лишь в ее начале достигли значительных успехов, победив Сербию и Черногорию и захватив их территорию. Но эти успехи не получили дальнейшего развития. Балканы так и не превратились в плацдарм для новых завоеваний. Созданный в 1916 г. державами Антанты Салоникский фронт помешал прыжку Центральной коалиции в бассейн Средиземноморья, на Ближний Восток и в Северо-Восточную Африку.

Германская коалиция не одержала в 1916 г. существенных побед и на других фронтах: на Западном фронте немецкие армии не смогли овладеть Верденом, хотя и положили в "верденской мясорубке" миллионы своих солдат и офицеров, англичане задержали продвижение немцев на р. Сомме, на Восточном фронте Россия, перейдя от отступления к активным действиям, сковывала десятками лучших немецких дивизий. Общая военно-стратегическая обстановка к концу 1916 г. стала складываться не в пользу Германии и ее союзников, и победа армии Фалькенгайна над румынскими войсками в ноябре—декабре не внесла в нее существенных изменений.

Победная реплика генерала Эриха фон Фальгенгайна о взятии 7 декабря Бухареста была омрачена негативными комментариями помощника начальника штаба верховного командования германской армии генерала Э. Людендорфа. "Мы, — писал он, — разбили румынскую армию, но пока не смогли ее уничтожить. Мы достигли всего, к чему представилась малейшая возможность, но были все-

таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми до вступления в войну Румынии мы могли располагать на Восточном и Западном фронтах, а также в Македонии. Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее”¹.

Людендорф предупреждал об опасном усилении русской армии. ”Прогнозы на новый год... крайне тревожны, — считал он, — в особенности нас беспокоит то, что Россия подготовила новые сильные кадры... Наше положение стало исключительно трудным, и почти невозможно найти выход. Мы не могли больше думать о наступательных операциях, надо было сохранять резервы для собственной защиты. Если война продолжится, наше поражение представляется неизбежным”².

Еще хуже обстояло дело в Австро-Венгрии, которая не только потеряла лучшую часть своей армии, но и вышла из военной кампании с опустошенными до крайности экономическими и природными ресурсами. Уже к апрелю 1916 г. имперские вооруженные силы лишились 4 082 500 солдат и офицеров (из 6 млн), в том числе на Восточном фронте — 3 289 800, а на Балканах — 463 800³. Во второй половине 1916 г. эти потери значительно возросли. Только во время брусилковского прорыва австро-венгерские войска потеряли 1,5 млн солдат и офицеров, и лишь чудо спасло тогда дунайскую монархию от окончательного разгрома.

Страна переживала острый финансово-экономический кризис. Контрольная комиссия австрийского рейхсрата опубликовала 31 января 1917 г. следующие данные за предшествующий год: общая сумма финансовых затрат на военные нужды составила 24 млн крон, что на целых 10 млн крон превышало затраты на те же нужды в первые два года войны. К началу 1918 г. финансовая задолженность страны отечественным банкам составляла 3 млрд 271 млн крон, Германии — 1264 млн крон, а общий размер долгов возрос до 36 млн крон. Одно только погашение процентов по этим кредитам должно было составить 1478 млн крон⁴.

В 1916 г. сократился объем торговых операций на внешнем рынке и сузились рамки внутреннего рынка. Австро-Венгрия, отрезанная от Европы английской блокадой, торговала лишь с двумя странами — Германией и Болгарией, причем эта торговля была для нее убыточной, так как немецкий импорт значительно превышал австрийский и венгерский экспорт, а Болгария вообще почти не участвовала в торговом партнерстве с дунайской монархией.

Чрезвычайно большие сложности возникли в Австро-Венгрии в сфере продовольственного снабжения. Они были вызваны кризисом сельского хозяйства. Из-за неоднократных мобилизаций в армию австрийская деревня осталась без рабочих рук, а военные действия, которые летом велись на подступах к венгерской территории, привели к ее опустошению⁵.

Австро-венгерское правительство попыталось решить продовольственную проблему за счет перекачивания сельскохозяйственной продукции из аграрной Венгрии в индустриальную Австрию, но это вызвало лишь обострение венгеро-австрийских отношений. Насиль-

Лидер венгерской оппозиции граф Михай Каройи

ственные реквизиции венгерского хлеба не дали результатов — к концу 1916 г. продовольственное положение в Австро-Венгрии резко ухудшилось. Введение в стране нормированного продовольственного снабжения оказалось паллиативом и, напротив, способствовало непомерному возрастанию цен: в Австрии на 300%, в Венгрии — на 100—200%⁶.

В своем отчете об экономическом положении дунайской монархии статс-секретарь австрийской Биржи сельскохозяйственной продукции А. Горовитц писал 21 декабря 1916 г.: "Дороговизна не поддается описанию: это не повышение, а какая-то не знающая пределов анархия цен, с которой население бороться не в силах"⁷.

Одним из итогов военной кампании Центральных держав в 1916 г. было развитие среди широких слоев населения и в армии антивоенных настроений и обострение социальных конфликтов. Летом и осенью 1916 г. произошел ряд солдатских бунтов в Пресбурге (Братиславе), Будапеште, Фюнфинкирхене (Пече), Шопроне⁸, массовый характер стало принимать дезертирство из армии, братание на фронте, а среди населения — пассивное сопротивление войне. Будапештская газета "Аз Эшт" писала 12 декабря: "Общественное мнение страны находится в летаргическом состоянии. Все проявляют величайшее равнодушие к государственным делам. Общественность безразлично отнеслась к победам Центральных держав в Трансильвании"⁹.

Кампания 1916 г. показала иллюзорность надежд Центральной коалиции одержать в кратчайшие сроки победу, ее военные успехи имели преходящий характер. Все большее значение стали приобретать постоянно действующие факторы — наличие людских и природных ресурсов, экономическая и военная мощь противоборствующих сторон, их потенциальные возможности. Державы Антанты имели в этом плане все преимущества. Конечная победа была за ними.

Одним из первых эту горькую истину понял умиряющий австрийский император. Последние месяцы его жизни, по свидетельству придворных¹⁰, были омрачены не только болезнью, но и крахом иллюзий об успешном завершении войны. Вместе с Францем Иосифом медленно умирала и созданная им система дуализма. Рушилось провозглашенное в манифесте о войне единство народов, "толпившихся у подножия трона Габсбургов", в стране развивались центробежные движения, из повиновения выходила даже верная монархии Венгрия. Угасающий 85-летний глава государства был не в силах приостановить процесс его распада.

Первые признаки "измены" Венгрии появились уже в начале 1916 г., когда видный политический деятель этой страны, "красный граф", как его называли в Венгрии, Михай Каройи выступил с призывом немедленно заключить мир без всяких предварительных условий.

При этом он говорил, что если мир не будет подписан правительством, то его могут подписать сами народы. 20 февраля он поместил статью в либеральной будапештской газете "Вилаг" ("Мир"), в которой говорилось: "Мир рождается не в роскошных дворцах Карнеджи, а под черепичной крышей крестьянина, на чердаках и в подвалах рабочих"¹¹. В газете "Мадьярорсаг" ("Венгрия") Михай Каройи разъяснял, что народы настолько устали от войны, что готовы подписать любой мир, в том числе без каких-либо выгод для дунайской монархии. "Венгрия единодушно приветствовала бы мир без победы. Даже самая победоносная война ничего не может ей дать", — заявлял он¹². Граф Каройи отнюдь не был революционером, но отражал точку зрения значительной части венгерского общества.

Другая его часть в начале 1916 г. все еще поддерживала войну, но по мере ее развития и углубления внутривнутриполитического кризиса

в стране все чаще выдвигала встречные требования. Так, 12 апреля Будапештская торговая палата на своем заседании выступила с заявлением, что она может потерпеть "с поддержкой монархии, пока продолжается война", но предупреждает, что сразу после ее окончания она предъявит правительству требования о создании для Венгрии равных условий с Австрией, имея в виду развитие отечественной коммерции¹³. 30 мая та же палата выдвинула более радикальные требования, предлагая изменить условия экономического соглашения с Австрией 1867 г. уже во время войны. "Надо, — говорилось в резолюции совещания членов Будапештской торговой палаты, — пересмотреть таможенную систему, установить единые с Австрией цены, повысить квоты на торговлю в Венгрии и понизить их в Австрии"¹⁴.

Вскоре идентичные требования выдвинули торговцы и промышленники Хорватии, которые выступили за пересмотр экономических отношений уже с самой Венгрией. По предложению правления Загребского национального банка они заявили о необходимости расширения экономических привилегий Хорватии¹⁵. В июне венгерский капитал предпринял новое наступление на австро-венгерское экономическое соглашение 1867—1868 гг. 24 июня в органе венгерских монополистических кругов газете "Пештер Ллойд" была опубликована программная статья видного экономиста Лоренца Хегедюша об этом соглашении. Ее автор прямо поставил вопрос о предоставлении Венгрии большей, чем ранее, экономической самостоятельности. "Война, — писал Хегедюш, — открыла перед Венгрией новые перспективы. Венгрия может служить мостом к балканским странам, перерабатывать сырье, идущее с Балкан". Хегедюш ратовал за пересмотр таможенной политики, которая, по его словам, должна "обеспечить независимость ее промышленного развития". "Венгрия, — делал он общий вывод, — должна быть венгерской"¹⁶.

Постепенно требования об экономической эмансипации Венгрии стали дополняться требованиями о предоставлении стране политического суверенитета и даже об отделении Транслейтании от австрийской монархии. Летом 1916 г. во время брусилковского наступления среди части венгерской оппозиции появилась идея сближения с Россией¹⁷ и даже подписание с ней сепаратного мира. Небезынтересно, что эти планы встретили одобрение со стороны как Франции, так и Германии. В Париже надеялись, что разрыв Венгрии с Австрией приведет к ослаблению двуединой монархии, чем можно было бы воспользоваться для успешного окончания войны на Балканах. В Берлине, наоборот, считали, что Венгрия, отделившись от Австрии, быстрее попадет в объятия Германии, что позволило бы ей успешнее торговать с Россией.

Первую точку зрения высказал Гюстав Эрве в статье "Тревога в Вене", опубликованной 17 августа в газете "Ла Виктуар". Г. Эрве писал: "Никто во Франции не будет протестовать против создания десятиmillionного мадьярского свободного и независимого государства на великой венгерской равнине по среднему течению Дуная и Тисы. Пусть только мадьяры откажутся от попыток порабощения

сербского и румынского населения, на которые справедливо претендуют Сербия и Румыния"¹⁸.

Другую позицию занял германский философ профессор Рудольф Эйкен. В статье "Германия и Венгрия", перепечатанной газетой "Пештер Ллойд" 17 мая 1916 г., он, высказываясь за создание "сильной Венгрии", мотивируя это тем, что Германии будет легче при ее помощи воевать с Россией, чем уповать на содействие "гнилой" Австрийской империи¹⁹.

В Венгрии, несмотря на противоречия с Австрией, правящие круги в своем большинстве избрали третий путь — продолжение войны вместе с Австрией. Официальный Будапешт не собирался следовать советам Г. Эрве отказаться от порабощения сербского и румынского народов, не хотел он и выполнить пожелание профессора философии Р. Эйкена пойти "под протекторат Германии". Венгерский империализм все еще надеялся на победоносное завершение войны вместе со всей монархией. В конце 1916 г. он еще продолжал поддерживать династию Габсбургов, во главе которой после кончины Франца Иосифа встал новый австрийский император Карл I (он же венгерский король Карл IV).

ПЕРЕМНЫ СРЕДИ РУКОВОДСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОАПИЦИИ

Не добившись заключения мира, обе противоборствующие коалиции продолжали войну. На этот раз она приняла еще более ожесточенный характер, так как и та и другая сторона, потеряв надежду на мир, ринулись ва-банк. Терять теперь было нечего, ибо вопрос отныне встал ребром, "или-или", — ни одна империалистическая коалиция не хотела упускать награбленное.

Германия, напрягая последние силы, решилась на тотальную подводную войну, безжалостно топя все транспорты — как противников, так и поставлявших им продовольствие и другие товары нейтральных государств. Антанта также стала использовать все возможности и вовлекла в войну США. Война распространилась на весь Европейский континент и все более превращалась в общемировую. На этой стадии войны произошло дальнейшее усиление милитаризма.

В Германии фактически была установлена военная диктатура, которую возглавили новый начальник генерального штаба, сменивший Э. Фалькенгайна, генерал Пауль Гинденбург и его помощник Эрих фон Людендорф — герой прошлогоднего наступления на Восточном фронте. Им стал подчиняться сам император Вильгельм II Гогенцоллерн, проявлявший малодушие. Только победа — любыми средствами и любой ценой, в том числе ценой человеческой жизни новобранцев (кадровая армия была почти уничтожена), — такой лозунг провозгласил фанатичный Людендорф. В Германии были произведены перемены и в дипломатии. Ушел в отставку статс-секретарь по иностранным делам Готлиб фон Ягов, которого сменил сторонник более твердого курса, бывший его помощник Артур

Начальник генерального штаба Германии генерал Пауль Гинденбург и его помощник Эрих фон Людендорф

Циммерман; вместо скончавшегося посла в Вене Генриха фон Чиршки на эту должность был назначен граф Ботто фон Ведель. Ему поручалось добиться наконец от союзников поставки на фронт "добротного пушечного мяса" вместо изнеженных офицеров, которые предпочитали вальсы Штрауса бравурным военным маршам Евгения Савойского, и "настоящих" солдат типа пруссаков вместо "продажного охвостья", как называл австрийских и венгерских солдат генерал Людендорф, утверждая, что они готовы лучше сдаться в плен, чем воевать против русских.

Нависла угроза замены самого канцлера Теобальда Бегман-Гольвета, проявившего нерешительность в управлении государством. Ему, однако, долго не могли найти преемника, и Бетман продержался на этом посту еще 10 месяцев²⁰.

Перемены произошли и в Австро-Венгрии. После того как 21 ноября на 86-м году жизни скончался австрийский император Франц Иосиф, вместо него на австрийский и венгерский престол вступил двадцатидевятилетний Карл Габсбург. Он производил в глазах Берлина не лучшее впечатление, но молодого монарха думали "приручить"²¹. При нем была создана "новая коалиция": слишком строптивого начальника генерального штаба Франца Конрада фон Гётцендорфа заменил генерал Август фон Арц, провалившегося командующего Восточным фронтом эрцгерцога Фридриха Габсбурга сменил сам император Карл, был освобожден от своих обязанностей военного министра генерал Александр фон Кробатин, министром

иностранных дел стал граф Оттокар Чернин, занявший это кресло после венгра барона Иштвана Буриана. Чернин, в свою очередь, произвел перемены в ведомстве на Балльхаузплатце: покинули службу в самом министерстве трое лидеров группы так называемых "молодых львов" — граф Йоганн Форгац, который получил годичный отпуск, бывший начальник канцелярии министра Александер Гойос, назначенный посланником в Осло, и автор злополучного ультиматума Австро-Венгрии Сербии 23 июля 1914 г. барон Александер Мусулин, который получил идентичное назначение в Швейцарию²².

С этими переменами немецкий историк Рихард Фестер²³ и австрийские историки Хуго Хаич²⁴ и Генрих Бенедикт²⁵ связывали предложение об изменении всего внешнеполитического курса Австро-Венгрии — от войны к миру, но факты говорят об обратном: война не только продолжалась, но и усилилась. Император Карл I и граф Чернин, может быть, и хотели прекратить бессмысленное побоище, но всецело находились под воздействием Германии. Связанные по рукам и ногам своим старшим партнером, они и шагу ступить не могли самостоятельно²⁶.

КУРС НА ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ЛАГЕРЕ АНТАНТЫ

Иная картина наблюдалась и в лагере Антанты. Правда, там также немало было сторонников окончания войны, однако при этом политику продолжали определять не пацифисты, а милитаристские круги, которые высказывались за войну до окончательной победы, тем более что уже в конце 1916 г. наметился перелом в войне в пользу Антанты. Даже истекавшая кровью царская Россия отклоняла все предложения о сепаратном мире²⁷. Она преследовала при этом не только империалистические цели — захват обещанного союзниками Константинополя, возвращение отнятых у России территорий, восстановление своих позиций на Балканах и пр. — перед самодержавием вставала цель сохранить при помощи победы в войне шатающийся старый строй, предотвратить назревающую революцию. 22 января, за месяц до окончательного крушения царизма, Николай II сказал в доверительной беседе бывшему могилевскому губернатору М.И. Пильцу: "В военном отношении мы сильнее, чем когда-либо. Скоро, весной, будет наступление, и я верю, что Бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения"²⁸.

Империалистов не интересовал при этом вопрос о том, что в этой войне погибнут новые сотни тысяч людей. "Рано или поздно, но Россия победит Германию, — заявил еще в 1915 г. на заседании Государственной думы один из лидеров черносотенного "Союза русского народа" — Н.Е. Марков, — понадобится три года, будем воевать и три года, понадобится сжечь пол-России, сождем пол-России, сождем и тех, кто будет супостатами"²⁹.

29(16) сентября почти идентичное заявление сделал новый английский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, сменивший на этом

Премьер-министр Англии Дэвид Ллойд Джордж

посту Герберта Генри Асквита. На вопрос представителя так называемой "Соединенной прессы" США Говарда: "Как долго, по Вашему мнению, продлится война?" — он ответил: "Англии понадобилось 20 лет, чтобы победить Наполеона, и первые 15 из них были омрачены поражениями англичан. Для того, чтобы выиграть настоящую войну, не понадобится 20 лет, но сколько бы времени ни потребовалось, это будет сделано"³⁰.

Сербия также стояла за продолжение войны до победы, так как только в этом случае она могла рассчитывать на освобождение страны от иноземных захватчиков.

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918. М., 1923. Т. I. С. 242.

² Там же. С. 246.

³ ЦГВИА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 5108.

⁴ ЦГВИА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 82. Л. 444—445.

⁵ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 390. Л. 4, 27, 29, 30. МТИП. Комитет по ограничению торговли с неприятелем. Петроград, 1916. 31.VII.

⁶ Budapesti Hirlap. 1981. 19.XI.

⁷ ЦГВИА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 5126. Л. 66.

⁸ Там же. Д. 5118. Л. 47.

⁹ Там же. Д. 5126. Л. 30.

¹⁰ Margutti A. Vom alten Kaiser. Wien, 1921.

¹¹ ЦГВИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 368. Л. 137.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 292. Л. 184.

¹⁴ Народне новине. Загреб, 1916. 30.V.

¹⁵ Там же. 1918. 29.V; 1.VI.

¹⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3245. Л. 1.

¹⁷ ЦГВИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 292. Л. 259—260.

- ¹⁸ ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5121. Л. 238—239.
- ¹⁹ ЦГВИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 292. Л. 200—201.
- ²⁰ Fischer F. Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland, 1871—1945. Düsseldorf, 1971. S. 390—393.
- ²¹ Людендорф Э. Указ. соч. С. 259.
- ²² Meckling J. Die Aussenpolitik des Grafen Czernin. München, 1969.
- ²³ Fester R. Die Politik Kaiser Karls und der Wendepunkt des Krieges. München, 1925.
- ²⁴ Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Graz, 1973. Bd. 2.
- ²⁵ Benedikt G. Monarchie der Gegensätze Österreich, Weg durch Neuzeit. Wien, 1947.
- ²⁶ Singer L. Ottokar Graf Czernin: Staatsmann einer Zeitenwende. Graz, 1965. S. 72, 105, 108.
- ²⁷ См.: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне февральской революции. М., 1989.
- ²⁸ Рейн Г.Е. Из пережитого, 1907—1908. Берлин, б/г. Т. 2. С. 161.
- ²⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1917. С. 66. (Цит. по: Васюков В.С. Указ. соч. С. 262).
- ³⁰ АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 589. Л. 17. А.К. Бенкендорф — Б.В. Штюмеру. Лондон, 1914. З.Х(20.1Х).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если кратко сформулировать итоги минувшего года, то можно выразить их тремя словами — отчаяние, надежда, разочарование. Сначала было отчаяние. Оно возникло еще до разгрома сербской армии, когда сербское правительство находилось в Нише. На страну надвигалась армада держав Австро-Венгрии, Германии и Болгарии, каждая из которых имела армию, превосходящую по своей мощи сербскую. В этих условиях можно было надеяться только на помощь союзников, но она не приходила. Англия и Франция запаздывали с высадкой своих сил на Балканах и осуществили ее только 6 октября — в день начала наступления армий генерала Макензена. Греция, несмотря на взятые на себя обязательства оказывать помощь Сербии в случае вторжения болгарских войск, вероломно пересмотрела эти обещания и даже заявила о готовности воспрепятствовать продвижению английских и французских войск через свою территорию. Румыния — другая союзница Сербии — объявила о соблюдении ею строгого нейтралитета, т.е. тоже отказала Сербии. Россия, занятая отражением германского наступления, также не смогла вступить за сербское государство.

Тем не менее сербы до самого последнего момента продолжали верить в чудо: в то, что их спасут союзники, тем более что Англия и Франция сделали в конце концов официальное заверение о посылке в Сербию своих войск. По словам российского посланника в Нише Г.Н. Трубецкого, эта вера была настолько неистребимой, что даже накануне падения города во временной сербской столице были вывешены французские флаги и, когда в Ниш вошли болгарские войска, они подумали, что город обороняют французы.

Тем горше было разочарование! После падения Ниша и захвата противником железной дороги, связывавшей Сербию с Грецией, среди сербских войск началась паника¹. Их беспорядочное отступление завершило развал армии, а бегство правительства на о-в Корфу еще более усилило деморализацию. Период отчаяния продолжался до января—февраля 1916 г.²

Затем наступил период надежд на возможность восстановления своей государственности. Сербскому правительству и Верховному командованию с помощью союзников удалось реорганизовать военные силы, которые были переброшены на Салоникский фронт. Этот период продлился до поздней осени 1916 г., но неудачи экспедиционного корпуса генерала Саррайля на Салоникском фронте и поражение румынской армии разрушили эти планы.

В 1916 г. не удалось поднять и всеобщее восстание на оккупированной территории Сербии, а в Добрудже потерпела поражение сербская добровольческая дивизия, присланная из России¹.

Вместе с зимними метелями и переходом к затяжной окопной войне для сербского народа закончился период мечтаний о скором освобождении своей родины, но тем не менее не пропала еще вера в лучшее будущее. "Кавалерийский наскок" сменился длительной осадой. Наступил последний период войны, о котором читатель может узнать из следующей книги⁴.

Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 188 и след.

² *Margutti A.* Vom alten Kaiser. Wien, 1921.

³ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962.

⁴ ЦГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 3445. Л. 93. М. В. Алексеев — начальнику Главного морского генерального штаба. Ставка, 1915. 27. X.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРОЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЮГОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1915) И РОССИЯ

Ниже публикуются некоторые проекты создания объединенного югославского государства, которые в начале мировой войны были разработаны организациями югославянской эмиграции (в Западной Европе) из Австро-Венгрии.

Как известно, в Сербии идея создания объединенного югославского государства впервые официально была провозглашена 24 ноября (7 декабря) 1914 г. в так называемой Нишской декларации, где в самой общей форме была сформулирована цель войны — освобождение и объединение "братьев — сербов, хорватов и словенцев".

На основе этой декларации сербское правительство разработало две программы — программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала объединение вокруг сербского королевства одних сербов, вторая — всех югославян, проживавших в Австро-Венгрии и в Европейской Турции. В этих программах, однако, не затрагивался вопрос о государственном устройстве Югославии — останется ли она централизованной монархией с династией сербских королей Карагеоргиевичей¹ во главе или превратится в федерацию равных по своим правам государственных образований — Сербии, Хорватии, Словении и Боснии и Герцеговины.

Великосербская буржуазия явно придерживалась первого варианта и вкладывала в программу гегемонистские идеи, что вызывало отрицательную реакцию у ряда буржуазных партий югославянских областей Австро-Венгрии. Последние выдвинули свои собственные программы, имея в виду решение югославянского вопроса в рамках Австро-Венгрии. Эти программы не шли дальше требований о расширении прав административной автономии национальных окраин дунайской империи. Существенные изменения в программы югославянских партий Австро-Венгрии были внесены только в конце войны, когда распад многонациональной монархии Габсбургов стал очевиден.

Иной характер носили с самого начала программы югославянской эмиграции. После объявления войны во многих странах Европы — Швейцарии, Италии, Франции, Англии и России — были созданы многочисленные организации югославян-эмигрантов, которые ставили общую для всех задачу ликвидации реакционной империи Габсбургов и образования на ее развалинах новых национальных государств. Некоторые из этих программ были близки к упомянутой Нишской декларации, другие выдвигали идею создания югославянской феде-

рации или конфедерации, третьи высказывались за "общеславянское государство" на Балканах и в Центральной Европе под эгидой России.

Социал-демократические партии на Балканах в период войны не имели четкой национальной программы, а в Австро-Венгрии находились под сильным влиянием реформизма. В Хорватии, Словении и Боснии и Герцеговине эти партии отстаивали концепцию культурно-национальной автономии. А в начале войны многие эмигранты разделяли национальные программы югославянской буржуазии. Об этом, в частности, свидетельствует публикуемый ниже документ — "Меморандум приморских (далматинских, истрийских, риекских и триестинских) южных славян-эмигрантов в Венеции российскому императорскому правительству в Петрограде" от 23(10) января 1915 г.¹ Под документом наряду с представителями буржуазных партий поставили свои подписи представители организаций радикальной интеллигенции и социалисты.

Характерной особенностью почти всех первых проектов создания югославянского государства, разработанных эмигрантскими организациями югославян в начале войны, была установка на военное поражение Австро-Венгрии. Этим можно объяснить тот факт, что большинство названных проектов возникло в конце 1914 — начале 1915 г., т.е. после серьезных поражений австро-венгерских войск на русском фронте. "Чем дальше развертываются военные и политические события вокруг предстоящего разгрома Австро-Венгрии, — констатировал русский посол в Риме М.Н. Гирс в письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 13(5) октября 1914 г., — тем определеннее вырисовываются домогательства народных групп, входящих в состав этой монархии на ее юго-западе"². Русские дипломатические миссии в Риме, Париже, Лондоне и Берне получили в конце 1914 — начале 1915 г. десятки проектов югославянских общественных и политических деятелей о реорганизации монархии Габсбургов после окончания войны.

Другой причиной активизации в этот период югославянской эмиграции были слухи об империалистических притязаниях Италии на Истрию, Хорватское Приморье и Далмацию. В 1914—1915 гг. Тройственное согласие вело с Италией секретные переговоры о ее присоединении к Антанте, в ходе которых Италия предъявляла Англии, Франции и России требования о территориальных компенсациях.

Русское правительство заняло в это время более благоприятную для югославян, чем Англия и Франция, позицию, выступив против притязаний Италии. 22 марта (4 апреля) 1915 г. начальник канцелярии министерства иностранных дел России М.Ф. Шиллинг от имени правительства сделал итальянскому послу в Петрограде официальное заявление по поводу требований Италии, указав на "недопустимость принесения в жертву итальянским притязаниям жизненных интересов Сербии, а также хорватского населения Северной Далмации и Приморья"³. По распоряжению С.Д. Сазонова правительства России за границей приступили к изучению докумен-

тов организаций югославянской эмиграции, направленных против притязаний Италии, с тем чтобы использовать указанные материалы для защиты интересов югославян.

Одним из самых интересных документов подобного рода является упоминавшийся "Меморандум приморских южных славян-эмигрантов". Он был передан 11 февраля 1915 г. новому русскому послу в Италии А.Н. Крупенскому, заменявшему М.Н. Гирса, и представлял собой петицию представителей югославянских партий Австро-Венгрии и организаций югославян-эмигрантов по поводу империалистических притязаний Италии на Истрию, Хорватское Приморье и Далмацию. Под "Меморандумом" поставили свои подписи видные общественные и политические деятели: социалист (будущий коммунист) Драгутин Густинчич, руководитель хорватской оmlадинской (молодежной) организации радикального направления редактор журнала "Вихрь" видный писатель и журналист Владимир Черина, редактор издававшейся в Праге газеты "Югославия" академик живописи Любо Леонтич, который позже возглавил организацию "Югославянской народной обороны" в Южной Америке, председатель хорватского сокольского общества в г. Задаре Милан Алачевич, лидер Югославянской народной организации в г. Риеке (Фиуме) доктор Й. Едловски, председатель общества "Далматинский скуп" (Далматинское собрание) в г. Триесте Любомир Малин и многие другие. Первоначальный проект "Меморандума" составил хорват, профессор из Риеки Антун Лекчевич, после чего в документ были внесены дополнения и текст снабжен статистическими данными о национальном составе населения Истрии, Хорватского Приморья и Далмации. Чтобы заинтересовать русское правительство югославянским вопросом, составители "Меморандума" обратили особое внимание на проблему экономических и культурных связей России с югославянскими народами, подчеркнув экономическое и военно-стратегическое значение для России Балканского полуострова и его западной части (Далмации и Хорватского Приморья).

В Архиве внешней политики России хранится также проект устройства югославянского государства, принадлежавший видному общественному деятелю Далмации Л. Войновичу. Составитель документа, соглашаясь в принципе с идеей объединения югославянских территорий Австро-Венгрии вокруг Сербии, выдвинул вместе с тем ряд дополнительных требований, чтобы обеспечить права несербских народов в будущем едином государстве⁴.

Многие из этих идей были отражены в "Записке статского советника А.М. Петряева"⁵.

Составитель документа — Александр Михайлович Петряев был большим знатоком югославянского вопроса. До Балканских войн он служил консулом в городах Битоль и Митровица, в 1913 г. был назначен представителем России в Европейской комиссии по Албании, в 1915 г. возглавил Азиатский (Ближневосточный) департамент МИД, а в 1917 г. занял пост товарища министра иностранных дел.

При подготовке записки А.М. Петряев советовался с видным общественным деятелем радикального направления Хорватии Ф. Супи-

что Англия и Франция по высшим политическим соображениям не будут поддерживать великосербские планы и способствовать образованию на берегах Адриатики большого славянского государства, тяготеющего к России. Они, несомненно, предпочтут создание независимого Хорватского королевства, которое всецело подпадает под их влияние и будет служить им опорой для умирения итальянских империалистических притязаний в Адриатике и Средиземном море»⁹.

А.М. Петряев предостерег павительство сербского королевства от насильственных актов по отношению к Хорватии, указав на необходимость проведения более осторожной политики естественного объединения. "Насильственное присоединение хорватов к Сербии, — писал он, — в виде ли компенсации за участие в войне или во имя великосербской национальной идеи, если бы даже оно и состоялось, только ослабит Сербию, так как небольшой народ в 5 млн не может поглотить равный ему по численности другой, хотя и родственной, народ, но отличный по религии и культуре и противящийся такому поглощению"¹⁰.

Значительное место в записке было уделено вопросу об итальянских притязаниях на югославянские земли и отношении к ним России. А.М. Петряев резко критиковал экспансионистскую политику Италии, призывая МИД занять твердую позицию в поддержку Сербии. Он писал, что Италия, получив Приморье, Триест и Истрию, не успокоится на этом; она никогда не допустит без борьбы condominium на Адриатике славянской державы¹¹.

А.М. Петряев, предусматривая другие варианты решения национального вопроса, отдавал предпочтение идее создания объединенного и жизнеспособного югославянского государства, что, по его мнению, отвечало интересам самих югославян. Россия, сделал он общий вывод, всецело сочувствует стремлению Сербии к национальному единству и будет оказывать ей мощную поддержку в достижении этого идеала.

Значительный интерес представляют некоторые донесения посланника в Цетинье А.А. Гирса. Суммируя свои взгляды на решение адриатической проблемы, он писал в донесении от 5 (18) октября 1914 г.: "По крайнему моему разумению, выход из лабиринта неизбежных и самых противоречивых домогательств и пожеланий, с которыми придется считаться, мы могли бы найти в руководстве нижеследующими основными положениями:

1. Установление незыблемым принципом, что все австро-венгерское побережье Адриатического моря, от Триеста до Спиццы, должно находиться во владении народов хинтерланда*. Применение этого принципа распространяется в силу самих вещей и далее на юг, приблизительно до Патраса.

2. Адриатическое море должно быть признано нейтральным в смысле запрета для государств, владеющих его берегами, иметь и сооружать на них военные порты и крепости.

* Прилегающая местность (нем.).

ло, который был членом эмигрантской организации в Лондоне — Югославянского комитета. В феврале—марте 1915 г. Ф. Супило приезжал в Россию и передал А.М. Петряеву свой проект решения хорватского вопроса, написанный им совместно с российским генеральным консулом в Марселе А.Г. Сальвиати⁶. Согласно этому проекту, Хорватия отделялась от Австро-Венгрии и присоединялась к югославянскому государству. Проект Ф. Супило предусматривал федеративное устройство будущей Югославии при полном равенстве сербов, хорватов и словенцев. А.М. Петряев изучил также и другие проекты, появившиеся в этот период, — чешских политических деятелей Т. Масарика и В. Клофаца, депутата хорватского сабора В. Лорковича, записку профессоров Белградского университета А. Белича и Л. Стояновича и др.

А.М. Петряев утверждал, что Австро-Венгрия неизбежно потеряет в ходе войны ряд национальных районов — Галицию, Буковину, Боснию и Герцеговину и Закарпатье. Он предсказывал также бурное развитие в стране социальных и политических конфликтов, что заставит австро-венгерское правительство пойти на реформы и преобразовать многонациональную монархию в федерацию. Может быть, писал он, при этом будет повторен вариант Ф. Палацкого, т.е. создание федерации в составе украинцев (русин), поляков, словенцев, чехов, сербов и хорватов, румын, венгров, австрийцев и итальянцев. Чрезвычайно острыми, по его словам, станут и австро-венгерские противоречия. При решении вопроса о создании федерации, по мнению Петряева, должно возникнуть союзное государство наподобие объединения швейцарских кантонов.

Что же будет, если произойдет распад Австро-Венгрии? Царский дипломат отрицал возможность революционного преобразования государства, указывая, что центробежные тенденции могут привести лишь к объединению народностей Австрийской империи с "более сильными соседними государствами". "Возникновение единой великой Сербии или сербохорватского государства, — утверждал Петряев, — было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась". Развивая эту мысль, составитель записки отмечал: "Сильное славянское царство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, и интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике"⁷. Но осуществим ли этот проект на деле, задавался вопросом А.М. Петряев, и отвечал: "Это окажется возможным, если Сербия фактически завоюет территорию Хорватии и Словении, что даст ей на них единственные неоспоримые права. Если же Далмация, Хорватия и Истрия со славянскими землями будут заняты союзниками, то в случае согласия их отдать названные провинции Сербии решающим фактором надо считать желание или нежелание хорватов и словенцев соединиться с сербами"⁸.

Далее автор записки остановился на вопросе об отношении Англии и Франции к югославянской проблеме: "Следует еще иметь в виду,

Мне представляется, что при таких условиях вся адриатическая проблема упростилась бы значительно.

Славяне были бы вполне удовлетворены и, несомненно, приветствовали бы превращение Пола и Которской Бокки в невоенные гавани.

С уничтожением этих военных портов притязания Италии на Истрийское и Далматинское побережья, притязания, обосновываемые ею удовлетворением настоятельной стратегической нужды, утратили бы всякую почву"¹².

Препровождая в Петроград проект Л. Войновича, А.А. Гирс писал в донесении С.Д. Сазонову от 28(15) декабря 1914 г.: "Войнович заявил, что он не сомневается в том, что создание сербского государства на началах федерации представляется единственным способом объединить сербские и хорватские области в одно политическое целое и что население этих областей не примирилось бы с механическим включением в одну границу и под одно управление земель, имеющих каждая свою историю и свою культуру, которыми они чрезвычайно дорожат. Такое мнение мне пришлось, впрочем, слышать и от других сербов и хорватов"¹³.

"Л. Войнович считает, — писал далее А.А. Гирс, — что благоприятное решение вопроса будет зависеть главным образом от Н. Пашича и его ближайших сотрудников, причем не скрывает опасений, что сербские государственные деятели могут по тем или другим причинам отнестись отрицательно к данному проекту. Во всяком случае, Войнович намерен его подвергнуть обсуждению возможно большего числа влиятельных сербо-хорватских деятелей". По мнению русского посланника, "схема основных законов намечаемого сербского государства и мотивировка ее настолько определенны, что в особых пояснениях не нуждаются"¹⁴.

¹ См. док. № 1.

² АВПР. Ф. Особый политический отдел. Д. 281. Л. 23.

³ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов парского и временного правительства 1878—1917 гг. М.; Л., 1931. Сер. III. Т. 7, ч. 1. Док. № 409.

⁴ См. док. № 2.

⁵ АВПР. Ф. Политархив. Д. 5270. Л. 1—22.

⁶ А. Сальвиати до войны был консулом в Риеке и Триесте.

⁷ АВПР. Ф. Политархив. Д. 5270. Л. 17.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² АВПР. Ф. Особый политический отдел. Д. 281. Л. 25.

¹³ Никола Пашич — тогдашний председатель Совета министров Сербии.

¹⁴ АВПР. Ф. Особый политический отдел. Д. 281. Л. 59.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЮГОСЛАВЯН АДРИАТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ РОССИИ С ПРОСЬБОЙ О ПОДДЕРЖКЕ ИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРЕМЛЕНИЙ И ТРЕБОВАНИЙ. АВТОР — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РИЕКЕ (ФИУМЕ) ПРОФ. АНТЕ ПЕКЧЕВИЧ*

Венеция, 10 января 1915 г.

Меморандум приморских (далматинских, истрийских, речских** и тертских***) южных славян — эмигрантов в Венеции Российскому императорскому правительству в Петрограде.

На основании манифеста Его высочества вел. кн. Николая Николаевича ("Народам Австро-Венгрии")¹, как и на основании справедливости, мы — собравшиеся в Венеции представители мнения широких общественных кругов южнославянского адриатического Приморья — обращаемся к Российскому императорскому правительству с покорнейшей просьбой о поддержке наших политических и территориальных требований и стремлений.

Главнейшее и самое жизненное требование нас, приморских славян, это требование о присоединении всего адриатического берега, начиная от итальянской границы вплоть до Черногории, к тому южнославянскому государству (все равно, будет ли это хорватско-сербская персональная уния или же великая Сербия), в пределах которого будут воссоединены все хорватско-словенско-сербские земли (т.е. триединое королевство Хорватия—Славония—Далмация вместе с портом Риекой, Истрия, Горица-Градишка, Триест с окрестностью, Крайна, словенские Каринтия и Штирия до Граца, Междустье, полоса Белых Хорватов между Мурой и словацким городом Пожуном (Пресбург на Дунае), славянская часть Южной и Восточной Венгрии вместе с Банатом и Бачкой, затем Босния—Герцеговина и Сербия).

Мы базируем эти требования не только на наших культурных, политических и экономических правах, но и на статистике, ибо язык статистики говорит яснее всяких тенденциозных статей и измышлений наших политических врагов.

Посмотрим прежде всего на Далмацию, на которую итальянская пресса очень усердно предъявляет свои требования, ссылаясь на какие-то национальные права.

По официальной австрийской статистике, которая к славянам никогда не бывает пристрастной, в Далмации 1910 г. было 634 955 жителей, из них:

сербохорватов	610 669, т.е. 96,2%
итальянцев	18 028, т.е. 2,84%.

Говоря другими словами, итальянцы в Далмации не имеют даже

*См. его подпись в конце данного документа.

**Т.е. риекских.

***Т.е. триестинских (триестских).

3%. Следует заметить, что итальянцы большей частью живут в городах, где и процент, разумеется, больше. Так, например, в Сплите (Спалато), насчитывающем 21212 жителей — 1303 итальянца, т.е. 6,14%. В Задре (Зара), столице Далмации, где австрийское правительство итальянцев особенно поддерживает, имеется (62 199 жителей) 11 574 итальянца, т.е. 18,6%. Это в соседнем округе, ибо в политическом округе их процент только 14,1.

Можно ли на основании этих данных утверждать, что Далмация — итальянская, как это делают итальянские ирредентисты, стараясь ввести в заблуждение не только итальянское, но и европейское общественное мнение?

К северо-западу от Задра, вплоть до портового города Риеки (Фиуме), простирается так называемое венгерское, или, как мы его зовем, Хорватское Приморье. На всем этом Приморье нет ни одного итальянца, за исключением в городе Риеке. Но, с другой стороны, нигде так сильно не бросается в глаза, как именно в этом городе, что итальянцы на славянском Приморье насаждались и насаждаются искусственным путем.

Для иллюстрации интересно прибегнуть к исторической статистике г. Риеки. В 1851 г. в Риеке было 13 500 жителей, из них:

хорватов	11 581, т.е. 86%
итальянцев	691, т.е. 5,28%.

Следовательно, процент итальянцев был там меньше, чем процент в Сплите в настоящее время.

В 1880 г. было в Риеке среди 20 981 жителя уже 9200 итальянцев, т.е. 43,9%.

В 1890 г. было 29 924 жителя, а итальянцев 13 012, т.е. 44,1%.

В 1900 г. было 30 057 жителей, итальянцев 17 305, т.е. 45,5%.

В 1910 г. было 49 806 жителей, итальянцев 24 212, т.е. 48,6%.

Следует добавить, что статистику г. Риеки составлял риекский итальянский магистрат под "надзором" венгерского правительства, вследствие чего она преувеличена в пользу итальянцев. В этом сознаются даже и риекские мадьяры.

Недавно мадьярская газета "Маджар Тагепост", говоря о риекских условиях, писала: "Хотя мы знаем, что здешнее хорватское население итальянизируется, но потеря стольких человек в течение 11 лет кажется нам невероятной".

Как бы то ни было, но для нас важен следующий прогресс итальянизации: 5,28%; 43,9%; 44,1%; 45,5%; 48,0%.

Те итальянские ирредентисты нашего Приморья, которые собирают в Италии деньги для "Лега национале" (Национальной лиги), итальянизирующей наших детей при помощи частных школ, жалуются, что это они, итальянцы, которые теряют здесь почву, т.е. что мы их славянизируем... Эти ренегаты прекрасно знают, как обстоит дело, но они сознательно обманывают итальянскую общественную прессу в королевстве, которая о фактическом положении дел нашего Приморья в высшей степени слабо осведомлена. Но каким же образом

итальянцы так прогрессировали в Риеке? Если это случилось вследствие культурного преимущества итальянцев над славянским элементом, тогда пусть Италия свободно претендует на Риеку. Но факты, т.е. вся история последних 50 лет этого города, свидетельствует лишь о самом циничном как политическом, так и экономическом давлении итальянцев на славян — при помощи венгерского правительства.

До тех пор пока Риека находилась под управлением хорватского королевства, в ней был минимум итальянцев, как мы видели — 5%. Но в 1867 г. мадьяры, забыв о традициях Кошута, заключили, как известно, договор с немцами за счет славян. Вскоре после этого мадьяры доказали, что они не только достигли, но даже и перещеголяли немцев в притеснении славян.

Австро-венгерским договором 1867 г. Австрия оставила себе чехов и наших словенцев, Венгрия же получила хорватов и словаков. По странной аналогии каждая из них взяла по одному славянскому королевству (Австрия — Чехию, Венгрия — Хорватию—Славонию), а кроме этого, каждая — еще часть северных и южных славян. Австрии в качестве порта для вывоза остался Триест, мадьяры же взяли Риеку, принадлежавшую раньше территории Хорватского королевства. Простой фальсификацией мадьяры украли у хорватов этот порт, и то таким образом, что на параграф 66 уже санкционированного хорватско-венгерского договора 1868 г. они прилепили пресловутую заплату со следующим содержанием:

”В смысле предыдущего параграфа признаются принадлежащими территории Королевства Хорватии—Славонии—Далмации. Вся территория, которая теперь вместе с городом и округой г. Бакар принадлежит риекскому комитету, за исключением самого города Риеки вместе с округой, так что упомянутый выше город заодно с портом и округой образуют особый, соединенный с венгерской короной организм, относительно которого как такового нужно достичь особой автономии и связанных с ней законодательных и правовых отношений управления путем регулярных депутатий сеймов королевства Венгрии и Королевства Хорватии—Славонии—Далмации и г. Риеки на основании общего согласия”.

Вот эта ”заплата” сфотографирована и воспроизведена. А сам фальсифицированный документ находится в хорватском архиве в Загребе.

Так как Хорватское королевство не имеет больше своей короны, а вместо нее общую с венгерцами корону святого Степана, то оказалось возможным на основании этой заплаты утверждать, что Риека принадлежит не через Хорватию, а непосредственно венгерской короне.

С остальным было легко справиться. Мадьяры сейчас же упразднили в Риеке все хорватские власти, комитатские власти вместе с судом переведены были в Огулин, все хорватские школы были закрыты, а хорватская гимназия переведена была в Сушак, город, насчитывающий вместе с окрестностью до 20 тыс. жителей, исключительно хорватов.

В городе Риеке 25 тыс. сербохорватов и словенцев не имеют ни одной школы, не имеют никаких национальных и политических прав, но зато 6000 (шесть тысяч, в 1851 г. было их лишь 76 человек) мадьяр имеют здесь 10 (десять) казенных мадьярских учебных заведений, среди которых особенно важны: морская академия, коммерческая академия, две гимназии и т.д. Кроме этого, в Риеке имеется тринадцать итальянских учебных заведений. Между тем славянскому населению, образующему в самом городе большинство, не разрешено открывать даже частные начальные училища — несмотря на постоянные ходатайства.

Статистический интерес имеет еще факт, что процент риекских итальянцев сразу падает с 48,6 до 34,7, если вместе с Риекой считать связанные с ней географически (политически же отделенные) ближайшие окрестности Сушак-Терсат.

На основании всего этого мы, нижеподписавшиеся, категорически протестуем против меморандума, посланного его величеству императору приморскими ирредентистами, где подписался также и известный хорватский ренегат Бачич. Мы протестуем и считаем недоразумением, что русскому царю пишет человек, который в качестве городского головы г. Риеки все время притеснял тамошних славян. Вообще так называемые риекские итальянцы всегда шли рука об руку с австро-венгерской антиславянской системой.

Интересно прочесть по этому поводу одно маленькое заявление городского советника доктора Грошича на заседании городского совета Риеки от 14 апреля 1913 г.: «Покойный Адамич мне говорил, что граф Андраши во время переговоров в Риеке потянул его за рукав, отвел в сторону и сказал: "Не давайте хорватам ничего, а мы (мадьяры) дадим вам (т.е. итальянцам) все, что хотите"».

И действительно, так оно и случилось. В искони славянском г. Риеке у славян отняты все политические и культурные права. Мало того: часто бывает опасно даже разговаривать на улицах по-хорватски.

К северо-западу от Риеки начинается Истрия и так называемое австрийское Приморье (мы называем его словенским Приморьем).

Граница древнего хорватского королевства доходила до р. Раши в Истрии. Тогда было на западе от хорватов франкское государство, а здесь, на славянской истрийской границе, находились самые восточные колонии (так называемые марки) великого французского царства. Этот кусок южнославянского приморья вплоть до итальянской границы разделен теперь следующим образом:

- I. Истрия
- II. Горница-Градишка
- III. Триест с окрестностью

По последней переписи в Истрии было 403 566 жителей. Славян насчитывалось 57,7% (223 318), между тем как еще в 1846 г. процент поднимался гораздо выше, а именно 72,8. Тем не менее некоторые округа и теперь еще сплошь славянские. Например, в волосской (Волоско) округе славян 95—100%, в Позине 90—95%; на Крке до

90—95%; в Пуле, Копре (Каподистрия) и на Лошине славян 50—60% и в одном только Порече славяне имеют меньшинство, т.е. около 45%.

Далее во всей Горице-Градишке славян (преимущественно словенцев) насчитывается 154 750, т.е. 61,93% всего населения, между тем как итальянцев только 90 119, т.е. 36,06%.

Наконец, в Триесте с окрестностью славян имеется 59 319, или 31,07%, итальянцев же 118 959, или 62,3%. Значит, на всем южно-славянском побережье Триест — единственный кусок земли, имеющий, по официальной статистике, итальянское большинство.

Но это большинство следует немного проанализировать.

Еще при статистике Риеки заметили мы тенденцию искажать цифры в пользу итальянцев. В Триесте цифры искажаются еще более откровенно, еще более цинично. При последней переписи триестинский магистрат это делал так явно, что со всех сторон стали доноситься протесты против подобной "переписи". В результате наместничество вынуждено было под давлением общественного мнения хоть отчасти произвести ревизию магистратской переписи. И вот поразительный результат этой ревизии, напечатанный в начале июля 1912 г. в официальной "Оссерваторе Триестино" (мы сравним этот результат с прежним):

по статистике магистрата	по статистике наместничества
южных славян — 39 100	60 100
итальянцев — 142 200	118 959
немцев — 9 700	11 856
остальных — 70	70

Итак, магистрат г. Триеста в своей переписи скрыл 21 000 славян! И если бы кто-либо ревизию наместничества подверг новой ревизии, то результат получился бы еще более поразительный, ибо и эта статистика далеко не отвечает истинному положению вещей.

Если разделить Триест с окрестностью на город, нижнюю и верхнюю окрестности, то получают следующие цифры:

	южн. славян	итальянцев
в городе	22 000	95 000
в нижней окр.	28 000	22 000
в верхней окр.	8 200	540

Еще одно доказательство, что итальянский элемент и ирредента на нашем Приморье насаждаются искусственно. Магистрат города Триест никогда не берет на службу тамошнего словенского населения, но выписывает итальянцев из королевства, так называемых ренькиолов, в случае, если своих итальянцев оказывается не достаточно.

Таких ренькиолов имеется:

в Триесте	29 439
в Горице-Градишке	6 027
в Далмации	2 425
целиком в Австрии	79 062

В течение только последних десяти лет прирост ренькиолов был на 15 925 человек. Они отнимают у местного населения заработок и пищу.

Значит, несмотря на все притеснения, закрытие школ, поддержку австро-венгерских властей и сотни других несправедливейших искусственных средств, итальянцы нигде у нас не имеют большинства, за исключением разве Триеста. Но и здесь их большинство, как мы видели, очень сомнительно, к тому же не имеет никакой базы, ибо весь хинтерланд исключительно словенский.

Итак, если Италия получит хотя бы одну пядь нашего адриатического берега, то от этого пострадают интересы южнославянского (т.е. сербохорватского и словенского) большинства.

В особенности пограничные славяне попали бы из огня да в полымя. В Австрии славяне имели хоть какую-нибудь национальную свободу, в Италии они не имели бы никакой. Доказательством служат итальянские словенцы (жители так называемой Бежинской Словении — недалеко от Удине в северо-восточной части Италии по направлению к Горице), которые не имеют абсолютно никаких национальных прав.

Если Италия имеет компенсации за свои меньшинства, за нейтралитет, за эвентуальную помощь или оставление Валоны, то пусть она получит богатые компенсации в южных Тиролях, где итальянцы живут компактно, или же в Форарльберге, Зальцбурге и хотя бы в Баварии — за счет нашего общего врага.

Что же касается до самого г. Триеста, который итальянцы так оспаривают, то просим иметь в виду, что для Италии, обладающей большим количеством портов, Триест далеко не имеет такого огромного экономического значения, как для южных славян, в особенности для самой культурной их части — для словенцев, живущих компактно не только в окрестностях, но и во всем "хинтерланде" (Горица-Градишка, вся Крайна, большая часть Каринтии, вся Южная Штирия до Граца, часть Венгрии — около Муры и т.д.).

Таким образом, Триест является естественным ключом к морю для всей этой богатой и цветущей территории, которая без Триеста экономически совершенно пропадет. Это прекрасно понял Наполеон. Он Триест присоединил не к Ломбардо-Венеции, а к Иллирийскому королевству со столицей в Любляне.

Итальянских капиталов в Триесте нет. Кроме чешского и немецкого, есть только южнославянский капитал. Множество банков, торговли и большинство недвижимости находятся в славянских руках. Город Триест — естественный центр притяжения для всего словенского капитала, подобно тому как Риека является центром притяжения для всего хорватского капитала.

Все значение, которое имеет в наше время г. Триест, как и весь адриатический берег для Австро-Венгрии, сохранится после неизбежного и естественного распада "лоскутной монархии" — не только для свободных южных славян, но и для России. Ведь Россия должна быть заинтересована в том, чтобы весь этот берег остался в словенских руках. Разумеется, она сможет им свободно пользоваться только тогда, когда свободное южнославянское государство не будет территориально отделено от России какой-либо самостоятельной Венгрией или баварской Австрией. Эту его важность для

России можно синтезировать следующим образом:

1. Экономическое значение
2. Политическое значение
3. Стратегическое значение

1. *Экономическое значение.* Адриатическое море врзается глубже всех морей в Европейский континент, и Триест является лучшим извозным портом не только для богатой чешской индустрии, но и для русских продуктов по линии Москва—Варшава—Вена—Триест или же Варшава—Будапешт—Загреб—Триест.

Между тем как далматический порт Сплит (Спалато) является очень удобным портом для следующих частью уже существующих, частью проектированных линий:

- a) Москва—Варшава—Будапешт—Сараево—Сплит;
- b) Прага—Вена—Загреб—Сплит;
- c) Россия—(Бухарест)—Белград—Сараево—Сплит;
- d) Россия—Варна—София—Ниш—Сараево—Сплит.

У этого моря находятся перевалы в богатую панонско-славонскую равнину. Сплит мог бы конкурировать с Бриндизи не только по обороту вызова, но и по краткости расстояния. Излишне подчеркивать домашнее производство (вино, масло, цемент), как и неисчерпаемые богатства девственных лесов. Особенно стоит подчеркнуть ловлю рыбы. Кроме этого здесь с каждым годом все больше туристов, ибо это славянская Ривьера (в этом отношении особенно славятся Опатия, Дубровник). Далее, большая часть пароходства находится уже теперь в славянских руках — как капиталом, так и пароходным персоналом.

2. *Политическое значение.* О политическом значении Далмации и славянского Приморья для России и для славянства можно говорить, конечно, только тогда, если эти места вместе со всем южнославянским государством будут в прямой территориальной связи, с одной стороны, с Россией (хотя бы от Кереша через полосу Трансильвании), с другой стороны, — со свободным чешско-словацким королевством — через полосу "белых хорватов" между Мурой и Дунаем, т.е. естественной и отчасти этнографической границей была бы линия Пожун (Пресбург) — Вена. Тогда адриатический берег с его прекрасными портами и с твердым, испытанным в политических боях населением будет принадлежать всему славянству, и приморские славяне, сумевшие до сих пор отстоять его против чужого засилья, будут отстаивать его с тем большим рвением для всей Славии. Ибо мы уверены, что, несмотря на все ошибки своей и интриги чужой дипломатии, в недалеком будущем дойдут до великого всеславянского политического союза под главенством нашей общей спасительницы — России... Только в этом залог нашей силы, нашего политического и культурного будущего.

3. *Стратегическая важность.* Своей громадной расчлененностью этот берег имеет великолепную оборонительную возможность. Кроме уже существующих морских баз у Пола, Шибеника и Котора, можно бы построить еще несколько военных портов, особенно у Пола, которые всегда могли бы служить в качестве базы для русского флота

в случае войны, особенно если Валона не останется в руках Италии. Более 60% моряков австрийского флота состоят из приморских сербохорватов: ими может впоследствии пользоваться и Россия в качестве отличного материала как для коммерческого, так и для военного флота, а родной и братской России они будут оказывать услуги куда охотнее, чем Австрии, которую они ненавидят всей душой. Наполеон сказал о хорватах: "У меня никогда не было солдат более храбрых и лучших во всех отношениях".

То, что дал нам Наполеон когда-то своим Иллирийским королевством со столицей в Любляне; то, что нам обещала в последнее время даже и сама Австрия (конечно, в австрийском смысле!), — мы уверены — обеспечит нам великодушная и братская Россия своим веским словом. И благодарные сербы, хорваты и словенцы, которые в течение 800 лет проливали на всех европейских полях брани свою кровь для чужбинца, будут в свободной Югославии лучшим оплотом для великой славянской идеи — в братском союзе с могучей Россией и ее великодушным всеславянским царем.

В Венеции, 1915 г., января месяца, 10 дня Владимир Черина, книжевник и новинар (уредник угословенске ревије "Вихора" у Загребу),
Д. Лубо Леонтић, академски живописац, редактор, угословенске ревије "Југослоавија" в Праге,

П. Устибровић,

Мирко Рачки, академски живописац, Ријека,

Проф. Анте Лекчевић, председатель южнославянской народной организации в Риеке, автор этого меморандума,

Милан Алачевич, вождь хорватского сокольского о[бщес]тва "Бан Палижна" в Задре,

Марино Тартаља академски живописац, Сплит,

Владимир Штахеер, абсолвент экспортной академии, Воровско (из Истрии),

Винко Томашић, поседник из Опатије и другие.

АВПР. Ф. Особый политический отдел. Д. 281. Л. 94–104. Подлинник.

Проект создания югославского государства общественного деятеля Далмации Л. Войновича*

Рим, 14(1) декабря 1914 г.

Перевод

На протяжении веков рабства и феодализма на Балканах, подвергаясь денационализации на Западе под властью Венгрии и Венеции, сербохорватская нация, занимающая с эпохи раннего средневековья земли, протянувшиеся от Дуная до Тимока, всегда жила в ожидании осуществления своего политического объединения.

События, свидетелями которых мы являемся в настоящее время, имеют корни в очень далеком прошлом. Они были более или менее сознательно подготовлены самой нацией, разрозненной под разными режимами и, несмотря на это, стремящейся через самые разнообразные катастрофические превратности к свету и свободе.

Песни сербских рапсодов и сербохорватская литература Рагузы и Центральной Далмации, где легко можно различить "лейтмотив"

империи, охватывающей, согласно идее свободы и братства, всех разрозненных членов сербохорватской нации, являются тому красноречивым свидетельством.

И что очень характерно для чувства, я бы сказал, бессознательного, этнического единства в расе, разбросанной и разделенной многими веками самых противоположных режимов, — это то, что самые мощные голоса в защиту национального единства раздавались с XVI в. из аристократической Рагузы, крайне латинизированной, соперничавшей с сербским демосом на Балканах в утверждении языкового тождества и смутно предвидимого объединительного движения той эпохи.

Следует отметить этот основной факт в первую очередь как основу национального объединения, которое Сербия выковывает на равнинах Дрины и Савы. Движение это, как мы видели, существует и идет издавна. Сербия всего лишь осуществляет своим оружием то, что сербохорваты давно провозгласили и проповедовали пером; в настоящее время вопрос, на который следует незамедлительно отвечать, можно сформулировать так: каким образом следует построить национальное сербохорватское здание, для того чтобы создать все самые действенные гарантии его силы и жизнеспособности?

Чтобы успешно ответить на этот вопрос, нужно отвлечься от всякой идеологии, отбросить любой политический тезис, порожденный Французской революцией, и встать лицом к действительности.

Однако действительность заключается в том, что страны, населенные в настоящее время сербохорватской расой (Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Далмация, Хорватия — Славония и Истрия с Фиуме), имеют столь своеобразную историческую индивидуальность и настолько глубоко укоренившиеся различия культурные, социальные и конфессиональные, что слияние этих элементов на основе административных принципов, действующих в Сербии — по образцу франко-итальянской системы, предполагало бы в скором времени возникновение одной из самых серьезных трудностей и раннее разложение молодого государства, даже гражданскую войну. Европа же заинтересована в том, чтобы избежать опасности, которая могла бы поставить под вопрос будущее равновесие, купленное потоками крови и гигантскими, почти катастрофическими расходами.

Следовательно, для того чтобы избежать каких-либо потрясений после европейской войны, заполняя пропасть, отделяющую более развитых сербохорватов габсбургской монархии от балканских сербов, чтобы медленно, но верно подготовить культурное и социальное выравнивание между славяно-византийскими и славяно-латинскими концепциями масс, — поскольку интеллектуальные верхи не входят в расчет, — существует лишь единственный способ, сформулированный классическим словом "самоуправление".

Тип будущей сербохорватской конституции должен строиться по образцу Швейцарии и Северной Америки, а не Франции и Италии.

Подробное решение этого основного принципа составило бы объемистый меморандум. Он будет написан. Тем не менее уже теперь можно сформулировать общие линии будущей конституции следую-

щим образом:

I

Будущее сербохорватское королевство, глава которого носил бы титул "сербского короля" (српски краљ), будет являться конституционной федеративной монархией с центральным парламентом и общим министерством в Белграде.

II

Королевство будет делиться на провинции под прежним наименованием королевств, а именно:

Сербское королевство

Черногорское королевство

Королевство Босния (Герцеговина)

Королевство Далмация

Королевство Хорватия с Бачской Славонией и Банатом (Српска Воеводина).

Королевство Истрия и вольных городов Рагуза и Фиуме.

Каждая из этих провинций (королевств и вольных городов) будет иметь автономный парламент.

Центральную власть будет представлять наместник, кроме Черногории, где нынешний король будет продолжать управление страной в рамках конституции и со всеми атрибутами королевства.

III

Сербия в качестве провинции будет также иметь свою Диету (парламент, управление) для автономных дел королевства.

IV

Автономными делами являются:

а) налогообложение и распределение налогов, таможенная плата и прочие сборы на нужды провинции. Будет установлена доля, принадлежащая центральной власти в отношении налогов и сборов, вотированных Диетами; б) гражданское и уголовное законодательство; в) административная структура полиции; г) общественное образование; д) культуры; е) управление фондами и провинциальными учреждениями.

Исполнительный орган Диеты, состоящий из 5—6 членов (Кралевински одбор), будет представлять провинциальную автономию под председательством президента Диеты.

Члены Исполнительного комитета королевства будут исполнять функции министров.

Губернатор (наместник) как представитель центральной власти будет иметь право наложения вето на всякую меру или закон, которые будут вотированы или провозглашены вопреки основным принципам конституции.

Чиновники в каждой провинции должны состоять на 75% из местных уроженцев.

V

Диеты будут собираться дважды в год: зимой и летом.

Центральный парламент работает в течение всего года. Депутаты в Диету и в парламент будут избираться всеобщим голосованием при пропорциональном представительстве меньшинства.

VI

Общими делами являются: а) национальная оборона; б) иностранные дела; в) общие финансы; г) таможенные законодательства; д) пути сообщения; е) промышленное и торговое законодательство; ж) общественное здравоохранение; з) сельское хозяйство; и) морское законодательство.

VII

Военная система будет подобна действующей в Швейцарии, т.е. система территориальной милиции.

VIII

Будет два кассационных суда: один — в Белграде для Сербии, Черногории и Боснии—Герцеговины; другой — Загребе для Далмации, Хорватии—Славонии, Воеводины, Истрии и вольных городов Рагуза и Фиуме.

Будет единая финансовая палата и единый Административный трибунал, который будет находиться в Белграде.

IX

Центральная власть будет назначать военных начальников, губернаторов, председателей кассационных судов, финансовой палаты и административного трибунала и в то же время председателей апелляционных судов.

Все прочие чиновники, в том числе религиозные власти, будут назначаться губернаторами провинций по согласованию с исполнительными комитетами Диет.

Назначения религиозного духовенства (католического, согласно конкордату со святейшим престолом, обязательному для всей территории Сербского королевства) будут представлены на утверждение центральной власти.

X

Официальным языком будет сербохорватский. Диетам предоставляется право самостоятельно решать вопрос о языках, не отклоняясь при этом от вышеизложенного основного принципа.

Флаг будет в цветах Сербии с щитом посередине, на котором будут изображены гербы всех стран, входящих в состав Сербского королевства.

Центральная власть будет осуществлять верховное право контроля над автономной администрацией провинций через посредство Общего министерства. Специальные законы будут регулировать отношения между автономными компетенциями и компетенциями центральной власти, чтобы обеспечить главенство этой последней.

Рим, 14(1) декабря 1914 г.

АВПР. Ф. Особый политический отдел. Д. 281. Л. 62—63. Печ. экз.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

1. ИЗ МАНИФЕСТА КОРОЛЕВСКОГО СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Австро-Венгрия 23 июля 1914 г. предъявила Сербии провокационный ультиматум и, несмотря на готовность Белграда разрешить конфликт мирным путем, демонстративно разорвала с Сербией дипломатические отношения, что стало прелюдией к войне. Манифест был издан 12(25) июля 1914 г.

Сербскому народу!

Два дня тому назад австро-венгерское правительство сделало сербскому правительству представление с известными требованиями, назначив для ответа срок до 6 ч вечера следующего дня, поставив в известность, что, если не будет получен удовлетворительный ответ, оно разорвет (с Сербией) дипломатические отношения. Сербское правительство, отдавая себе отчет, что все — не только сербы, но и целая Европа — хотят мира, пошло навстречу царскому королевскому правительству до крайних границ уступчивости, больше которых не может пойти ни одно независимое государство*...

Считаем своей обязанностью призвать народ к обороне отечества, веря, что каждый отзовется на наш патриотический призыв. Если на нас нападут, армия выполнит свой долг, а населению, которое мы не призываем под знамена, мы советуем остаться в своих домах и мирно заниматься своим делом.

Шшиш Ф. Документи о постанку кралевине срба, хрвата и словенаца. 1914—1919. Загреб, 1920. С. 1. Пер. Ю.А. Писарева.

2. ИЗ МАНИФЕСТА РЕГЕНТА АЛЕКСАНДРА

В Июне 1914 г. король Сербии Петр I Карагеоргиевич (годы правления 1903—1921) из-за болезни передал власть своему сыну Александру (1914—1934), назначив его регентом государства и верховным командующим вооруженных сил. Манифест был издан в Нише 29(16) июля 1914 г.

*Сербия приняла все пункты австро-венгерского ультиматума, кроме двух, которые были равнозначны открытому вмешательству монархии Габсбургов во внутренние дела государства и потере суверенитета.

Моим героическим и дорогим сербам!

На нашу Сербию обрушилось большое несчастье. Австро-Венгрия объявила нам войну. Сегодня все мы должны стать едины и отважны... Все дружественные нам государства во главе с братской Россией попытались склонить австро-венгерское правительство согласиться на мирное решение спора*. К сожалению, государственные деятели Вены остались глухими к советам мудрости и интересам человечества. Они нам вчера объявили войну, не отдавая себе отчета, что тем самым вызовут необозримые последствия европейского конфликта... [...]

Шишић Ф. Документи... С. 2—3.

3. ПРОКЛАМАЦИЯ ЧЕРНОГОРСКОГО КОРОЛЯ НИКОЛАЯ

Издана в Цетинье 7 августа (25 июля) 1914 г.

Черногорцы!

Не успели вы еще смыть кровь с ваших храбрых тел, а ваш старый король вынужден третий раз за неполных два года** снова призвать вас к оружию, чтобы третий раз повести на войну, на священную войну за свободу сербства и югославянства. Решающий час наступил.

Шишић Ф. Документи... С. 6—7.

4. ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ КОРОЛЕВСКОГО СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НИШСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ)

Сделано в Народной скупшине в Нише 7 декабря (24 ноября) 1914 г.

...Правительство королевства видит свою главную и единственную задачу в этот момент, когда решается судьба (государства)... в борьбе за освобождение и объединение всех наших неосвобожденных братьев — сербов, хорватов и словенцев.

Шишић Ф. Документи... С. 10.

5. РЕЗОЛЮЦИЯ ЮГОСЛАВСКОГО КОНГРЕССА В НИШЕ.

Принята 6 мая (23 апреля) 1915 г. На конгрессе присутствовали представители сербской армии, эмигранты-югославыне. Конгресс был создан в связи с Лондонским договором Англии, Франции и царской России от 25 апреля 1915 г., согласно которому Италии за ее участие в войне на стороне Антанты передавалась часть Истрии, хорватского Приморья и Далмации.

В эти исторические дни мы заявляем в первую очередь о нашем полном и нерушимом народном единстве сербов, хорватов и словенцев

*Россия настаивала на третейском разбирательстве австро-сербского конфликта на международной конференции.

**Имеются в виду 1-я (1912—1913) и 2-я (1913) Балканские войны.

не только как непременно условию для нашего будущего, но и как аксиоме нашей этнографической и исторической целостности... Исходя из этого, заявляем, что никоим образом мы не будем удовлетворены планами расчленения нашей югославянской территории, в том числе нашего Приморья, где проживают сербы, хорваты и словенцы.

Шишић Ф. Документи... С. 24.

6. ИЗ МЕМОРАНДУМА ЮГОСЛОВЕНСКОГО КОМИТЕТА ФРАНЦУЗКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Меморандум, составленный в Париже 6 мая 1915 г., был передан правительствам Франции, Англии и России и преследовал своей целью помешать осуществлению Лондонского договора.

...Политическое объединение. Только одно средство может обеспечить прочный мир на всем юго-востоке Европы, на Адриатике и Балканах. Это — объединение всех народов и всех югославянских территорий в единое и независимое государство.

Шишић Ф. Документи... С. 29.

7. ПРОГРАММА ЧЕРНОГОРСКОГО КОМИТЕТА НАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Комитет, созданный в 1917 г. после разрыва с эмигрантским правительством короля Николая I, высказывался за объединение Черногории с Сербией. Центрами его деятельности были Франция и Швейцария. Программа была принята в Париже 14 марта 1917 г.

...В день освобождения Сербия и Черногория осуществляют свои цели, за которые они боролись в течение веков. Они объединятся в единое государство, в которое войдут наряду с другими сербскими землями хорватские и словенские территории. Такое народное государство будет самой большой гарантией демократического устройства, свободы и равноправия.

Шишић Ф. Документи... С. 29.

8. ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ ЮГОСЛОВЕНСКОГО КЛУБА

Югословенский клуб — парламентская фракция в австрийском рейхсрате. После Февральской революции в России и под влиянием развития революционных процессов в Австро-Венгрии она 30 мая 1917 г. приняла декларацию о расширении политических прав и автономии югославян в рамках монархии Габсбургов

...Представители Югословенского клуба заявляют, что, основываясь на народном начале и хорватском государственном праве, они требуют объединения всех земель монархии, на которых проживают хорваты, сербы и словенцы, в единое самостоятельное, свободное от господства чужих народов и основанное на демократическом принципе государственное целое под скипетром габсбургско-монархической династии...

Шишић Ф. Документи... С. 94.

9. ИЗ КОРФСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

Декларация была подписана 7 июля 1917 г. на о-ве Корфу председателем министерского совета Сербии Н. Пашичем и председателем Югословенского комитета в Лондоне Анте Трумбичем (1864—1938) о принципах создания после войны объединенного югославского государства в составе Сербии и югославянских областей Австро-Венгрии.

На заседании членов прошлого коалиционного и нынешнего кабинета Королевства Сербия и представителя Югословенского комитета в Лондоне, который работает параллельно, в присутствии и при участии председателя Народной скупщины (Сербии) произошел обмен мнениями по всем вопросам, касающимся будущей объединенной жизни сербов, хорватов и словенцев.

Мы счастливы заявить, что можем отметить полное единство взглядов участников данного совещания по всем вопросам будущей объединенной государственной жизни. Прежде всего, представители сербов, хорватов и словенцев снова решительно заявляют, что они являются единым треименным народом по крови, языку, письменности, осознанию своего единства, по происхождении и целостности территории, на которой постоянно проживают, по объединенным жизненным интересам своего национального существования, своего развития, своей моральной и материальной жизни...

...Объединенное государство будет основано на следующих современных и демократических принципах: 1. Государство сербов, хорватов и словенцев, т.е. страна южных славян, или Югославия, будет свободным, независимым королевством с единой территорией и единым гражданством. Оно будет конституционной, демократической парламентарной монархией с династией Карагеоргиевичей во главе, которая дала доказательства, что своими идеями, и принципами не отделяется от народа и ставит свободу народа и его волю превыше всего... [...]

Шинић Ф. Документи... С. 96—99.

10. ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ ЧЕРНОГОРСКОГО КОМИТЕТА НАРОДНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Принята в Париже 20 июля 1917 г.

...Полностью солидарный с Корфской декларацией, уверенный, что она выражает интересы сербского народа Черногории, Черногорский комитет народного объединения продолжит свою работу по объединению сербов, хорватов и словенцев.

Шинић Ф. Документи... С. 100.

11. ПРОГРАММНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СЕРБИИ

Сделано в Народной скупщине в Нише в 1915 г.

Для нас решающее значение имело то обстоятельство, что война между Сербией и Австрией — только небольшая часть, только

увертюра к европейской и мировой войне, а эта последняя, по нашему мнению, не могла не иметь ярко выраженного империалистического, капиталистического характера. Поэтому мы понимали, что наша прямая обязанность как части великого социалистического и пролетарского интернационала — со всей решительностью выступить против войны.

Архивски алманах. Београд, 1960. № 23. С. 187—188. Пер. с серб. хорв. Ю.А. Писарева.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ЮГОСЛОВЕНСКОГО КОМИТЕТА

Представители политических партий Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины, находясь в эмиграции, создали в 1915 г. свою организацию под названием Югословенский комитет. Сначала местом его пребывания был Рим, затем Париж, а с осени 1915 г. — Лондон. 1 октября 1915 г. в органе комитета газете "Бюллетень югославян" на английском и французском языках был опубликован следующий манифест Югословенского комитета: "Жестокость расправ, предпринятых Австро-Венгрией и Германией с началом войны в Европе, не позволила югославянам, находившимся под австро-венгерским ярмом, организовать свой отпор войне. Весь югославянский народ был мобилизован в армию, а представители интеллигенции и функционеры политических партий были брошены в тюрьму. Только некоторым их представителям — небольшому их числу — удалось найти в начале войны убежище за границей, в свободной Европе или бежать из страны. Эта группа политиков, начавшая свою деятельность в Риме, опубликовала ряд протестов против чудовищного насилия, которое проявляется в югославянских землях Австро-Венгрии. В то же время она опровергла лживые утверждения официальных австро-венгерских органов о том, что одна часть югославян поддерживает австрийские претензии (по отношению к Сербии). В Риме были опубликованы манифесты переселенцев-югославян из Австро-Венгрии с призывом присоединиться в качестве добровольцев к сербско-черногорским и союзническим войскам.

Югославянской эмиграцией сформирован комитет, члены которого представляют разные еще не освобожденные югославянские земли.

Председатель: др. А. Трумбич.

Члены: др. Анте Бьянкини (Стариград Чикаго), др. Иво де Джулли (Дубровник), др. Юлие Газзари (Шибеник), Дон Нико Гршкович (Кливаленд-Врбник-Крк), др. Хинко Хинкович (Загреб), др. Иосип Едловски (Гриест), Милан Марьянович (Кастав-Загреб), Иван Мештрович (Отавица, Далмация), др. Миче Мичич (Дубровник), др. Франко Поточняк (Нови), Михайло Пупин (Панчево-Нью-Йорк), др. Нико Стоянович (Босна), Франо Супило (Риека), Душан Васильевич (Мостар), др. Нико Жупанич (Аметлика, Крайна).

Лондон—Париж, 1.X.1915

Шившић Ф. Документи о постанку Краљевине срба, хрвата и словенаца. 1914—1919. Загреб, 1920. С. 44—45. № 29.

**ТЕЛЕГРАММА ЮГОСЛОВЕНСКОГО КОМИТЕТА
ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ-ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЛАШИЧУ
В НИШЕ ИЗ ЛОНДОНА,**

12.X.1915 г.

”В связи с новым вторжением австрийских и немецких войск (в Сербию) Югословенский комитет обращается к Вам в этот грозный час с чувством солидарности с сербским народом и уверенностью в том, что Сербия в предстоящей борьбе снова удивит мир своей победоносной отвагой. Одновременно Югословенский комитет обращается ко всем сербам, хорватам и словенцам с призывом оказать всемерную поддержку королевскому сербскому правительству в этот самый критический период сербской и югословенской истории”.

Шишић Ф. Документи... С. 45—46. № 30

**ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ЮГОСЛОВЕНСКОГО КОМИТЕТА
К АНГЛИЙСКОМУ НАРОДУ**

Лондон, 2 ноября 1915

”Военное вторжение германских, австрийских, венгерских и болгарских войск в Сербию может привести к уничтожению и полному исчезновению с карты мира целого сербского народа, что откроет путь германскому империализму к осуществлению его плана Дранг нах Остен. Еще никогда не применялось таких объединенных сил, как ныне, чтобы искоренить и уничтожить небольшой народ... Гибель Сербии могла бы иметь своим следствием также уничтожение народной и политической базы нашего всего населения в 8 млн чел., проживающего в границах Австро-Венгрии. Гибель Сербии не в интересах существования нащего народа, который мог бы стать преградой для германской агрессии... Более того, поражение Сербии открыло бы неприятелю широкий и легкий путь в сердце британской империи и имело бы непредсказуемые последствия... Мы поэтому обращаемся к гуманной и цивилизованной Англии, стране Питта, Байрона и Гладстона и их преемников в области культуры и политики. Для нас, югославян, это вопрос самого нашего существования, а для Англии — вопрос защиты ее интересов и возможностей дальнейшего прогресса...

Югословенский комитет в Лондоне.
Председатель др. Анте Трумбич.

Шишић Ф. Документи... С. 46—47. № 32.

**ИЗ ПОВТОРНОГО МЕМОРАНДУМА ЮГОСЛОВЕНСКОГО КОМИТЕТА
ФРАНЦУЗСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ**

Париж, 13 марта 1916

”Поражение Сербии и Черногории. Вследствие этого события все югославянские земли без какого-либо исключения оказались под властью их врага. В связи с этим встает вопрос о будущем Сербии и Черногории, что тесно связано с решением югославянского вопроса.

Он будет решен только после того, когда произойдет разгром сил неприятеля союзниками сербской армией...

Югославянская проблема вследствие этого стала общеевропейской... Австро-Венгрия должна быть разрушена. Она — большой организм в Центральной Европе. Монархия Габсбургов не имеет больше жизненных сил и потеряла свои потенциальные возможности существования”.

”Ликвидация Австро-Венгрии позволит решить югославянскую проблему. Королевство Сербии — лишь этап на пути к объединению югославян. Хорватский вопрос в решении общегославянской проблемы имеет преобладающее значение... Хорватия с главным городом Загребом является естественным центром югославян в Австро-Венгрии. Она будет способствовать объединению вокруг себя всех югославян...”

Далее идет речь о том, что это не означает отделения Хорватии от Сербии и ее отказа от создания общегославянского государства.

”Как независимое государство Хорватия не имела бы оснований для своего существования, так же как и одна Сербия, которая оказалась бы стиснутой в узких нынешних границах. Отдельные государства Хорватия и Сербия не только не имели бы жизненных условий для своего поступательного развития, но и обе тратили бы свои силы в междоусобном соревновании... Хорватов, сербов и словенцев не ожидает счастливая будущность от образования отдельных государств, тогда как их объединение в единое государство обеспечит условия для его существования и прогрессивного развития, станет основой мира и братства европейской цивилизации”.

За Югословенский комитет председатель др. Анте Трумбич.

Шушић Ф. Документи... С. 50—58. № 36.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ТАЙНАЯ СЕРБСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ”ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ” (“ЧЕРНАЯ РУКА”)

Организация создана в мае 1911 г., запрещена и распущена по приговору Высшего военного суда для офицеров сербской армии в Салониках в июне 1917 г. Этот приговор был кассирован Верховным судом Народной республики Сербии в июне 1953 г.

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ”ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ”

I. Цели и название

§ 1. В целях осуществления народных идеалов — объединения сербства — создается организация, членом которой может быть каждый серб вне зависимости от пола, вероисповедания и места рождения, так же как и каждый, кто будет верой и правдой служить этой идее...

Устав и оны не може изменити

Главни Верховне Централне Управе

9 Маја 1941г.
7 Београд

1. Милош Ракић
2. Драгомир Јефтичић
3. Драгомир Јефтичић
4. Драгомир Јефтичић
5. Драгомир Јефтичић
6. Драгомир Јефтичић
7. Драгомир Јефтичић
8. Драгомир Јефтичић
9. Драгомир Јефтичић
10. Драгомир Јефтичић

Факсимиле устава организации "Объединение или смерть"

§ 2. Организация отдаёт примат революционной борьбе над культурной и вследствие этого действует втайне от широкой общественности.

§ 3. Организация называется "Объединение или смерть".

§ 4. Для осуществления своей задачи организация:

1) Согласно самому характеру своей деятельности оказывает воздействие на все государственные факторы, рассматривая их как Пьемонт и на все общественные слои и жизнь общества в целом.

2) Революционная деятельность осуществляется на всех территориях, где проживают сербы.

3) Вне границ (Сербии) борьба ведется любыми средствами против любого противника этой идеи.

4) Поддерживаются тесные связи со всеми теми государствами, общественными организациями и отдельными личностями, которые идут навстречу сербам и сербскому племени.

5) Оказывается всесторонняя помощь всем тем народам и организациям, которые борются за свое национальное освобождение и объединение.

II. Структура организации

§ 5. Главное руководство организацией осуществляет Верховная центральная управа в г. Белграде. В ее компетенцию входит определение всех задач и функций организации.

§ 6. Число членов Верховной центральной управы неограниченно, но в принципе должно быть немногочисленным.

§ 7. В Верховную центральную управу наряду с членами из

Сербского королевства входят по одному из представителей из следующих сербских территорий:

- 1) Боснии и Герцеговины
- 2) Черногории
- 3) Хорватии, Славонии и Срема (Сирмии)
- 4) Воеводины
- 5) Приморья.

§ 8. Руководство организацией в Сербии непосредственно осуществляет Верховная центральная управа.

§ 9. Развертывание деятельности организаций в сербских окраинах вне территории Сербии входит в обязанность каждой окраинной организации, ответственной за эту окраину. Окраинная организация является главной в этой окраине.

§ 10. Подразделение организации на окружные и остальные управления регулируется ее внутренними правилами, которые в дальнейшем будут разработаны в зависимости от конкретных условий. Они могут изменяться и дополняться Верховной центральной управой.

§ 11. Каждая управа избирает своего председателя, секретаря и кассира.

§ 12. Секретарь может замещать председателя. Верховная центральная управа на это время обеспечивает его статус и материальное содержание.

§ 13. Должность председателя и кассира является бесплатной.

§ 14. Решения всех дел организации принимаются на заседании Верховной центральной управы большинством голосов.

§ 15. При исполнении решения организацией абсолютная власть принадлежит председателю и секретарю.

§ 16. В исключительных и срочных, а также в некоторых других случаях председатель и секретарь принимает решение и выполняют его, сообщая об этом на первом же заседании Верховной центральной управы.

Для более результативного ведения дела Верховная центральная управа подразделяется на секции.

§ 18. Верховная центральная управа поддерживает связь с окраинными управами через уполномоченных этих организаций, которые одновременно являются членами Верховной центральной управы, а в исключительных случаях — через особых уполномоченных*.

§ 19. Окраинным управам предоставляется свобода деятельности*. Общее проведение революционной деятельности зависит от санкции Верховной центральной управы.

§ 20. Верховная центральная управа следит за сохранением тайного характера организации.

§ 21. Верховная центральная управа обязана надлежащим путем и заблаговременно известить всех членов организации о всех важнейших решениях, касающихся этой организации.

§ 22. Верховная центральная управа время от времени контролирует деятельность своих подразделений. То же самое делают и остальные управы.

III. Члены организации

§ 23. В принципе конкретная деятельность организации осуществляется так: связь и общение поддерживаются только через специально выделенных и утвержденных лиц.

§ 24. Обязанность каждого члена организации — вербовать новых членов, причем вербовщик своей жизнью отвечает за тех, кто вводится в эту организацию.

§ 25. Члены организации не знают друг друга. Их лично знают только члены управы.

§ 26. В организации ее члены числятся под номерами, но Верховная центральная управа должна знать их поименно.

§ 27. Члены организации должны безусловно подчиняться всем указаниям их управы, а местные управы — вышестоящим органам.

§ 28. Каждый член организации обязан доставлять информацию о том, что он знает о делах, интересующих организацию как частным образом, так и по служебной линии.

§ 29. Интересы организации преобладают над всем остальным.

§ 30. Тот, кто вступает в организацию, отрекается от личной жизни, индивидуальных материальных благ, служебной карьеры, персональных интересов. Нарушение этого принципа карается наказанием вплоть до смертной казни.

§ 31. Вступивший в организацию не может выйти из нее или подать в отставку.

§ 32. Каждый член организации оказывает ей финансовую поддержку. В случае необходимости организация может востребовать эти средства принудительно с санкции Верховной центральной управы или ее местных подразделений*.

§ 33. Приговор о смертной казни членов организации выносится Верховной центральной управой, если для этого имеются веские основания. Смертная казнь осуществляется любыми средствами.

§ 34. При вынесении решения о смертной казни Верховная центральная управа руководствуется единственно тем, что оно имеет серьезные основания независимо от средств, которые будут при этом использованы.

IV. Печать и клятва (организации)

§ 34. Организация имеет следующую печать: в ее середине — соединенные руки держат развевающееся знамя, на котором в качестве герба помещен череп с костями, перед знаменем — нож, бомба и отравы, сверху слева направо — надпись: "Объединение или смерть", внизу слова: "Верховная центральная управа".

§ 35. При вступлении в организацию дается клятва, которая гласит: «Я, н.н., вступая в организацию "Объединение или смерть", клянусь солнцем, которое мне светит, землей, которая меня кормит, Богом, кровью своего отца, честью и жизнью, что буду с

*Эти параграфы устава были изъяты полностью или частично цензурой Высшего военного суда в Салониках при публикации обвинительного заключения.

этого момента и вплоть до конца жизни верно служить задачам этой организации и всегда буду готов принести для нее себя в жертву. Клянусь перед Богом своей честью и жизнью, что унесу с собой в гроб все тайны организации. Пусть меня осудит Бог и мои друзья из этой организации, если я вольно или невольно не выполню или нарушу эту клятву.

V. Временные предписания

§ 36. Этот устав вступает в силу немедленно.

§ 37. Устав не может быть изменен.

(Подпись:) Члены Верховной центральной управы:

1) Илия Радивоевич, 2) Богдан Раденкович, 3) Чедомир Попович, 4) Велимир Вемич, 5) Любомир Йованович, 6) Драгутин Димитриевич, 7) Воин Танкосич, 8) Илия М. Йованович, 9) Милан Васич, 10) Миха Милованович.

Белград, 9 мая 1911

ПЕРЕСМОТР ПРИГОВОРА

**ВЕРХОВНОГО ВОЕННОГО СУДА В САЛОНИКАХ ОТ 6 ИЮНЯ 1917 г.
ВЕРХОВНЫМ СУДОМ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИИ
ОТ 16 ИЮНЯ 1953 г.**

После тщательного ознакомления с делом, возбужденным в 1917 г. военным судом для офицеров сербской армии первой инстанции и утвержденным Верховным военным судом в Салониках 6 июня того же года, Верховный суд Народной республики Сербии из-за отсутствия состава преступления пересмотрел упомянутый приговор, реабилитировав всех осужденных. В приговоре, вынесенном Верховным судом Народной республики Сербии, говорилось: "Верховный суд Народной республики Сербии считает потерявшим силу приговор военных судов в Салониках и освобождает от обвинения всех подсудимых. Он считает, что сам пересмотр этого дела, осуществленный через 36 лет после означенного приговора, отвечает принципам гуманности, соблюдения справедливости и подлинного правосудия".

1) В приговоре Верховного суда Народной республики Сербии были подробно рассмотрены главные обвинения военного суда в Салониках против членов организации "Объединение или смерть". Он, в частности, снял, как необоснованные, обвинения к этой организации в ее антиконституционном и заговорщическом против сербского правительства характере, сославшись на § 1 Устава организации "Объединение или смерть", из которого следовало, что она развертывала свою деятельность за пределами Сербии, а не внутри государства. "Можно считать недоказанным, — гласил приговор Верховного суда Народной республики Сербии, — что названная организация была создана с целью преднамеренного вмешательства во внутренние дела Сербии".

Касаясь вопроса о соблюдении организацией конституции, в упомянутом приговоре говорилось: "Таинственность и мистические положения, имевшиеся в уставе организации, были следствием влияния аналогичных обществ, созданных в период национального роман-

тизма XIX века", они не могут служить основанием для обвинения этой организации в антигосударственной деятельности.

2) Верховный суд Народной республики Сербии рассмотрел также вопрос об обвинении организации "Объединение или смерть" в попытке осуществить антигосударственный переворот и доказал необоснованность этого обвинения. В приговоре суда по этому поводу говорилось: "Не доказано, что организация или ее отдельный член занимался какой-либо антигосударственной деятельностью с целью захвата власти и совершения переворота".

В то же время при пересмотре приговора Военного суда в Салониках Верховным судом Народной республики Сербии было установлено, что в самом проведении судебного следствия по делу о заговорщической деятельности организации "Черная рука" были допущены нарушения уголовно-процессуального кодекса 1870 г., который действовал и в 1917 г. и что на судебное разбирательство правительством Сербии было оказано давление, повлекшее за собой необоснованное вынесение приговора. По этому поводу в приговоре Верховного суда Народной республики Сербии говорилось: "Вмешательство государственных органов во время следствия и в ходе судебного процесса, в том числе председателя правительства Н. Пашича, министра внутренних дел Л. Йовановича и регента Александра, с очевидным намерением придать обвинению определенное направление против подсудимых видно из ряда документов, которые были привлечены при рассмотрении этого дела (при повторном процессе)**".

*Цит. по: *Нешкович Б.* Истина о Солунском процесу. Београд, 1953. С. 344, 354.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Дневник МИД за 1915—1916 // Красный арх. 1923. № 4; 1928. № 6; 1929. № 1; 1932. № 5/6; 1933. № 3.
- Европейские державы и Греция в эпоху первой мировой войны. М., 1922.
- Зеленая книга. Пг., 1916.
- Јанковић Д., Храбак Б. Записници седница Министарског савета Србије, 1915—1918. Београд, 1976.
- Љубурчић А. Капитулација Црне Горе: Документи. Београд, 1938. Књ. 1—2.
- Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Сер. 3. 1914—1917. М.; Л., 1931—1938. Т. 1—10.
- Насильственное выселение жителей из оккупированных областей Сербии, Одесса, 1916.
- Поповић Н. Југословенски добровољци у Русији, 1914—1918: Зборник докумената. Београд, 1977.
- Операције црногорске војске у првом светском рату. Београд, 1956.
- Русская парламентская делегация за границей в 1916 г. // Доклад П.Н. Мялюкова о военно-морской комиссии Государственной думы 19 июня 1916 // Красный арх. 1933. № 3.
- Семенович В.П. Монархия перед крушением (1914—1917): Из бумаг Николая II. М.; Л., 1927.
- Сербия под врагом: Официальные документы и нота сербского правительства. Одесса, 1917.
- Стенографске белешке Народне скупштине Србије, 1906—1918. Београд, 1918.
- L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre Mondiale: Documents. P., 1960—1964. Vol. 1—4.
- Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates Österreich-Ungarischen Monarchie (1914—1918). Budapest. 1966.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Архив Академије наука и уметности Србије. Ф.Н. Пашић; К. Стојановић и др.
- Архив Босне и Херцеговине. Ф. ПБиХ (Präsidial Bosne i Herzegovine).
- Архив Војно-историјског института југословенске народне армије. Ф. Генерални штаб; Сербское Верховное командование.
- Архив внешней политики Российской империи.
- Фонды: Политический архив (ПА); Канцелярия 1916; Особый политический архив.
- Архив Института за пољопривреду и међународну политику. Ф. Организација "Уједињење или смрт" ("Черная рука").
- Архив Института историји у Београду. Ф. "Црна рука". Рукописна оставштина.
- Архив Историјског института Црне Горе. Титоград. Ф. 170. Протокол рада краљевске црногорске владе, од 29.II.1915 до 19.II.1916.
- Архив Југославије. Београд. Ф. Јован Јовановић; Краљевски двор; Српско посланство у Лондону; Српско посланство у Паризу; Српско посланство у Петрограду; Преписка председника Министарског савета
- Архив Југословенске академије знаности и уметности в Загребе. Ф. Омладински покрет.
- Архив краљевског двора на Цетиње. Ф. Преписка краља Николе I.

Архив отдела рукописей русской публичной библиотеки в Белграде. Ф. "Русский архив".

Архив Србии. Ф. Посланство у Лондону; Посланство у Петрограду; Мирослав Спалајковић.

Венгерский военно-исторический архив. Ф. Война 1914—1918 гг.

Венгерский государственный архив. (Magyar Országos Levéltár). Ф. Совет министров; Министерstwo внутренних дел; Министерstwo по делам Хорватии.

Государственный архив Австрии (Haus-Hof und Staatsarchiv in Wien). Министерstwo иностранных дел; Политический архив.

Државни архив Државног секретариата иностраних послова Југославије. Политичко одељење. Ф. Савет министара; Српско посланство у Петрограду; Преписка Н. Папића; Српско посланство у Лондону; Строго поверљива архива; Југословенски одсек и др.

Државни архив Црне Горе. Ф. Министерstwo иностраних послова; Министерstwo финансија.

Ленинградский областной государственный исторический архив. Ф. Санкт-Петербургское славянское Благотворительное общество.

Центральный государственный архив Военно-Морского флота. Ф. Главный морской штаб.

Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. Главное управление Генерального штаба (рапорты военного агента России в Сербии полковника В.А. Артамонова).

Центральный государственный исторический архив. Ф. Совет министров; Министерstwo торговли и промышленности; Общая канцелярия министерства финансов; Российская палата по внешней торговле; Главное управление по делам печати; Комитет по делам печати иностранной; Петербургское телеграфное агентство; Министерstwo земледелия и землепользования.

ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА

Алексеев М.В. Из дневника // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1.

Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М., 1925.

Богдановић С. Како је Црна Гора заведена за Голеш планину. Нју Јорк. 1917.

Боп О. Са српском владом од Ниша до Крфа. Женева, 1918.

Булов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935.

Вильгельм П. Мемуары. События и люди, 1878—1918. М.; Л., 1923.

Војвода Вуковић Гавро: Из дипломатских односа с Аустријом. Цетиње. 1929.

Вулетић С. Демисија црногорске владе у децембру 1915 // Записи. Цетиње, 1936. Књ. XV, св. 4.

Живковић М. Пад Црне Горе: Прилог српске историје за време од 23 септембра 1915 до 9 јанвара 1916. Београд, 1923.

Жофр Ж. Ратни мемоари. Београд, 1956.

Извольский А.П. Воспоминания. Пг., 1924.

Јовановић Ј. Стеван Тиса и Србија, 1914—1916: Одговорност Мађарске за рат. Сремски Карловци. 1931.

Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1—2.

Калафатовић Д. Организација командовања на Солунском фронту // Ратник. Београд, 1938. Св. 9.

Ланчевић Д. Окупација. Београд, 1985.

Лемке М. 250 дней в царской ставке (25.IV.1915—21.V.1916). Пг., 1920.

Млујд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934—1938. Т. 1—6.

Луи Ж. Записки посла. М., 1925.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне, 1914—1918. М., 1924. Т. 1—2.

Максимовић С. Прва српска добровољачка дивизија Споменница. Београд, 1926.

Максимовић С. Успомене из окупације немачке, аустријске и бугарске, 1914—1918. Београд, 1919.

Милуков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1—2.

Мишић Ж. Моје успомене. Београд, 1985.

Мондезир П. Албанска Голгота: Успомене и ратни слике. Београд, 1937.

Никола Пашић. 10.XII.1926—10.XII.1933: Поводом десетого — дишњице. Београд, 1937.

Никола I. Мемоари. Цетиње, 1929.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1923.

Поповић Д. Дипломати у Петрограду // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1935.

Пуанкаре Р. На службе Франции. М., 1936. Т. 1—2.

Радовић Н. Црна Гора на савезничкој Голготи. Пећ, 1935.

Рейсс Р. Как австро-венгры вели войну в Сербии: Расследования, произведенные на местах подданными нейтральных держав. Лозанна, 1916.

Розен Р., барон. Европейская политика России. Пг., 1917.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927.

Сфорцо Карло. Никола Пашић и уједињење југословена: Ратни и дипломатски успомене. Београд, 1937.

Спалајковић М. Драма Русије. Београд, 1919.

Спалајковић М. Господин Пашић // Политика. 1926. № 6533—6535.

Споменица војводе Степе Степановића. Београд, 1930.

Споменица Николе П. Пашића, 1845—1925. Београд, 1925.

Тошковић Ј. Истина о капитулације Црне Горе. Цетиње, 1952.

Трубецкој Г.Н. Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983.

Шкероваћ Н. Црна Гора за вријеме првог светског рата. Титоград, 1963.

Чернин С. В дни мировой войны: Воспоминания. М., 1923.

Andrąsy J. Diplomatie und Weltkrieg. В., 1920.

Artamonov V.A. Erinnerungen an meine Militärattaschezeit in Belgrad // ВМ. 1939. N 7/8.

Bettman Holweg Th. Betrachtungen zum Weltkriege. В., 1919. Bd. 1.

Burian I. Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. В., 1923.

Czilassy I. Der Untergang der Donau-Monarchie. Diplomatische Erinnerungen. В., 1921.

General Sarrail. Mon Comendment en Orient (1914). P., 1920.

Grey of Fallodon. Twenty life years, 1892—1916. L., 1923. Vol. 1—2.

Gurko V. Russland 1914—1917: Erinnerungen an Krieg und Revolution. В., 1921.

Hubka G. von. Kritische Tage in Montenegro // ВМ. 1931. N 1.

Falkenhain E. Der Feldzug der 9 Armee gegen die Rumunien und Russien, 1916—1917. В., 1921. Bd. 1—2.

Lützow H. Im diplomatischen Dienst der K. und K. Monarchie. München, 1971.

Margutti A. Kaiser Franz Joseph: Persönliche Erinnerungen. Wien; Leipzig, 1924.

Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs, 1908—1919: Das Politische Tagebuch. Graz; Köln, 1953—1954. Bd. 1—2.

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Documente. Göttingen, 1972.

Tisza S. Briefe (1914—1918). В., 1928. Bd. 1.

ПРЕССА И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Глас Црногорца. Цетиње, 1915—1916.

Записи. Цетиње, 1936—1940.

Слободна мисао. Београд, 1936—1938.

Српске новине. Београд, Ниш, Корфу, 1916.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамовски Ж. Ратни циљеви Бугарске и Централни силе 1914—1918. Београд, 1985.

Адамов Е. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922.

Алимпиић М. Солунски фронт. Београд, 1967.

Валентинов А. Отношения с союзниками по военным вопросам во время первой мировой войны. 1914—1918. Ч. 1. М., 1920.

Васюков В.С. Внешняя политика России накануне февральской революции. 1916—февраль 1917. М., 1989.

Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.

Владимиров Л. Война и Балканы. Пг., 1918.

- Влахов Т.* България и централните сили в не вечернето на првата световна война // Известия на институтот за историја. С., 1951. Т. 1—2.
- Вукичевиќ М.* Королј Петр I и Србија. Пг., 1915.
- Вучковиќ В.* Унутрашња криза Србије и први светски рат // ИЧ. 1966. Т. 14—15.
- Готлиб В.* Тайна дипломатија во време првој световној војни. М., 1960.
- Гуч П.* Историја современиј Европи. М., 1925. Т. 1: (Делјаксе, Булов, Извольскиј, Эрентал); М., 1925. Т. 2: (Греј, Пуанкаре, Сазонов, Берхтолд).
- Даваид Р.* О политичко-војним грешкама на Солунском фронту // Време. 1935. 15.III.
- Дедијер В.* Сарајево, 1914. Београд, 1966.
- Димитријевиќ М.* Како је створен Солунски фронт // Време. 1926. 23.III.
- Дургејм Э.* Кто хотел войны?: Очерк дипломатических переговоров, предшествовавших войне. Пг., 1915.
- Живановиќ М.* О евакуацији српске војске из Албаније и њена реорганизација на Крфу, 1915—1916 // ИЧ. Београд, 1965. Књ. 14—15.
- Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973.
- Емец В.А.* Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977.
- Емец В.А.* Позиција Русије и ее союзницих во впресе о помоци Србији во 1915 г. // ИЗ. 1965. Т. 77.
- Емец В.А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916) // ИЗ. 1956. Т. 56.
- Зайончковскиј А.М.* Мироваја војна, 1914—1918 гг. М., 1938.
- Заленика М.* Рат Србије и Црне Горе, 1915. Београд, 1954.
- Југословенски добровољачки корпус. Београд, 1954.
- Јанковиќ Д.* Народна скупштина Србије за време првог светског рата и питање њеног кворума // Анали правног факултета у Београду. 1966. № 3—4.
- Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972.
- Корсун Н.Г.* Балкански фронт првој световној војни. М., 1939.
- Лихарева М.А.* Секретна дипломатија во епоху световној војни // Анали. Пг., 1923. Т. 3.
- Марковиќ Л.* Никола Пашиќ као дипломат: Из велике епохе, 1903—1918. Суботица, 1929.
- Митровиќ А.* Споразум Централних сила о подели балканских и ближнеисточних сировина. Уговор од 8 јануара 1916 // Балканска 1982—1983. Београд, 1984. Т. 13—14.
- Митровиќ А.* Стварање немачке окупационе зоне и аустро-угарске управе у Србији (1915—1916) // ИГ. 1957. № 3/4.
- Недић М.* Српско војско на албанској Голготи. Београд, 1937.
- Николајевиќ М.* Србија и њени савезници. Београд, 1923.
- Нотовић Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947. Т. 1.
- Нотовић Ф.О.* Разгром Србији во 1915 г. и "помощь союзников" // Красный арх. 1933. Т. V/IV (65/66).
- Опачић Л.* Дипломатска борба на Балкану крајем 1915 // ВиГ. 1974. № 2.
- Опачић Л.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984.
- Петровић М.* Узроци пропасти Краљевине Србије у 1915. Ниш, 1922.
- Пешић П.* Солунски фронт: Војно-политичка акција. Београд, 1924.
- Писарева Ј.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1981.
- Писарева Ј.А.* Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914—1915. М., 1990.
- Писарева Ј.А.* Оккупација Србији Аустро-Венгрии и борба српског народа за своје ослобођење во 1916—1918 // СС. 1965. № 4.
- Поповић Н.* Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1978.
- Радовић А.* Црна Гора у европском рату // Слободна мисао. 1936. № 1—5, 14—18, 24—28, 32, 33, 35, 40.
- Ракочевић Н.* Неки подаци о стању српској војсци у Црној Гори крајем 1915 // Иззп. 1973. № 1/2.
- Ракочевић Н.* Црна Гора у првом светском рату, 1914—1918. Цетиње, 1969.
- Реновин П.* Европска криза и први светски рат. Загреб, 1965.
- Ростунов И.И.* Русский фронт в первой мировой войне. М., 1976.

- Скоко С. Војвода Радомир Путник. Београд, 1955.
- Тодоровић Д. Преговори између Грчке и савезничке владе у вези транспортовања српске војске према грчке територије са Крфа у Солун // ИГ. 1966. № 3.
- Трновит пут Србије 1914—1918. Београд, 1974.
- Храбак Б. Југословенско питање на седницама аустро-угарског заједничког министарства, 1914—1918 // ИЗ. 1969. Св. 4.
- Храбак Б. Сепаратни мир Србије у политичкој стратегији Централних сила (1914—1915) // Зборник филозофског факултета у Приштини. 1969. № 6а.
- Храбак Б. Русија и спасавање Србије у јесен 1915 године // ИГ. 1976. № 24.
- Храбак Б., Ђамбазовски К. Српски социјал-демократи на Солунском фронту и на Крфу 1916 до 1918 године // ИГ. 1961. № 1/4.
- Ђаковић М. О паду црногорске државе и њење династије // Нова Европа. 1926.
- Ђосић Д. Време смрти. Београд, 1970. Кн. 1—2.
- Аврамовски З. Финансирање Radoslavova и njegove странке од стране Nemačke за vrijeme prvog svetskog rata // Историја XX века. Београд, 1972. V. XXII.
- Богдановић Д. Повлачење српске војске на приморју и оснивање intendantske базе у Драчу и Skadaru. Zagreb, 1927.
- Der Weltkrieg 1914—1918. B., 1931—1942. Bd. VII—IX.
- Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962.
- Fischer F. Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.
- Hanak P. Ungarn in Donaumonarchie. Wien, 1984.
- Hoyos A. Graf. Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluß auf die Balkanpolitik Österreich-Ungarn. B., 1922.
- Храбак В. Борба између црногорског двора и српске владе око образовања црногорске војске и одобровољјаца, 1913—1918 године // Историја XX века. Београд, 1964. Књ. VI.
- Храбак В. Nemački покушaj са стварањем средњејуропског Saveza, 1915—1916 // Zb. Filozofskog fakulteta у Приштини. 1969. N 6а.
- Kirch P. Krieg und Verwaltung in Serbien und Mazedonien. 1916—1918. Stuttgart, 1928.
- Kerchnawe H. Die Militärverwaltung in der Österreichisch-Ungarischen Truppen besetzte Serbien. Wien, 1928.
- La grande guerre dans les Balkans. P., 1929.
- Linke H. Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg: Diplomatie und Kriesziele, 1914—1917. München, 1982.
- Mitrovic A. Prodor на Balkan и Srbija, 1908—1918. Београд, 1981.
- Österreich-Ungarn letzter Krieg 1914—1918. Wien, 1930—1933. Bd. 1—4.
- Plaschka H. Aus den Halt-Akten der Sarajevo-Attentäter // Balkanika. 1977. N 9.
- Possony S. Zur Bewältigung der Kriegsschuldfrage: Völkerrecht und Strategie bei der Auflösung zweier Weltkriege. Köln, 1988.
- Potts Y. The Loss of Bulgaria Russian diplomacy and Easter Europe. 1914—1917. N.Y., 1963.
- Rieber A. Russian diplomacy and Rumania: Russian diplomacy and Eastern Europe, 1914—1917. N.Y., 1963.
- Šepić D. Italia, saveznici и jugoslavensko potanje. Zagreb, 1970.
- Stanković Ђ. N. Pašić, saveznici и stvaranje Jugoslavije. Београд, 1982.
- Вуčković V. Дипломатска позадина уједињење Crne Gore са Србијом // Jugoslovenska revija за međunarodno pravo. Београд, 1959. N 2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авакумович Й. 86, 88
Аврамовски Ж. 12, 77, 194, 196
Адамов Е.А. 194
Алачевич М. 165, 176
Александр Карагеоргиевич 16—18, 23, 35, 38, 40, 50, 53, 57, 93, 99—102, 107—110, 112, 131—134, 137—147, 180, 191
Алексеев М.В. 39, 96, 115, 117, 118, 120, 124, 125, 127—130, 162, 193
Алимпич М. 194
Альберт 51
Альбертини Л. 12
Андраши Д. 68, 76, 172, 194
Анич Ж. 6
Апшонь А. 68
Артамонов В.А. 20, 21, 102, 117, 132, 136, 141, 193, 194
Асквит Г. 55, 58, 98—138
Арц А. 157
- Базили Н.А. 107, 116, 119, 124, 129, 130
Байрон 185
Баркли Д. 120, 122
Белич Е. 41, 43
Белов 135
Беляев М.А. 65
Бенедикт Г. 158, 160
Бенкендорф А.К. 95, 104, 160
Бернедорф 25
Бетман-Гольвег Т. 12, 72, 76, 157, 193, 194
Бибяков М.М. 112, 114
Бисмарк О. 110
Битевски К. 81, 84
Богданович Д. 196
Богданович С. 28, 39, 43, 193
Богоявленский С. 125, 129
Бойович П. 38, 100, 134, 135, 142
Бонар Лоу Э. 98
Бошп О. 11, 13, 34, 42, 43, 46, 60, 65, 193
Борис, принц 128
Бошковиц М. 144
Бриан А. 59, 93, 94, 98, 104, 111, 120, 123
Брусилов А.А. 115, 117, 118, 125, 148
Брэттиану И. 121, 122, 126
Бурбоны, династия 45
Буриан И. 12, 25, 69, 70, 72, 74, 81, 82, 158, 194
- Бьюкенен Д. 64, 123, 129
Бьянкини И. 184
Бюлов Б. 193
- Валентинов А. 194
Васильев Ф.И. 130
Васильевич Д. 184
Васич М. 100, 133
Васич Милан 190
Васюков В.С. 2, 12, 160, 104
Вебер В. 82, 89
Ведель Ботто фон 157
Велькович В. 86
Вемич В. 190
Венизелос Э. 97, 101
Вера, княжна 103, 105
Веселкин М.М. 63, 66, 91
Веснич М. 50, 57, 93, 109
Вешович Р. 30, 32, 35
Виктор Эммануил III, 51, 109, 110
Вильгельм II Гогенполлерн 50, 67, 72, 73, 156, 193
Виноградов В.Н. 12, 130, 194
Виттман 78
Владимиров Л. 194
Влахов Т. 195
Войнович К. 91
Войнович Л. 165, 168, 176
Волков Е. 129, 130
Вольф К.Г. 69
Вукичевич М. 195
Вукович Г. 56, 193
Вукович Л. 26
Вукотич Я. 9, 24, 28, 31, 32
Вулетич С. 33, 193
Вулович Л. 141
Вучкович В. 13, 32, 142, 195, 196
Вюртле Ф. 24
Вяземский Н.А. 66
- Габсбурги, династия 25, 67, 68, 78, 81, 82, 96, 154, 157, 163, 186
Гагарин С. 149
Газзари Ю. 184
Галантай Й. 12
Гартвиг Н.Г. 138
Геннадиев Н. 124

- Гешов И. 125
 Гинденбург П. 12, 72, 156, 157
 Гирс А.А. 147, 167, 168
 Гирс М.Н. 40, 64, 94, 105, 106, 111, 113, 114, 123, 129, 148, 164, 165
 Гладстон В. 185
 Говард 158
 Гогенцоллерн 105
 Гойос А. 196
 Горовиц Н. 153
 Готлиб В. 195
 Грей Э. 55, 94, 98, 123, 125, 129, 194
 Греков Б.И. 65
 Григорович И.К. 117
 Гросети 131
 Грошич 172
 Груич С. 19
 Гршкович Н. 184
 Гурко В.И. 117, 118, 146, 148, 194
 Гуч П. 195

 Давид Р. 195
 Данила, принц 23, 81, 82, 103, 108, 113, 143
 Данилов Ю.Н. 117
 Де Гра Ч. 20, 21, 46, 60
 Дедьер В. 12, 195
 Дейта Ф. 36, 42
 Демидов Е.П. 52, 57, 65, 99, 100, 102
 Дерок Й. 92
 Джамбазовский К. 142
 Джорджевич Д. 12, 77
 Джулли И. де 184
 Джурич В. 43
 Димитриевич Д. 91
 Димитриевич Драгутин Апис 139—142, 190
 Димитриевич М. 195
 Димитриевич С. 92
 Дитерикс М.К. 132
 Добровольский С.К. 117
 Довнар-Запольский М.А. 65
 Драшусов Н.Е. 63—66
 Дрейлинг Г. 141

 Едловский Й. 165, 184
 Елена Николаевна 51, 103, 110, 116
 Елена Петровна 64
 Емельянов Н.А. 20
 Емец В.А. 195

 Жанен М. 125—128, 130
 Жеков 73
 Живанович М. 8, 11, 13, 101
 Живкович Милош 9, 12, 13, 22, 29, 30, 32, 33, 193
 Живоинич Д. 11, 102
 Жилинский Я.Г. 96, 107, 117
 Жоффер Ж. 44, 48, 59, 61, 93—95, 98, 99, 120, 125, 128, 130, 137, 142, 193
 Жуевич Й. 50
 Жупанич Н. 184

 Зайончковский А.М. 128, 130, 195
 Зеленика М. 32, 42, 43, 199
 Зингер Л. 160
 Змай Йован Йованович 80
 Зорка 110

 Игнатъев А.А. 193
 Извольский А.П. 12, 61, 69, 102, 104, 105, 108, 119, 123, 129, 149, 193
 Илич В. 91, 141
 Иславин Л.В. 61, 65, 106—108, 111—114
 Исламов Т.М. 2, 12, 195

 Йованович Д. 92
 Йованович Илия 190
 Йованович Йован 20, 21, 51, 56, 100, 113, 121, 123, 125, 129, 138, 149, 192, 193
 Йованович Люба 49, 191
 Йованович Любомир 190
 Йовков Иван 22

 Калафатович Д. 193
 Каль В.Ф. 102, 109
 Камбон Ж. 104, 105, 107
 Капиджич Х. 84
 Карагеоргиевичи, династия 110, 163
 Карл I Габсбург 156—158
 Карлотти А. 111
 Карминатти Н. 25
 Каройи М. 68, 153, 154
 Карп П. 126
 Карсон Эдвард 98, 144
 Каплерович Т. 86, 92, 97
 Кватерник С. 78
 Кербер Э. 68, 70
 Керхнаве Х. 12, 78, 196
 Кинг Д. 148, 149
 Кирилл, принц 128
 Кирков Г. 81
 Кирх П. 73, 77, 196
 Китгенер Г. 59, 96, 98, 144
 Клам-Мартиниц Г. 82
 Клофач В. 166
 Кобурги, династия 22
 Ковалевский В.И. 64, 147, 149
 Кеваш фон Кевешази Г. 23, 75
 Конрад фон Гётцендорф Ф. 10, 12, 15, 68—71, 74—76, 82, 83, 104, 157
 Константин I 94, 97, 99
 Корсун Н.Г. 22, 65, 195
 Кочич Д. 129
 Кошут Л. 171
 Краснов Н.П. 92
 Кризман Б. 11
 Кробатин А. 68, 70, 104
 Кромер 144
 Крстанович С. 142
 Крупенский А.Н. 165
 Ксения 27, 103, 105
 Кутинелли 35, 46

- Лазаревич М. 22
 Лансинг Г. 104
 Лапчевич Д. 86, 92, 193
 Лекчевич Д. 165, 169, 176
 Лекме М. 193
 Ленин В.И. 87
 Леонтич А. 165, 176
 Лешьянки 137
 Лихарев М. 195
 Ллойд Джордж Д. 58, 59, 65, 98, 144, 158, 159, 193
 Лодыженский И.Н. 149
 Лонткиевич Б. 39, 147
 Лоркович В. 166
 Лукомский А.С. 148, 149
 Луи Ж. 193
 Луэгер Г. 69
 Любурич А. 9, 13, 33, 113, 192
 Людендорф Э. 72, 151, 152, 156, 159, 193
 Лютцов Х. 194
- Майер 98**
 Майореску Т. 126
 Макензен А. 72, 73, 93, 161
 Максимович С. 193
 Малин Л. 169
 Малобабич Р. 141
 Манлик В. 92
 Маргиломан 126
 Мартутти А. 159, 162, 194
 Маринкович П. 57, 63
 Мария-Терезия 67, 48
 Марков Н.Е. (Марков 2-й) 158
 Маркович Л. 190
 Маркс, ген. 91
 Мартинович М. 29, 51, 56
 Марьянович М. 184
 Масарик Т. 166
 Меклинг И. 160
 Мельгунов С.П. 65, 129
 Мештрович М. 92, 184
 Микуш Г. 92
 Миленкович Т. 92
 Милена, царица 26, 27, 103, 105
 Миликич Д. 92
 Милованович М. 190
 Милосавлевич В. 13, 56
 Мильн 131
 Милюков П.Н. 125, 149, 192, 193
 Мирко, князь 27, 31, 32, 82, 103, 108, 112
 Михайл, князь 82, 108, 113
 Митрович А. 11, 12, 76, 77, 84, 92, 195, 196
 Мишич Ж. 19, 137, 138
 Мичич М. 184
 Миошкович Л. 27, 28, 30, 82, 103, 104, 107
 Мондезир П. 8, 12, 13, 24, 32, 56, 59, 65, 93, 193
 Мусулин А. 158
- Наполеон I Бонапарт 67, 68
 Недев Н. 22, 141
 Недич М. 195
 Некрасов А.Н. 65
 Некрасов В.Н. 65
 Ненюков Д.В. 91, 92
 Нератов А.А. 102, 113, 114, 126, 130, 149
 Нешкович Б. 191
 Николевич М. 65, 190
 Николай II 33, 40, 54, 101, 102, 103—110, 112, 114, 116, 118, 119, 129, 149, 158, 192 143, 151, 193
 Николай II 33, 40, 54, 101—110, 112, 114, 116, 118, 119, 129, 149, 158, 192
 Николай Николаевич, вел. кн. 117, 169
 Никольсон А. 98
 Нинчич М. 7
 Нотович Ф.И. 12, 13, 195
 Нушич Б. 8, 50
- Обнорский Н.А.** 6, 18, 22, 30
 Опачич П. 102, 149, 195
 Остоич-Фелич Й. 57
 Отто Э. 12, 81, 82, 89
- Павлович л.** 8, 13, 22, 32
 Палацкий Ф. 166
 Палеолог М. 194
 Пашич Н. 5, 6, 8, 9, 15, 20, 35, 37, 39, 41, 44—46, 49—57, 60, 86, 93, 99, 109, 117, 120—123, 130, 137—139, 141, 143—148, 151, 168, 183, 191—194
 Пелехин Б.П. 46, 102, 129, 143, 145, 149
 Перович М. 92
 Петр I Карагеоргиевич 15, 18, 24, 45, 64, 107, 110, 147, 180
 Петр II Петрович Негош 90, 92
 Петр, князь 27, 31, 103
 Петровичи, династия 81, 110
 Петрович Божин 32, 34
 Петрович М. 195
 Петряев А.М. 116, 129, 147, 165—167
 Печанац К. 90
 Пешич П. 10, 13, 18, 22, 23, 29, 37, 43, 141, 195
 Пильц М.Н. 158
 Писарев Ю.А. 1, 2, 12, 43, 83, 84, 102, 142, 148, 180, 184, 195
 Питт В. 185
 Пламенац Н. 27, 28
 Плапка Р. 196
 Поклевский-Козелл С.А. 122, 126—128
 Покровский Н.Н. 146, 147
 Попов Р. 78
 Попович В. 133
 Попович Душан 8, 96
 Попович Дм. 194
 Попович Николо 11, 57, 149, 192, 195
 Попович Р. 30

- Попович Чедо 190
 Поссош С. 196
 Поточник Ф. 184
 Потто Й. 196
 Прелог М. 84
 Прибичевич С. 142
 Пуанкаре Р. 29, 33, 43, 51, 58, 194
 Пупин М. 184
 Путник Р. 17, 140
- Раденич А. 11
 Раденович Б. 190
 Радивоевич И. 190
 Радичевич Б. 80
 Радович А. 24, 32, 103, 107, 108, 110, 113, 194, 195
 Радосавович Й. 113
 Радославов В. 73—76
 Радулович М. 30, 32, 81, 82, 89
 Райс А. 134, 141, 142, 194
 Ракочевич Н. 10, 11, 13, 32, 33, 84, 92, 114, 195
 Рачки М. 176
 Редлих Й. 12, 194
 Рейн Г.Е. 160
 Релич Й. 13, 56
 Ремен А. 79, 88
 Реновен П. 12, 130, 195
 Рнебер А. 196
 Рнецлер К. 12, 194
 Ристич М. 123, 149
 Робертсон В. 96, 98, 102, 144, 149
 Розен Р. 194
 Романова А.Ф. (принцесса Аликс Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштатская) 58, 59
 Романов И.К. 64
 Росиде М. 90
 Ростунов И.И. 195
- Саблина К.И. 65
 Савинский А.А. 116, 117, 129, 130
 Савойский Евг. 157
 Сазонов С.Д. 12, 25, 36, 39, 40, 43, 52, 54, 57, 60, 61, 64—66, 99, 101, 102, 106, 113, 114, 121, 122, 124, 164, 168
 Салис-Севис И. 79, 86—88
 Сальвиати А.Г. 166, 168
 Саррайль М. 48, 96, 97, 99, 109, 128, 131—135, 137, 141, 142, 161, 194
 Сечени Л. 88
 Семеников В.П. 192
 Сент Олер Ш. 122
 Сетон-Уотсон Р.В. 59
 Сисмонди Ф. 60
 Скоко С. 141, 147, 196
 Скулудис С. 14, 94, 99
 Соколовская О.В. 12, 43, 102
- Соннино С. 25, 40, 48, 94, 104, 110, 123, 126, 143, 148
 Спалайкович М. 53, 55, 57, 66, 122—124, 129, 130, 139, 145, 146, 193, 194
 Спасич К. 43
 Срб А. 90, 91
 Станев В. 81
 Станкович Д. 196
 Станевич Н. 43
 Станоевич С. 121
 Стеванович В. 142
 Степанович С. 100, 194
 Стефанович Д. 50
 Стефанович Душан 94, 102
 Стоянович Е. 42
 Стоянович К. 8, 194
 Стоянович Нико 180
 Стоянчевич В. 56
 Супило Ф. 166, 184
 Сухотин А.М. 61
 Сфорцо К. 194
 Сциласи И. 194
 Сичев Н.И. 18, 22, 65
- Танкочич В. 91, 160
 Тарновский А. 32, 73
 Татаринов 92
 Терзич Б. 141, 140, 149
 Терзич В. 37, 139
 Тарталья М. 176
 Тиса И. 60, 68, 70—73, 78, 88, 104, 155, 194
 Тодорович 196
 Томашич 176
 Тошкович Я. 29, 33
 Тошкович Я. 29, 33
 Требиняц М. 18
 Тргочевич Л. 56, 129
 Тречов А.Ф. 66, 149
 Трифунович М. 7
 Трубецкой Г.Н. 11, 13, 19—23, 27, 33—38, 42, 48, 56, 60, 65, 93, 101, 102, 118, 129, 138, 145, 146, 161, 162, 194
 Трубендж Э. 37, 38
 Трумбич А. 9, 52, 53, 143, 151, 183—186
- Урошевич С. 50
 Устубрович П. 176
- Фалькенгайн Э. 12, 15, 74, 76, 77, 150, 151, 156, 194
 Фашиэггги К. 122, 126
 Фелльнер Ф. 12
 Фердинанд I Гогенцоллерн-Зигмаринген 126
 Фестер Р. 160
 Филипович Ф. 96
 Фишер Ф. 12, 65, 159, 162, 196
 Форгач И. 158

- Франц Иосиф I Габсбург 30, 31, 67, 68,
76, 76, 90, 154, 156, 157
Франц Фердинанд Габсбург фон Эстер-
рейх-Эсте 70
Френч, ген. 96
Фридрих Габсбург 157
Фридьонг Г. 69
Фурнье П. 46, 93
- Хаджич С. 128
Хайдукович Н. 9, 109, 113
Ханак П. 196
Хауч Х. 158, 160
Хаппель 130
Хинкович Х. 184
Храбак Б. 11, 12, 27, 55, 102, 113, 129, 142,
192, 196
Хубка Г. 12, 82, 194
- Цвийич Й. 8, 49
Цезарь Гай Юлий 68
Цемович М. 39
Циммерман А. 72, 156—157
- Чабров Я.И. 28, 65, 133, 141
Чайковский П.И. 47
Черяна В. 169, 176
Чернин О. 12, 158, 194
Чернов С. 47, 56
Четкович Й. 33
Чолак-Антич, посл. 19
Чосич Д. 196
- Шайкович М. 43, 62, 64, 66
Шепич Д. 196
Шиллинг М.Ф. 164
Шишич Ф. 57, 180—186
Шкерович Н. 32, 194
Шпанич М. 83
Штахер В. 176
Штраус И. 157
Штюрк К. 68, 70, 104, 111—114
Штюрмер Б.В. 108, 116, 118—119, 120, 123,
124, 126, 129, 143, 146, 149, 160
- Щеглов А.Н. 127, 130
- Эванс Н. 59
Эйкен Р. 156
Экмечич М. 145, 149
Экхардт А. 83
Эрве Г. 155, 156
Эллиот Ф. 97
- Юришич-Штурм П. 100, 133, 147
Юта (Милица) 104, 105
- Ягов фон Г. 12, 15, 25, 72, 74, 77, 156
Якимович А. 66
Янкович Б. 24
Янкович Д. 11, 12, 129, 192, 195
Янкович 47

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Алжир 42, 49, 50
Альпийский фронт 91, 61
Андриевица 18, 24
Ассинарские острова 42
Ашах 56
Аяччо (Корсика) ?
- Базарджик 128
Бакар 171
Банат (Западный Банат) 120, 121—124
Баница 132
Бар (Ангивари) 35, 61
Бари 59
Бачка 121
Бекеш 122
Белград 14, 52, 78, 86, 88
Беране 23
Берн 112
Бизерта 40, 42, 44, 100
Битоль (Монастырь), Железная дорога
Битоль—Салоники, 14, 48, 80, 95, 100,
134, 135
Бока Которская (Котарро, Котор) 103,
111, 165, 168, 175
Брегальникский округ 80
Бриндизи 24, 35, 45
Будапешт 10, 156
Буковац 80
Бумбарево Брдо 90
Бухарест 96, 126, 128, 151
- Валахия 152
Валево (Вальево) 96
Валона (Влера) 36, 38, 39, 45, 131
Вардар, р. 131, 137
Велес (Веле) 72, 80
Вегия 137
Верден 44, 51
Ветерник 131
Ветеркоп 137
Видо о-в 42, 50
Витебск 62
Воден 49, 137
- Воеводина 178
Вранье 80
- Гаага 79
Галиция (Восточная Галиция) 166
Горнигевич 134
Горица 169
Градишка 169, 173
Груя 63
Гутанин 80
- Далмация 67, 118, 164, 165
Джаковица 24, 75
Добро поле 131
Добруджа 91, 128, 152, 162
Дойранское озеро 48
Донбасс 67
Драгушица 90
Дубровник (Рагуза) 25, 98, 179
Дульцино 61
Дунай, р. 63 и др.
Дуррес (Дураццо, Драч) 35, 38, 39, 41, 45
- Египет 93
Енидже 37, 49, 137
- Женева 11, 13
- Загреб (Аграм) 52, 175, 186
Закарпатье 166
Западная Морава (Поморавлье) 74
- Иваново-Вознесенск 62
Истрия (Истра) 165, 167, 172
- Кавала 133
Кавказ 67, 96
Каймакчалак 131, 132, 134, 135
Каринтия 169, 174
Качаоник 74, 76
Крайна 174
Кембридж 50

* В указателе встречаются только редко упоминаемые наименования.

- Кизерта 45
 Кипр о-в 48
 Киржач 62
 Китай 145
 Кишинев 64
 Кладово 63
 Кожура 131
 Корсика о-в 49, 59, 94
 Косово поле 5, 16, 73, 74, 80
 Корфу (о-в, г.) 7, 11, 38, 41—48, 56, 60, 79, 86, 91, 93, 98, 100, 109, 145, 146
 Корче 49
 Крагуевац 14, 73, 87, 90
 Кралево (Кральево) 14, 86
 Крива Паланка (Паланка) 96
 Крушевац 27, 31, 90
 Крым 67
 Куманово 80
- Лежа (Леш) 41, 59
 Лариса 99
 Липарские о-ва 42
 Ловчен 27, 90 и др.
 Лондон 50, 51, 53, 145
 Лутрия 49
 Люблиана (Лайбах) 174
- Мальта о-в 61
 Марица, р. 67
 Марица 100
 Метохия 16, 74
 Микрия 49
 Мойковац 23
 Морава, р. 78, 90
 Моцтра 112
 Мура, р. 174
- Неаполь 45
 Нейи 106, 111
 Никшич 31
 Ниш 80, 95, 115, 161
 Ницца 46, 49, 140
- Огулки 171
 Одесса 50, 54, 56, 64, 91
 Оксфорд 50
 Орошазе 122
 Острово, Островисе 49, 133, 137, 141
 Охридское озеро, Охрид, Охридский округ 49, 80
- Перин 49
 Персия, Персидский залив 61, 96
 Петроград 53, 54, 56, 62, 64, 107, 139, 164
 Подгорница 18, 27, 32
 Пола (Пула) 168
 Пресбург (Братислава) 154, 169, 175
 Призрен 14, 20, 74, 75, 80, 90
- Прилеп 80
 Приштина, Приштинский округ 74, 75, 80
 Прованс 45
 Прокупље 80
 Прнявор 90
- Рашка 14, 17
 Риска (Ридме Виция) 169, 171, 172, 173
 Романов (порт) (Мурманск) 61, 148
- Салоники (Салоникий фронт) 14, 45, 50, 51, 62, 94, 98—112, 120, 128, 131, 133, 148, 186
 Сан-Джованни-ди-Медуа (Медуа) 24, 32, 35—37, 41, 45
 Сардиния о-в 42
 Сегедин 122
 Симбирск 62
 Скопле 72, 80, 95
 Скоплевская Черногория 80, 95
 Скутари (Скадор, совр. Шкодер) 18, 28, 29, 32, 34, 39, 86
 Словения 134
 Смедерово 72, 73, 86
 Сорович 49, 137
 Спужа 24
 Спяцца 157, 167
 Сплит (Спалатто) 170, 175
 Струма, р. 132
 Сушак 171, 172
- Таквенский округ 80
 Тетово 80
 Тимок, р. 121, 176
 Тораито 35
 Трансильвания 115
 Трнест 167, 169, 171, 173, 174
 Трстеник 86
 Тунис 46, 49
 Тургукай 127
 Тырну Северин (Турну Северин) 62, 63, 91
- Ужица 86, 90
 Украина 62, 67
 Урошевац 74
- Флорьяна (Лерина) 100, 132, 133
 Фюнфинкирхен (Печ) 154
- Хорватское Приморье 54, 164
- Царев Лаз 29
 Цетинье 6, 28, 29, 81
 Циммервальд 87
 Цюрих 67
- Чачак 14
 Чакор, пер. 22

Челябинск 62

Черная, р. 134

Черновцы 124

Чехия 171

Чикаго 60

Шабаз 90

Шантйи 94—96, 98, 120, 126

Швейцария 25, 42, 50, 64, 67, 158

Шибеник 175

Шопрон 154

Штирия 166, 174

Эдипсон 45

Экс-он-Прованс 44

Эльбассан 36, 39, 74

Эпир 145

Ябланица 86, 90

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВВИ** — Архив Војно историјског института Југословенске народне армије
АВІР — Архив внешней политики Российской империи
АИИГ — Архив Историјског института Црне Горе (Подгорица)
АЈЗУ — Архив Југословенске академје знаности и уметности (Загреб)
АЈ — Архив Југославије
АС — Архив Србије
АСАНУ — Архив Српске Академије наука и умјетности
ВГГ — Военное генерал-губернаторство Австро-Венгрии в Сербии
ВИ — Вопросы истории
ВИАВ — Военно-исторический архив Венгрии
ВИЖ — Военно-исторический журнал
ВРС — Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца
ДА ДСИП — Државни архив Државног секретариата иностраних послова (Београд)
ИГ — Историјски гласник (Београд)
ИЗ — Исторические записки (Москва)
ИЗап — Историјски записи (Подгорица)
ИИ ЗР — Историјски институт. Зборник радова. Србија 1918 (Београд)
ИЧ — Историјски часопис (Београд)
ЛОГИА — Ленинградский областной государственный исторический архив
ЈУС' — Југословенски историјски часопис
ЛМС — Летопис матице Српске (Нови Сад)
МОЭИ — Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств
НИИ — Новая и новейшая история
РМЦ — Рускаја мисија на Цетињу
СКГ — Српски књижевни гласник (Београд)
СС — Советское славяноведение
ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
L'Allemagne — L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la première guerre Mondiale (1914—1917). Documents. P., 1962—1976. Vol. 1—3.
ВМ — Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. Die Kriegsschuldfrage für Erforschung der Kriegsursachen. В.
Conrad F. — Feldmarschal Conrad von Hötendorf. Aus meiner Dienstzeit, 1906—1918.
ННСТА — Haus-Hof und Staatsarchiv. Wien
Mitrović A. — Prodor na Balkan i Srbija, 1908—1918. Beograd, 1981.
Protokolle — Protokolle des gemeinsamen Ministerrates Österreich-Ungarischen Monarchie (1914—1918). Budapest, 1966

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Военное поражение Сербии	14
Глава II. Военное поражение Черногории	23
Глава III. Отступление сербской армии через Албанию	34
Глава IV. На острове Корфу	44
Глава V. Сербия и Россия после военной катастрофы	58
Глава VI. Послевоенные планы Центральной коалиции в отношении Сербии	67
Глава VII. Оккупационный режим в Сербии и Черногории	78
Глава VIII. Борьба против оккупантов в Сербии и Черногории	85
Глава IX. Возрождение сербской армии	93
Глава X. Сербско-черногорские отношения	103
Глава XI. Сербия и союзники накануне наступательных операций на Салоникском фронте	115
Глава XII. Кризис в Сербии обостряется	131
Глава XIII. Югославянская проблема. Сербия и союзники	143
Глава XIV. Итоги военной кампании на Балканах: победы и поражения	150
Заключение	161
Приложения	163
Список источников и литературы	192
Указатель имен	197
Указатель географических названий	202
Список сокращений	205

Научное издание

Писарев Юрий Алексеевич

СЕРБИЯ НА ГОЛГОФЕ
И ПОЛИТИКА
ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
1916 г.

*Утверждено к печати
Отделением истории РАН*

Редактор издательства *Токмаков В.Н.*

Художник *Н.Н. Симагин*

Художественный редактор *И.Д. Богачев*

Технический редактор *Н.М. Бурова*

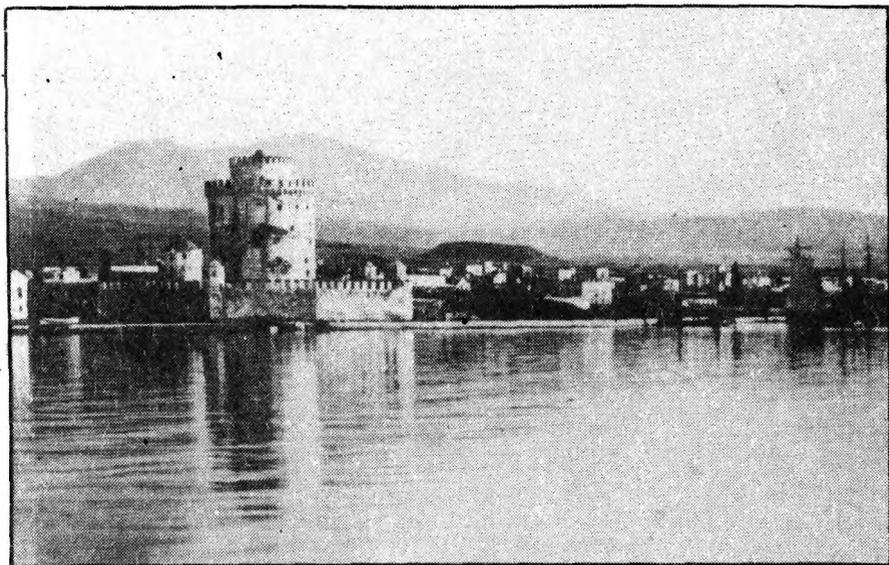
Корректор *З.Д. Алексеева*

**Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе**

**Подписано к печати 18.01.93
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,0
Усл.кр.-отт 13,3. Уч.-изд.л. 15,6
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 104.**

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., д. 90**

**Ордена Трудового Красного Знамени
1-я Типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12**

„Наука”